

РАЗВЕНЧАННЫЙ ТИБЕТ

Дневники К.Н.Рябинина,
доктора Буддийской Миссии в Тибет *

ДНЕВНИК, 1927

VII. ЗАДЕРЖАНИЕ В ЧОРТЕН-КАРНО. ЧУ-НАРГЕН

*26/XI. Тантрик-колдун. Новое преступление тибетцев.
Губернаторы Нагчу не посылают писем в Лхасу
и не распечатывают пакетов, им адресованных.*

Надеемся, что гонец с письмом к губернаторам сегодня выедет, так как двинуться отсюда скорее крайне необходимо. Сегодня приходил лама-тантрик, удерживающий снег, — прекрасный образчик для оперной постановки роли дикаря-колдуна, в красном колпаке, загнутом вперед, и в красной мантии, с черными заплетенными косами по бокам, в руках с самодельной молитвенной мельницей, беззубый и ковыляющий с ноги на ногу, все время автоматически бормочущий и гадающий на четках. Что общего у этого ламы-колдуна с заветами Будды? В суждениях его полная невежественность, хотя говорит, что двадцать лет тому назад воспитывался в большом монастыре Сера.

Новое преступление тибетцев — в 5ч. дня вернулся гонец из Нагчу, возвратив нераспечатанным, но весьма истрепанным пакет с письмами и телеграммами. Никаких продуктов гонец не привез, рассказывая небылицу, что Нагчу отрезан снегом от Лхасы, а губернаторы пригрозили, якобы, избить его палками. Пришедший от майора солдат сказал, что завтра майор пошлет в Нагчу письмо с солдатом. Наши средства воздействия положительно иссякают, а продовольствие все на исходе. Мука, сахар, свечи, спички — все почти кончилось. Остается

* Окончание. Начало см.: Ариаварта. Начальный выпуск. СПб., 1996. С.31-103. Публикация Б.С.Старостина и А.Г.Топчиева.

только ячье мясо. Животные получают ничтожное количество корма. Небывалое по безвыходности положение, так как не знаем, когда получим ответ, да и будет ли он вообще. Если б поставить в такие условия арестантов, то через несколько дней произошел бы бунт или жалоба прокурору. Даже прогулка наша ограничена небольшой тропинкой, так как по неровной кочковатой почве и глубокому снегу ходить без крайнего утомления невозможно.

Вечером поднялся вихрь, и мы заперлись по палаткам. Среди других воспоминаний Е.И. рассказывала, с какой завистью и злобой было принято некоторыми русскими художниками известие об основании в Нью-Йорке Музея Н.К. Можно было подумать, что это дело, совершенно их не касающееся, лишает их кровного достоинства. Н.К. улыбнулся: «В моем архиве имеется ряд любопытнейших преданнейших писем, содержание которых не соответствует изречениям за спиной. Впрочем, я не хотел бы, чтоб это приняли на свой счет те художники, к которым я отношусь с искренним расположением, и таких очень много».

Возвращение писем губернаторами мы квалифицируем не только как оскорбление нас, но и оскорбление Далай Ламе, и девашунгу в лице Первого Министра, письмо которому также заключалось в этом пакете, а также британскому резиденту и учреждениям Америки. Решили этот пакет все-таки потом отправить по назначению из Гиангцзе по английской почте, приложив объяснение об оскорбительных действиях губернаторов. Почему это не только народ, но даже и чиновники так пренебрежительно относятся к Далай-Ламе и своему правительству?

*28/XI. «Государственные дела» майора.
Генерал подражает «работе дураков».*

54-й день тибетской пытки — морозный и солнечный. Отмечаем странность поведения тибетского правительства, которое не дает ответа даже лицу такого высокого ранга, как Хорчичаб, генерал Кап-шо-па. Может быть, оно по обычаю советуется в это время с Правительственным Оракулом в Лхасе и медитирующими ламами по монастырям? Ведь это страна лам, и их мнение для правительства далеко не безразлично. Старшина передал сегодня, что майор придет к нам говорить «по большим государственным делам». Это сопоставление убогого хора и пьяного майора с государственными делами вносит в трагедию даже комический элемент. Сегодня ночью дикие собаки сделали попытку проникнуть в палатку П.К. и мою. Глядя на увеличивающуюся вокруг нас

стаю диких собак, мы невольно иногда задумываемся, чем это кончится, тем более, что в ламской стране стрелять их запрещается.

Пришедший около 12ч. дня майор не только не сказал нам ничего нового, но и вернул присланные обратно генералом письма и телеграммы, о которых мы думали, что они находятся в верных руках и дойдут по назначению. Повторяя прежние уверения в снежных заносах между Нагчу и Лхасой, майор сообщил, что в Нагчу не только не имеется продовольствия и топлива, но люди уплотняются в жилищах и освобожденные дома разбирают на топливо, и что в Нагчу и в Лхасе стоит много караванов в ожидании возможности перехода через перевалы. В результате майор согласился послать сегодня своего солдата в Нагчу с нашими письмами и его письмом. Из сегодняшнего разговора мы поняли только одно, что генерал «умыл руки», и мы переходим в ведение губернаторов, о которых майор выразился, что их деятельность — «работа дураков».

30/XI. Попытки достать пищевые продукты. Тибетская наглость. Необходимость в переоценке значения Тибета. Темные деяния майора. Отлетел дух Тибета.

День морозный. Небо в снеговых облаках. Теперь каждый день посылаем тайно Г.* на разведку за пищевыми продуктами и выделанными бараньими шкурками для отопления. Вчера удалось достать тысячу двести штук грецких орехов по цене — янчан (китайский доллар) за сто штук и 10 кусков порам (ячменного сахара) за три янчана. Сегодня посылаем старшину в аил за сухими абрикосами, привезенными, по слухам, из К'ама. Небо в тучах, и ветер усиливается. Голубин и лама Кедуб, несмотря на странное противодействие старшины, приставленного к нам, все же успели выехать за покупкой сухого сыра, масла и чая, иначе тибетцы не прочь заморить нас просто голодом. Сегодня мы смеялись, предполагая послать нашим друзьям-американцам образчик пищевых продуктов, на которых нас держит «милостивый» государь Далай-Лама. Чура, порам, грязный китайский сахарный песок и затхлый монгольский чай привели бы в ужас самого неприхотливого человека. Н.К. замечает: «Друзья, месяца через два мы будем есть толченый рог яка и будем уверять, что это не так плохо».

* А.А.Голубкин (Голубин) — завхоз экспедиции. Существует предположение, что Г. есть не кто иной, как Б.И.Панкратов — ученый-китаист, работавший в 20-е годы переводчиком в Советском посольстве в Китае. См.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. СПб, 1997. С.199.

Сегодня Н.К. показывал часть своей коллекции фотографических снимков из его многочисленных путешествий, и странно было видеть в нашем безлюдье и Фивы, и Сиену, и меч Роланда в стене Рокамадуры, и индейские пуэбло в Нью-Мексико, скульптуру Майя и Тримурти Элефанты. Подбор снимков так же значителен и разнообразен, как и сознание их владельца. Сегодня Н.К. заметил, что его мысль настолько уже занята новыми построениями, что Тибет совершенно отошел уже в сторону, и ему будет странно проезжать еще какими-то тибетскими землями.

Вернулся Г., с трудом купивший 40 ф. масла за 20 янчан и чурры. Серебряные китайские деньги принимают с большим разбором. Позвоительно спросить тибетцев, почему они так переоценивают медные шо, равные по величине копейке, считая, что пятнадцать таких копеек составляют полноценный мексиканский доллар. Не наглость ли это? К тому же Ю.Н. вспоминает, как невежественные тибетские торговцы заявляли в Урге претензии, что, по их мнению, правительства разных стран встречают их и почитают недостаточно. Откуда происходит это их заблуждение, что все страны должны раскланиваться перед невежественными тибетцами, тогда как сами они позволяют себе свысока и бесчеловечно третировать даже самых уважаемых иностранцев? Поистине, настало время переоценки ценности Тибета! А что, если Тибет окажется предоставленным самому себе?

Немного добавим к характеристике тибетского майора (рупэн). Ездивший по аилам за продовольствием Г. сообщил, что хоры боятся что-либо продавать и обнаруживать жизненные запасы, приходится долго уговаривать их. Они прямо говорят, что майор все отберет, если узнает о запасах. Около 7ч. вечера робко явился в лагерь молодой солдат 19 лет и просил позволить переночевать, ибо ему нельзя вернуться на ночь в ставку майора. Из дальнейших расспросов выяснилось, что майор принуждал его с помощью двух других солдат к сожительству. Таковы нравы тибетской армии и офицерского состава. Темный вечер закончился поистине ночным происшествием! Старшина хоров, говоря о майоре, показывает мизинец, желая тем пояснить его низкие свойства характера. «Да, — говорит Н.К., — с отъездом из Тибета духовного главы его Таши-Ламы отлетел дух страны».

3/XII. Жалкое убожество сознания Тибета.

*Китайская подделка рупии времен королевы Виктории.
Виктория в виде китайского мандарина. Восемь прощальных
пунктов заявления генералу и нагчуским губернаторам.*

С утра солнечный безветренный день. Думаем, откуда проистекают чудовищное самомнение и наглость тибетского правительства, преступно бездеятельного в отношении своего народа, получающего средства или от подаяний буддийского мира, или ограбления собственных подданных. Единственное объяснение — крайняя степень невежества, несмотря на громкие титулы — «Океан Знания», «Держатель молнии», «Святейшество», «Драгоценность» и тому подобные, а в действительности жалкое убожество сознания и всей окружающей жизни, хуже, чем нищенской.

Вчера принесли нам якобы серебряный тибетский нарсанг, оказавшийся китайской подделкой рупии, выпущенной в Сычуане времен королевы Виктории, которая изображена в китайской шапочке и на манер восточных владычиц. Еще раз любопытно отметить популярность королевы Виктории, которой она пользовалась в свое время в восточных странах, и именно с ней могло говорить то высокое посольство, о котором упоминалось раньше. «Значит, — замечает Н.К., — в ней были скрыты какие-то возможности».

Сегодня посылаем майору сообщение по пунктам для уведомления нагчуских губернаторов, почему мы не можем дольше стоять в Чортен-Карно и должны немедленно идти в Индию через Гиангцзе:

«1. Окончились лекарства, необходимые для нашей жизни, которые мы можем достать лишь в Индии. Мы задержаны в течение двух месяцев на морозных высотах и опасно боеем сердечными заболеваниями.

2. Окончились наши деньги, и осталось лишь небольшое количество серебра, принадлежащего жалованью наших служащих, которое мы не можем расходовать.

3. Окончились многие припасы, необходимые для нашего питания.

4. Без насильственного задержания мы могли вернуться домой уже в конце месяца.

5. Из-за задержки терпим огромные убытки, исчисляемые в большие тысячи нарсангов, ибо Посол руководит девятью великими делами (большими учреждениями) в Америке, а наши срочные телеграммы в Америку не были посланы вопреки нашим настояниям.

6. Ваш доньер, присланный вами в Шингди, а затем вы сами могли убедиться, что мы не разбойники, а почтенные и мирные люди, к которым нельзя применять грубых способов воздействия.

7. Мы шли исключительно ради священных целей Учения Благословенного, и правительство Лхасы было много раз осведомлено о нас своими должностными лицами. Таким образом, оно и должностные лица приняли на себя всю ответственность за происшедшее.

8. Лхасское правительство недавно допустило в Лхасу бурятских паломников и посольство Монголии и не допустило Буддийское Посольство из Америки. С 6 октября по 24 ноября — пятьдесят дней — лхасское правительство отказывалось выслушать Грамоту и принять приношения буддистов, приехавших из Америки. Между тем как, в свое время, оно обращалось за помощью к Америке. Таким отношением Великая Страна Америка будет чрезвычайно оскорблена. Ввиду всего вышесказанного, мы мирно двигаемся в Нагчу для следования на Гиангцзе — Индию. Мы простояли уже 60 дней в губительных условиях при сильнейших морозах, окончательно подорвав свое здоровье».

*4/XII. Юбилейный 60-й день. Недомогания в лагере.
Плен у дикарей.*

Юбилейный 60-й день тибетской жестокости и невежества. Опять у Е.И. сильно учащенный пульс, и Ю.Н. чувствует недомогание. Вчера на Ю.Н. произвело впечатление препятствие со стороны приставленного к нам якобы для услуг десятника-хора разговору Ю.Н. с пришедшим в лагерь посторонним хором. Это уже является грубым полицейским вмешательством. Сегодня нервно заболел Н.В.* Ю.Н. говорил о своем отношении к Тибету, который после кратковременной и малой вспышки государственного сознания в VII и VIII веках погрузился потом опять в тьму невежества и занялся извращением Великого Учения Будды. Санскрит, китайский, японский и арабский языки представляют благородную группу языков, имеющих богатую литературу, которая даст вернейшее представление о прошлом Азии, Тибет же превращается в курьез паноптикума.

Н.К. говорит, что «в свое время много нападали на англичан за их вооруженную экспедицию в Тибет, но можно себе представить ту степень

* Н.В.Кардашевский (Кордашевский) — полковник, начальник вооруженной охраны экспедиции.

раздражения, до которой может довести мыслящих людей преступное и невежественное правительство Тибета».

Е.И. замечает, что наше положение напоминает плен у дикарей. Хотели написать генералу, что наше задержание в данных условиях — средневековая пытка, но вспомнили, что этот период в Тибете только что начинается.

7/XII. Отказ майора прийти. Наше заявление ему.

Сегодня майор отказался прийти. Таким образом, мы вынуждены послать ему следующее заявление:

«Оскорблены тем, что Вы отказываетесь прийти на наш зов. Сообщаем Вам, что через тридцать дней кончатся сроки паспортов наших служащих, исправить эту неприятность можно только в Индии. Вы, как служащий военный человек, понимаете, какую ответственность Вы принимаете на себя, препятствуя исправности паспортов. Мы Вам сообщили, что кончились наши деньги и что получить их мы можем только в Индии. На это Вы ответили, чтобы о деньгах мы не беспокоились. Поэтому будьте добры прислать нам на ближайшие расходы десять тысяч нарсангов, ибо Вы не озаботились своевременно известить Ваше правительство о нашем тяжелом положении. Мы не разбойники, и Вы не имеете права обращаться с нами, как с преступниками. Девять организаций Америки встанут на нашу защиту. Через три дня кончается срок, данный нами Вам для перевозки нас в Нагчу. Озаботьтесь 70-ю яками и 20-ю лошадьми. Послано ли Вами письмо генералу, и когда ждете ответа?»

Полагаем, что наше положение теперь хуже, чем в плену у разбойников. С последними возможно было бы по крайней мере сговориться и откупиться, и они же помогли бы двинуться далее, а с этими обезьянами ни взад, ни вперед.

В тибетском изложении сегодняшнее письмо майору пришлось передать в таких выражениях: *«Господин майор, не явившись сегодня, Вы не только лишили нас возможности вести важные переговоры, но и причинили большой вред. Паспорта сотрудников Посольства кончатся через тридцать дней, и, если от американского консула в Индии не взять новых удостоверений, могут возникнуть необычайные осложнения. Потому господин майор должен выдать Послу документ, в котором должно быть указано, что мы задержаны девашунгом*

в Чу-наргене в течение 64-х дней. Послом этот документ будет препровожден американскому консулу в Калькутте. Отправленный в Нагчу солдат еще не вернулся, между тем наши съестные припасы и деньги кончились. Будучи принуждены платить здесь за зерно, цампу и аргал огромные цены, мы видим, что никаких средств нам не хватит. Посол нуждается в десяти тысячах нарсангов. Сообщите об этом генералу и губернаторам Нагчу. Если сегодня не придет гонец, необходимо послать нового гонца в Нагчу. Между прочим, прошу Вас собрать безотлагательно сто грузовых яков и тридцать верховых лошадей, так как через три дня мы собираемся выехать в Нагчу. Вчера был прислан слишком маленький мешок зерна, просим прислать сегодня больше. Посол — человек, известный во всем мире, не разбойник, и все же принужден оставаться здесь в холодном и скверном месте. Учреждения в Америке, узнав об этом, почувствуют себя весьма оскорбленными».

Второй день жестоко мучает нас дующий с утра и до вечера ледяной ветер. Сердце слабеет, несмотря на дигиталис, руки и ноги зябнут, и нельзя выйти из палатки.

*8/XII. Губернаторы Нагчу даже не распечатали наши к ним письма. Вопросы майору и его ответы. Письмо Хорчичабу.
Этика лам.*

Ночью опять мороз. В 12ч. дня пришел майор с нераспечатанными письмами, возвращенными губернаторами Нагчу. Поставили ему ряд нижеследующих вопросов, на которые получили ответы.

1. «На каком основании губернаторы не доставляют телеграмм и писем в Америку и британскому резиденту?»

Ответ: «Согласен, что имеется договор с Англией и губернаторы ответственны за неотправку и подлежат строгому взысканию».

2. «Чтобы избежать будущих чрезмерных расходов Тибета и уменьшить их, предлагается послать телеграммы и письма непосредственно на почту в Лхасу с солдатом».

Ответ: «Можно послать сегодня же генералу письмо с приложением телеграмм и писем, так как от генерала другая дорога на Лхасу открыта. Ответ, по слухам, ожидается в скором времени, и в Нагчу даже приготовлен дом для остановки».

3. «На каком основании небуддист Фильхнер посещал монастыри, мы же лишены этой возможности?»

Ответ: «Уже ранее об этом были запрошены губернаторы, но только по получении ответа они могут все разрешить». Можно ли поверить тому, чтобы губернаторы специально запрашивали Далай Ламу о посещении монастырей?»

4. «На каком основании цены на продукты и аргал все увеличиваются? Например, за мешок аргала берут уже 6 шо, а два уступают за 1 нарсанг, т.е. 10 шо?»

Ответ: «За маленький мешок в Нагчу берут один нарсанг, разобрали уже крыши, и одна полка стоит один янчан. Сделано распоряжение об увеличении веса ячменя в мешке». В последнем мешке вместо 60 фунтов было только 49 за плату 7 янчан и 5 шо.

5. «Спрашиваем точный ответ о паспортах и 10.000 нарсангов».

Ответ: «О паспортах можно телеграфировать американскому консулу из Лхасы. Генерал даст удостоверение о задержке в Чу-наргене правительством. О деньгах будет написано генералу».

6. «Я не верю, чтобы правительство 64 дня не дало ответа, ибо знаю правительства всего мира».

Ответ: «До получения ответа из Лхасы губернаторы не хотят что-либо предпринимать. Они враждуют с генералом, так как дали предварительно неудовлетворительное сообщение в Лхасу, за что получили выговор. Ответ из Лхасы вышел, но задержался из-за выпавшего снега».

7. «Нас держат здесь, как преступников, и потому обязаны сказать нам наше преступление».

Ответ: «Сообщу об этом генералу».

8. «Мы боеем, дольше стоять здесь не можем. Очевидно, тибетцы не привыкли принимать больших людей, а только маленьких торговцев».

Ответ: «Совершенно согласен. Срочно посылаю гонца. Все передам».

9. «Просим отвечать на наши вопросы обдуманно, так как ответы будут сообщены правительствам Англии и Америки».

Ответ: «Согласен».

Записываю этот тибетский письмовник, так как впоследствии кому-то он будет небезынтересен. Ю.Н. пишет письмо генералу, а также и майор, чтоб сегодня же послать их с гонцом генералу. Возвращенные пакеты вновь посылаем с припиской губернаторам Нагчу. Тибетское письмо генералу: *«Великому Комиссару Области Хор, Князю, вращающему колесо правления. Американская буддийская Миссия потеряла без всякого смысла 65 дней в Чу-наргене и в настоящее время стремится пройти в сторону Индии. Средства Миссии кончились. Принужденные платить чрезмерные цены за фураж и продовольствие,*

мы не в состоянии выдержать этих расходов. Миссия нуждается в десяти тысячах нарсангов. Сообщите об этом тибетскому правительству. Срок паспорта одного из Членов Миссии кончается через 30 дней. Если не будет взят новый паспорт от американского консула в Индии, могут произойти большие осложнения. При настоящем письме посылаю Вам одно письмо на имя британского резидента в Сиккиме и другое — на имя почтмейстера в Лхасе. Прошу незамедлительно переслать оба эти письма в Лхасу. В случае, если эти письма не достигнут Гиангцзе, делу Америки будет причинен необычайный вред. Просим Верховного Комиссара озаботиться посылкой этих писем. 24 ноября в столице Америки избран Собором Владыка Учения на Западе. Таким образом, поток Учения беспрепятственно устремляется на Запад. Да прославится вовек Учение на Западе! В настоящее время для нас не имеет смысла посещение Лхасы — Миссия не имеет другого желания, кроме как пройти через Гиангцзе на Индию. По получении Вашего ответа мы немедленно выступаем на Гиангцзе. Вследствие холодов и суровых условий жизни начальник Миссии, супруга его, доктор и начальник охраны тяжело болеют. Потому просим спешно прислать ответ, иначе положение грозит большими осложнениями. Ввиду скудости продовольствия просим прислать три мешка китайской муки, десять мешков зерна и десять мешков сена. Большинство наших животных погибло. Из 41 верблюда остается всего десять. При письме посылаем сто мекдолларов для оплаты телеграмм».

Сегодня выяснилась истинная причина ухода от нас лам. По их словам, они думали, что им разрешено будет в этом случае двинуться далее самостоятельно. Но, увы, они жестоко ошиблись — и теперь, лишившись получаемого жалованья, должны к тому же затрачивать большие для них деньги на проживание в лагере майора, где идет пьянство, завывание тантрика и полное безделье. Один из них — Ламаджан уже пробовал вернуться к нам, но не был принят обратно.

*10/XII. Задержка писем. Заявление майору.
Может быть, англичане введены в заблуждение.
Опасность потопа и болезней.*

Ночью сильный мороз. День солнечный. Письмо генералу послано майором, как оказалось, только вчера. Сведений о посылке письма в Нагчу мы не можем добиться.

Много говорили в последние дни о создании в одном из центров Индии «Города Знания», куда могли бы быть привлечены выдающиеся ученые для разработки эволюционных вопросов знания различных дисциплин Востока и Запада. Ю.Н. особенно интересуется, между прочим, вопросами биохимии, физики, психологии и физиологии. Программа такого центра знания была намечаема из высоких источников уже с 1920 года. Так наше вынужденное сидение заполняется самыми насущными для ближайшего будущего решениями.

Сегодня составляем майору новое заявление: *«Вы уже давно знаете об окончании наших лекарств, денег и припасов. Если мы здесь останемся еще несколько дней, то по слабости здоровья вряд ли будем в состоянии сесть на коней и выехать — жестокие действия тибетского правительства довели нас до такого состояния. Теперь мы требуем, чтоб Вы немедленно передали нас в ведение ближайших британских властей, находящихся в Гиангузе. Такое требование иностранцев, не обвиненных ни в каком преступлении, должно быть немедленно исполнено. Вы, один из старших офицеров, оставлены здесь генералом для помощи нам. Вы имеете солдат для эскорта и должны препроводить нас к британским властям в Гиангузе немедленно. Повторяю, что наше здоровье не может выдержать жизни в этом худом и холодном месте. Иностранцы вправе требовать доставить их к европейским властям».*

От проходящих караванов мы слышали, что о всех приезжающих в Тибет Лхаса запрашивает англичан. По словам же майора, губернаторы Нагчу получили выговор за их бестолковое о нас донесение. Воображаем, что они могли написать в Лхасу и что подумали англичане! Тут был, вероятно, и «буддийский король», и тибетское имя Н.К., изобретенное ургинским доньером Тибета, «Рета-Ригден», и «главнокомандующий какими-то большими силами», и прочий вздор, в котором трудно серьезно разобраться.

Как упоминалось выше, наш лагерь расположен на болотистом месте у речки Чу-нарден. Теперь, благодаря дневному нагреванию солнцем склонов окружающих холмов, происходит постоянное таяние снега, и речка разливается, подступая к нашим палаткам. В то же время, по сведениям, в аилах за холмами начинаются какие-то заболевания. Хоры сами не пускают ни нас, ни сородичей в свои палатки, боясь распространения болезни. Все это вынуждает нас еще более стремиться уйти отсюда скорее. Сегодня у Н.К. пульс 112. У многих из нас большая сердечная слабость. Боремся, как можем, и с холодом, и с потерей сил. Болеем, но твердость духа и мужество преодолевают — жалоб среди нас

не слышно. Пишем тибетскому правительству, ибо мы должны действовать, чтобы отсюда продвинуться, иначе никто бы не услышал ни единого стона. После узнали бы о жестокости Тибета! Вчера получены слухи, что имеется еще дорога на Таши-Люмпо, минуя Нагчу и Лхасу. По картам нельзя разобраться — везде горы и снега.

Завтра посылаем майору по-тибетски, в качестве документа, следующее письмо: «Ввиду того, что в Тибете не имеется американского представителя, нам необходимо встретиться с британскими властями Индии. Потому нам следует выступить вместе с Вами к британским властям на Гиангцзе. Майору предлагается передать американское посольство британским властям в Гиангцзе. Просим обдумать это требование и ответ сообщить нам письменно».

*11/XII. Пульс Н.К. и слабость Е.И. внушают опасения.
Народная характеристика Далай-Ламы. Настроение каравана.*

Сегодня с утра у Н.К. особенно учащенный пульс — 128, т.е. при его норме 62, более чем в два раза. У Е.И. к утру была сердечная слабость. Сегодня с утра отправили к майору Г. и торгоута Кедуба с письмом и словесными разъяснениями и требованиями препровождения нас в распоряжение британских властей в Гиангцзе. Наше категорическое желание, ввиду истекшего срока полномочий Посольства, миновать Лхасу, не повидав Далай-Ламу, должно показаться тибетцам совершенно невероятным обстоятельством. Ведь поклониться Далай-Ламе и побывать в «священном городе» Лхасе — мечта каждого ламаиста. Но настанет время, и тибетцы поймут, что наше нежелание видеть Далай-Ламу после 24 ноября имело свое глубокое значение. Не забудем вышеприведенного совета майора не отказываться все-таки идти через Лхасу. Не есть ли это опасение, что такое пренебрежение к ламаистскому кумиру со стороны западных буддистов, известных своими щедрыми пожертвованиями монастырям, построениями чортенов и храмов, вызовет брожение умов среди ламаистов и может навести их на дальнейшие невыгодные для Далай-Ламы мысли, о котором и без того уже ходят многочисленные недоброжелательные толки? В народе называют его «рябым монахом», не забывают и слухов о какой-то монахине. Один же почтенный лама, встретив в Сиккиме Его Святейшество в желтом шелковом спортивном европейском костюме, воспользовался этим странным нарядом Далай-Ламы, вероятно, не желавшего быть узнанным, и сильно толкнул его.

Сегодня Г. предлагал послать письмо тайком с каким-либо проходящим мимо караваном через Синин американскому посланнику в Пекине. При этом Г. прибавил, что, хотя письмо может дойти лишь через 3-4 месяца, но не забудем, что здесь мы имеем дело с дикарями. Из этой фразы можно заключить о настроении каравана. Торгоут лама Кедуб, происходящий из Астраханской губернии, выразился сегодня о жизни тибетцев, что это жизнь «яка», т.е. их жизнь скотоподобная, ничем не отличающаяся от жизни животных.

В 2ч. дня пульс Е.И. слабого наполнения и 140 ударов. На наше письмо майор заявил по-прежнему, что скоро ожидается ответ, до получения которого он никуда не может продвинуть нас отсюда. В то же время Кончок намекнул, что майора можно было бы уговорить доставить нас к генералу, так как до весны едва ли удастся двинуться за Нагчу из-за больших снегов. Снова послано майору письмо с Г. с требованием немедленного продвижения нас к генералу в Биру-Гомпа в К'аме, чтобы обойти затем Лхасу с юга. Видимо, не только нам, но и солдатам майора очень хочется отсюда уйти, тем более, что через пять дней мы сможем выйти из снегов, а далее имеется трава, сено, зерно и леса...

*12/XII. План переезда к генералу. Возмутительная характеристика Тибета, данная майором. «Где же тут Учение Будды?»
Еще письмо генералу. Падение торговли Тибета.*

С утра ожидаем майора для решительных переговоров о продвижении в К'ам к генералу. Этот новый путь, хотя и длиннее до Гиангце в общем на двенадцать дней, но устраивает нас, так как разрешения по-прежнему нет, а здесь мы смогли бы сдвинуться с места уже 15 декабря, через пять дней освободиться от снега и морозов и пройти новыми для европейцев — интересными для нас — местами вдоль южного Тибета вблизи Брахмапутры (Тцанг-по) через Самье — Гиангце на Индию. Н.К. очень стоит за этот план. Сегодня пульс его 132.

Много говорили об ископаемых Тибета. На западе, в области озер, по верховьям Инда лежат богатейшие золотоносные поля древней Дартики. Еще Геродот упоминал о копошащихся здесь золотоносных «муравьях». Золото лежит здесь на поверхности земли. Разрабатывать его всесильное ламство Тибета не позволяет из-за религиозных соображений, что нельзя разрывать землю для добывания минералов. Это же соображение господствует и в Монголии, где даже предпочитают гибель во время зимы животных, но не косят травы и не запасают на зиму сена.

Горы Тибета, особенно на юго-востоке, чрезвычайно богаты каменным углем, железом и серебром. У англичан имеются кое-какие геологические исследования минеральных богатств Тибета, но это держится в секрете.

После 2ч. пополудни пришел майор и на наше заявление о необходимости идти к генералу, согласно данному последним разрешению свободно двигаться по области, им управляемой, ответил, что до получения разрешения из Лхасы он не может нас никуда пропустить. Тогда мы спросили майора: «Значит, генерал лгал, когда дал нам разрешение свободно продвигаться по его земле?» Майор не ответил на вопрос, а заявил, что генерал и без того уже получил и получит большие неприятности за данное нам ранее разрешение продвинуться сюда из Шингди. На последовавший вопрос, принято ли в Тибете менять данное обещание, майор, нагло, все время улыбаясь, отвечал: «Это тибетский обычай». На заявление Н.К. и Ю.Н., что Е.И. тяжело здесь болеет и почти при смерти, майор захохотал и ответил, что тибетцам до этого нет дела, «так как они безжалостны».

В то же время выяснилась любопытная подробность, тибетцами скрываемая. Чиновники в Тибете не имеют права вновь писать о чем-либо правительству до получения ответа на первое донесение. А писем и заявлений от иностранцев вообще здесь не пропускают, чтоб не беспокоить правительство и Далай-Ламу. На наше замечание, что таким пренебрежительным и бесчеловечным отношением к иностранцам имя Тибета становится черным для всего мира, майор заявил, что «тибетцы — религиозные люди, а их правительство благочестивое». Вникнем в этот ответ и осознаем всю бездну человеконенавистничества Тибета и всю глубину его презрения к иностранцам. Только крайнее невежество и суеверие Тибета могло породить такое самомнение. Сами тибетцы везде ездят и живут беспрепятственно, нагло требуя к себе величайшего почтения! Не пора ли правительствам всего мира обратить сугубое внимание на этих наглых торгашей-тибетцев и водворить их в «благочестивую страну»? Кстати, точное имя майора — Цонам Тобжель Цодуб. Единственно, на что согласился майор, — это дать нам возможность продвинуться в ближайший монастырь и подумать о предложении нашем продвинуться по направлению к генералу за пять дней отсюда в К'ам, где кончается снег. Решили завтра же послать П.К., Г. и Кедуба в монастырь для осмотра его и выяснения пригодности для временного пребывания.

Таким образом, сами обстоятельства выявляют перед нами жестокое и невежественное лицо Тибета, до сего времени тщательно скрывав-

шеется за снежными хребтами высоких гор! Н.К. в сотый раз восклицает: «Где же тут Учение Будды?!» Еще одна подробность о тибетском «благочестивом» правительстве, выяснившаяся из разговора с майором. Он заявил, что девашунг «не знает и не интересуется обычаями других стран».

Сегодня послали новое письмо генералу: «Американская Миссия западных буддистов собирается уходить отсюда. Денежные средства и лекарства истощились. Не имея лекарств, мы не в состоянии оставаться на высоких нагорьях. Супруга начальника Миссии снова болеет — опасность велика. Необходимо незамедлительно направиться в Индию. Из-за выпавшего в Нагчу снега правительственный ответ задерживается. Губернаторы Нагчу постоянно возвращают посылаемые нами письма обратно. Если мы не в состоянии будем пройти через Нагчу, мы сможем пройти на Гиангузе через Биругомпа. Пришлите по этому поводу распоряжение майору. Животные наши продолжают погибать. За один мешок зерна принуждены платить 11 нарсангов. Наше единственное желание — пройти на Индию».

По мнению генерала, высказанному при одном из свиданий с ним, Н.К., как «большому человеку», возможно, «перевощенцу», не грозит на высотах никакая опасность, так как большие люди, например, в Тибете, могут ее избегать. Вспоминается еще резюмирующий наше положение вопрос майору: «Значит, Вы задерживаете нас здесь, как задерживают разбойников?» Майор усмехнулся, но не отрицал этого. Мы вероломно, предательски задержаны здесь, несмотря на паспорта и уверения тибетского доньера в Урге. Монголы наши ходят, как в воду опущенные, браня Тибет и показывая мизинец руки в знак ничтожества Тибета.

Сегодня пал еще один мул. Та же безжизненная кругом местность, ни гонца, ни каравана. За два с половиной месяца мы видели здесь на главной артерии всех путей всего лишь один монгольский караван из Цайдама и до десяти местных яковых с чаем, шерстью и маслом из Кама. Можно ли к этому ничтожному движению применять понятие торговля?

14/XII. Подготовка новой стоянки.

Приговор старого монгольского ламы Тибету.

Н.К. еще о Тибете. Получены новые значительные сведения.

Лучшие из лам бегут из Тибета.

С утра едут Ю.Н., П.К. и Г. для обследования предполагаемой нашей стоянки у монастыря. Наши бедные монголы опять волнуются и трогательно тоскуют об оставленных ими в Цайдаме близких. Старый проводник Санген-лама подходит к нам с поднятыми большими пальцами рук, а потом показывает мизинцы — это значит, что мы «хорошие и великие люди, а тибетцы дурные и ничтожные». Он говорит, что мы и монголы — буддисты, а тибетцы — черные души. Так старый монгольский лама кладет грань между Монголией и Тибетом, определяя положение в буддийском мире отныне развенчанной тибетской святыни.

Н.К. высказывает сегодня то, что он хотел бы полностью выразить тибетскому правительству: «Если бы к американскому правительству прибыло Посольство Восточных Буддистов со священными целями единения, с дружественной Грамотой и дарами, то, следуя заветам Благословенного, западные буддисты в случае холода и непогоды нашли бы лучшие способы выслать им самые теплые вещи и поместить их в отопляемых прекрасных помещениях, предоставив им хорошее пропитание без убийства яков и баранов, ибо убийство животных допущено Буддой лишь в исключительных случаях. Тибетские же буддисты в обращении с Посольством западных буддистов показали себя отвергающими три великих завета Учителя — сострадание, бесстрашие и знание. Они отвергают сострадание, ибо семьдесят уже дней не вникают в наше тяжкое положение, оставляя нас даже без ответа. Они отвергают бесстрашие, ибо боятся шести мужчин, двух женщин и одного ребенка. Они признают осужденное прежде всего Благословенным невежество, ибо даже не хотят выслушать великие сообщения, принесенные Посольством. Тибет отвергнулся от заветов Будды. Да исполнятся пророчества!»

Такими словами кладется между Тибетом и другими странами грань, которая принесет свои плоды в самом ближайшем времени. Сегодня у нас возникли пока смутные соображения о необходимости посылки какого-то доверенного лица в Гиангцзе, чтобы дать весть в Америку и британскому представителю о нашем безысходном положении. Конечно, все это трудно. Мне же сегодня почему-то особенно остро вспоминается, что на одной из ближайших остановок один из местных хоров усиленно и взволнованно

старался обратить на что-то мое внимание, явно недоброжелательно указывая на чиновников. Он дважды увлекал меня в мою палатку, что-то говорил, показывая на чиновников, и замолкал, когда приходили другие. К сожалению, Ю.Н. в этот момент был чрезвычайно занят с чиновниками и не мог мне перевести предупреждение. О чем же пытался предупредить нас этот благожелательный хор? И что же может значить этот беспримерный случай отсутствия ответа правительства на семидесятый уже день? Такое задержание, при полном лишении свободы передвижения и сношений с внешним миром, без предъявления обвинения в течение семидесяти дней — есть беспримерное преступление против человеческих прав, сопряженное с нанесением непоправимого ущерба материального и для здоровья.

Сейчас вернулся из Цомра лама Ринзин на последних двух верблюдах. Таким образом, из 41 бывших у нас верблюдов осталось, вместе с прибывшим на днях самостоятельно из Цомра верблюдом, всего шесть. Караван погиб, уничтоженный «благочестивым» правительством.

В 5ч. дня вернулся Ю.Н. из монастыря, который сам по себе беден, с убогими постройками. Две указанные для нашего помещения комнаты сыры и непригодны для зимнего времени. В монастыре имеется библиотека из 140 книг учения бон-по, небольшое количество священных изображений среднего и грубоватого исполнения, а также маски священных танцев, преимущественно животного облика.

Гораздо значительнее полученные Ю.Н. по дороге сведения от сопровождавшего его солдата. Оказывается, майор в числе других гнался в 1923 году за бежавшим из Тибета Таши-Ламой. Высокий беглец ночевал в этом монастыре. Почтенный настоятель монастыря Чумби, отзыв которого о Н.К. и Е.И. был приведен выше, а также наиболее уважаемый лама из Таши-Люмпо уже год, как бежали через Калькутту в Маньчжурию к Таши-Ламе. Из четырех тысяч лам в Таши-Люмпо осталось всего около ста — остальные бежали из Тибета через Индию. Солдат замечает, что теперь наступили плохие времена в Тибете. Таким образом, каждое поступающее сведение только еще раз подтверждает, как верны прогнозы Н.К. о Тибете. Назревают какие-то события, ибо солдат сообщил, что в Гиангце много английских войск, а в Нагчу-цзонге задерживают все монгольские караваны, идущие и со стороны Лхасы, и в Нагчу; верблюды падают. В общем, по словам Ю.Н., местность около монастыря лучше защищена от ветров и потому теплее. Завтра будем говорить с майором о передвижении и по вопросу о снабжении нас там продовольствием. Говоривший с Ю.Н. солдат сообщил также, что из Тибета бежал один из больших лам — Цзаримпоче, прибавил, что бежали «все хорошие ламы».

VIII. ТИБЕТСКАЯ КАЗНЬ. МОНАСТЫРЬ ШАРУГОН

*17/XII. Смена стоянки. 73-й день тибетской казни.
День переезда.*

Встали в обычное время, в 8ч. утра. Яков для погрузки начали пригонять с утра. Но с этим транспортом чрезвычайно хлопотно — животные вертятся, их держат и за рога, и за хвост, к тому же от бескормицы слабы. Дорога шла в ущелье по Чу-наргену мимо гранитных скал с левой стороны, совершенно обнаженных от снега. Встретили три трупика маленьких яков и три аила. Монастырь прилепился к гранитным скалам и расположен по правой стороне реки. Впереди него — большой субурган. Сегодня 73-й день тибетской казни, ибо пытка своей длительностью давно уже превратилась в казнь. Тибетское правительство озабочилось уничтожить наш караван, дав нам взамен для переезда 60 слабосильных яков с горстью бессильных хоров. Пришлось более трети вещей покинуть на месте до завтра.

Новая наша стоянка при дороге в К'ам справа от монастыря в ущелье по притоку Чу-наргена у самых гранитных скал. Защищены теперь от холодных ветров утесами. Н.К. находит расположение монастыря очень живописным и указывает на бросающееся в глаза сходство его построек с египетскими. Завтра предполагаем посетить этот монастырь. Днем оказалось теплее, чем на прежней стоянке. Обилие здесь орлов, соколов, зайцев и сусликов также является показателем более теплой местности. Завтра по случаю большого буддийского праздника, по монгольскому числению 25 декабря, дня смерти Учителя Цзон-ка-па, Е.И. распорядилась выдать монголам праздничную пищу и денежный подарок. В палатке ее сегодня повешена танка Майтрейи, что искренне порадовало монголов.

*18/XII. Монастырь Шаругон. Обратная свастика.
Пещерные скиты. Празднование дня памяти смерти
Цзон-ка-па в нашем лагере.*

Утро очень холодное. Солнце осветило наши платки из-за гор лишь в 9ч. 10м. утра и несколько согрело нас. Сильно мерзнут с утра лица и ноги. До 12ч. дня остальных вещей с прежней стоянки еще не доставили. Во время погрузки произошла вчера ссора между солдатом Давой Дондубом и местными хорами и старшинами. За что-то солдат ударил

одного из старшин. Другие тотчас же схватили Даву и чуть было с ним жестоко не расправились. Дело принимало угрожающий характер и потому пришлось вмешаться, чтобы прекратить побоище.

С утра посетили монастырь Шаругон. Строения обнесены высокой каменной стеной, частью побеленной, частью выкрашенной красной глиной. Двор мощный, запачкан аргалом, клоками шерсти и всяким мусором. Постройки в виде высоких четырехугольных массивов, напоминающих стройку египетского характера. Слева во дворе находятся новые постройки с новым храмом, стены которого внутри расписаны впереди и слева изображениями Будды, Авалокитешвары и Тар, а справа — изображениями различных идамов. Для такого уединенного в ущелье на Чантанге монастыря роспись, по замечанию Н.К., недурна. Внутренняя отделка деревянная, лакированная, поддерживаемая деревянными же четырехгранными колоннами, выкрашенными в красную лаковую краску.

Всюду формула «аум» заменена формулой «А». Не забудем древнейшую формулу первичного «А — естества». Много изображений свастики, но в обратном направлении. Таким образом, некоторые символы изображены обратно; однако, чего-либо намеренно извращенного, колдовского, мы не заметили. Справа во дворе помещается старинный дуканг. Как известно, в буддизме нет храмов, а имеются или дома собраний, или дома знания. Давность этих построек монастыря не более двадцати лет. Дуканг представляет собой каменное низкое двухэтажное здание, куда ведет приставная лестница с крутящимися круглыми перекладинами, не более семи, в отверстиях, пробитом в потолке. Само помещение темное и низкое. Справа по стене развешено до тридцати больших обрядовых масок, изображающих различных животных и идамов. Впереди — нечто вроде алтаря со священными изображениями и медными буддийскими лампадами. В потолке среди помещения находится отверстие в какое-то верхнее помещение, куда ведет приставное бревно толщиной в три вершка, с нарезками. Обитателей в монастыре не более 5-6 человек. Говорят, что в ближайших горах имеются еще пещеры, где затворяются некоторые ламы, вероятно, занимающиеся тантрой или медитацией.

Яки с вещами пришли около 3ч. дня. По словам Г., вчера и сегодня там, т.е. на прежней стоянке, было чрезвычайно холодно и ветрено. Сегодня переезжает в монастырь и часть лагеря майора. В лагере говорили о какой-то второй жене майора, но обычно в Тибете существовала полиандрия. В одной из палаток наши ламы-монголы повесили танку Майтрейи, долго служили и разошлись только после семи часов вечера с торжественно-просветленными лицами.

*19/XII. Мои представления о преступности тибетского
правительства. Посещение больной. Рукописные
Канчжур и Танчжур. Оум и А.*

С 6 октября, времени задержания нас тибетскими властями в Шингди, когда приезжали представители духовного и гражданского губернаторов из Нагчу и от Верховного Комиссара области Хор генерала Кап-шо-па, прошло уже семьдесят пять дней. Вспоминая теперь всю обширную свою административную практику за долгую трудовую жизнь, кода приходилось участвовать в следственных и ревизионных комиссиях в крупных учреждениях и по поводу крупных злоупотреблений и правонарушений, я не могу припомнить ни одного более вопиющего к правосудию акта насилия и ряда преступных действий, совершенных по отношению к нам тибетским правительством, которое должно понести заслуженную им кару.

Прежде всего, оно виновато в том, что ввело нас в заблуждение, вовлекши в невыгодную для нас, дорогостоящую экспедицию в Тибет, снабдив нас через своего полномочного представителя в Урге паспортами и письмом к Далай-Ламе, уверив не только в беспрепятственности проезда в Лхасу, но и в полном к нам благорасположении тибетского правительства. Что доньер тибетского правительства в Урге имел все соответствующие этому высокому посту полномочия, нельзя было сомневаться, так как для правительственных закупок он закладывал монгольскому правительству имущество Далай-Ламы. Затем: оно не имело права арестовать нас и лишить свободы передвижения, окружив милицией хоров и военным караулом, задержав среди суровой зимы в безлюдной местности у реки Чу-нарген в окрестностях Чортен-Карно, на высотах Чантанга, около 15.000 футов, в двух днях перехода (около 65 верст) от города-крепости Нагчу. Мы остались в летних палатках без запасов теплой одежды, продовольствия и фуража. Многие необходимые на высотах медикаменты к началу седьмого месяца нашего путешествия иссякли. Вышли мы из Урги 13 апреля 1927 года. Все наши обращения к тибетскому правительству о гибельности положения, болезнях и голоде были бесплодны — ответа до сего времени из Лхасы получено не было, а письма и телеграммы нам возвращали обратно. В результате всего этого — огромный вред, нанесенный нам тибетским правительством.

Попробуем теперь разобраться и подсчитать всю сумму нанесенно-го нам материального вреда, не считая пока нравственного, сопряженного с насильственным нас задержанием в течение такого долгого времени. Стоимость приготовления трудной экспедиции в Тибет из Монголии уже

обошлась до сего дня не менее, чем в сто тысяч американских долларов. Глава Миссии Н.К.Рерих является первенствующим лицом в девяти крупных американских учреждениях, без ведома и совета которого не происходит никакого крупного решения. В это время как раз должна происходить многомиллионная постройка собственного здания ряда помянутых американских учреждений. Во что выльется убыток этих учреждений за время насильственного задержания Н.К., не могущего даже снестись по телеграфу, мне неизвестно, но можно себе представить, как велика должна быть сумма реальных убытков, проистекших вследствие противозаконных действий тибетского правительства. Кроме того, Н.К. — гениальный художник с мировым именем и славой, зарабатывает, как мне известно, не менее пятнадцати тысяч американских долларов в месяц только своими художественными творениями. Здоровье его за это время, как и у всех нас, сильно пострадало, главным образом со стороны полного истощения сердца и нервной системы. Общее питание также у всех членов Миссии чрезвычайно подорвано. Все это требует упорного и длительного лечения на курортах и в санаториях, с затратами значительных средств.

Супруга его Е.И.Рерих и сын Ю.Н. являются директорами нескольких американских учреждений и потому несут сами большие материальные убытки, а также и учреждения, ими возглавляемые, из-за полной невозможности руководства делами благодаря насильственно прерванному деловому сношению. Кроме того, Е.И. и Ю.Н.Рерих тяжело все время болеют, с трудом перенося высоты, мороз и леденящий ветер Чанганга. Особенно страдает Е.И., все время поддерживаемая лишь исключительно сердечными и укрепляющими средствами. Восстановление их здоровья требует особых условий жизни и больших материальных затрат.

Из-за общей и в особенности сильной сердечной слабости я в настоящее время едва передвигаюсь, наступило полное истощение сердца, пульс слабого наполнения, плохо прощупывается; частота его теперь всегда более 100 ударов в минуту. В возрасте 51-го года я продолжаю жить исключительно своим служебным и литературным трудом, оценивая его, благодаря большому служебному и врачебному опыту и стажу, в среднем не менее пяти тысяч долларов в год. Принимая во внимание почти полную теперь потерю трудоспособности по вине тибетского правительства, даже после дорогостоящего лечения и восстановления некоторых сил, и около пятнадцати остающихся лет жизни, убыток, нанесенный мне, выражается в сумме не менее семидесяти пяти тысяч

долларов. Начальник охраны Н.В., начальник транспорта П.К.,* заведующий хозяйством Г. и его помощники Л. и Р.**, как сильно подорвавшие свое здоровье за время насильственного задержания, должны получить от тибетского правительства средства не только на восстановление своего здоровья, но и за несколько лет по получаемому ими годовому содержанию, в качестве компенсации за нанесенный им вред. Этот иск, лишь приблизительно здесь мною намеченный, американские учреждения должны провести со всей присущей Америке твердостью, дабы показать тибетскому правительству, что не все его насилия и не со всеми остаются вопиющими и безнаказанными.

А за материальным возмездием, надеюсь, вскоре придет и другая заслуженная Тибетом суровая кара. Мы должны по совести сказать, что, не будучи задержанными 6 октября с.г. в Шингди, имея еще целым караван, мы вполне могли задолго до морозов и снега прибыть в Лхасу, окончить буддийские поручения и проследовать без вреда для здоровья и материального ущерба в теплый климат. Следует при этом не забыть, что тибетское правительство не менее двух раз получило заранее извещения о нашей Миссии как от доньера дипломатической почтой с караваном людей Чимпы, так от доньера же и через тибетского представителя в Синине, а потому, в случае нежелания видеть Миссию в Тибете, оно могло задолго предупредить нас. Если б тот же представитель тибетского правительства не ввел нас в заблуждение своими паспортами и письмом Далай-Ламе, мы могли бы легко прибегнуть к более удобному и дешевому пути сообщения через Индию на Гиангцзе, пользуясь любезным приглашением, сделанным Н.К. английскими властями еще в 1924 г. Оттуда же легко можно было бы снестись почтой и телеграфом и с самой Лхасой, от которой Гиангцзе находится всего лишь в пяти днях караванного пути. Даже посредственному юристу ясна вся бесспорность нашего права иска к тибетскому правительству, столь грубо нарушившему основные положения общечеловеческого кодекса наказаний за уголовные преступления. Сказанное еще усугубляется тем, что почти одновременно с нами проходившая экспедиция Фильхнера была не только допущена в Нагчу, но и получила отказ прохода в Лхасу не позднее двух недель с разрешением пройти в желательном для экспедиции направлении на Ладакх. Как мы слышали, экспедиция Фильхнера была снабжена тибетским правительством палатками, продовольствием и животными.

* Портнягин Павел Константинович — врач, участник экспедиции.

** Сестры Богдановы Людмила и Ираида (Рая).

По поводу испытываемых нами бедствий в народе растут смутные слухи, что и морозы, и глубокий несвоевременный снег, и падеж скота, и болезни животных и людей — все это наказание за задержание людей, пришедших с высокими священными целями, с какими еще никто не приходил в страну. «Будут после и другие еще большие бедствия в Тибете».

Сегодня навестили больную жену майора, переехавшую в отсутствие мужа в монастырь. Болеет уже две недели гриппозным воспалением легких. Незабываема по грязи своих одежд и тела и по тому эпизоду, который произошел во время осмотра. На предложение показать язык больная слегка выставила его изо рта. Тогда присутствовавший тут же солдат майора схватил кончик языка «Намо» пальцами и вытащил его наружу. Помещение, в котором лежит больная, конечно, с открытыми окнами и дверью, по тибетскому обычаю, несмотря на мороз. Мелкий переплет китайских окон когда-то был заклеен бумагой, теперь совершенно разорванной.

Н.В. все время лежит в постели. Простудились двое людей из каравана — лама Ринзин и торгоут Очир. Ю.Н. начал разбирать рукописные списки Канчжура и Танчжура, доставляемые ему из монастыря. Н.К. отмечает готическую полихромную видимость этих списков. Он заказал два камня с надписями «Оум» и «А» местному резчику священных надписей в ближайшем аиле. Понятие «оум» соединяется с изображением сосуда, в который низливаются красные струи благодати — первичной энергии.

23/XII. О предметах вывоза из Тибета. От Харчичаба не ответа. Демаркационная линия хоров. Культ «богов свастики».

День с утра морозный и солнечный. Вчера Г. было поручено закупить несколько небольших шкурок мерлушек, но имелись лишь очень плохого качества и стоили по семьдесят пять центов. В Тяньцзине шкурки несравненно лучшего качества стоят двадцать центов. Из этого можно заключить, что в Тибете то же невежество царит и в торговле. Кроме некоторого количества шерсти, трудно сказать, что может быть предметом вывоза из Тибета, так как все отрасли земледелия, скотоводства и промышленности находятся здесь в зачаточном состоянии.

Вспоминаем о сроках всех посланных Харчичабу писем и телеграмм и начинаем сомневаться в доброкачественности действий этого «высокого сановника». 24 ноября ему было послано письмо с приложением телеграмм

в Америку и резиденту Сиккима. 3 декабря послано длинное заявление генералу о необходимости прохода на Индию с просьбой о высылке нам провианта. 8 декабря вновь послано письмо о необходимых нам десяти тысячах нарсангов и продовольствии с приложением письма резиденту Сиккима и телеграммы последнему и в Америку; на расходы было приложено сто янчан. Ответа на письма можно смело ожидать через две недели; между тем, до сего времени ни на одно из писем ответа не было получено, несмотря на крайне серьезное и спешное их содержание.

Наши ламы, ушедшие в Чу-наргене, по слухам, поссорились уже там меж собой и с хорами. Один вернулся вчера к нам с просьбой принять обратно на каких бы то ни было условиях, утверждая, что лама Малонов «не человек». Двое оставшихся — Малонов и Бухаев — задумали без разрешения отправиться в Нагчу, но местные власти, разумеется, этому воспротивились. Своим неуживчивым характером и глупым поведением они, по-видимому, крайне осложняют себе положение.

Сегодня хоры из аилов, у которых мы приобретаем некоторое продовольствие, отметили перед лагерем демаркационную линию. Далее ее они с продуктами не идут, боясь оставленного при нас солдата Давы Дондуба, состоящего, правда, у нас негласно на службе по янчану в день.

Н.К. замечает, что «верованием секты бон-по указываются «боги свастики». К какому же древнему огню или к какому же культу, более сложному, чем шаманство, ведет этот теперь забытый знак?»

25/XII. Морозы более -24° С в палатке.

Губернаторы пытаются взвалить ответственность на генерала.

Ночь исключительно морозная. В палатке утром было, несмотря на горящую свечу и после проведенной ночи, ниже -24° С — последнего деления, до которого показывает наш комнатный термометр. Н.К. замечает: «Не забудем, что от поста у Олун-нора нас завлекли далеко в глубь страны через пять милицейских и военных постов, чтобы задержать в самом гиблом месте. Теперь губернаторы пытаются все свалить на генерала, но вспомним, что со стороны последнего мы лично ничего оскорбительного не видели, тогда как губернаторы дошли до того, что возвратили даже лично им адресованные письма, не распечатывая их».

Сегодня ждем гонца из Нагчу — вот уже пятый день со дня его отъезда, хотя нам и сказали, что его запечатанный кушак означает необходимость возвращения через три дня. Все эти запечатанные пояса, так же, как и новое распоряжение тантрику «растопить снег»,

проистекают из того же источника наглого невежества и самомнения тибетцев, которые непристойно даже хотя бы на мгновение сопоставить с понятием буддизма.

26/XII. Н.К. о значении Таши-Ламы. Неожиданное возвращение майора. Тибетцы считают всех иностранцев «дикими».
Тибет — музейная редкость невежества.

Мороз усиливается. Как я замечаю, Н.К. неоднократно возвращается в разговоре к Таши-Ламе. Сегодня запомнилось следующее: «Уже с 1923 г. Н.К. знал, что бегство Таши-Ламы из Тибета имело не только огромное политическое значение, но и явилось гранью в судьбах духовного Тибета. Действительно, Таши-Лама, в отличие от Далай-Ламы, являлся источником духовных знаний. И лицо его гораздо более вдумчиво и духовно, нежели извилистое выражение гражданского правителя Тибета. Мы можем убедиться, что лучшая часть Тибета следует за Таши-Ламой. Даже простые солдаты твердят, то лучшие ламы покинули Тибет. Уже одно то обстоятельство, что Таши-Лама учуял крайний момент для своего действия, показывает, что он и знающий, и зоркий человек. Пусть совершится сужденное!»

Сегодня опять много говорили о «Городе Знания». В 5ч. вечера неожиданно приехал майор, но к нам не пришел и только оповестил, что придет для переговоров завтра. Опять наглость, так как хорошо знает, что на восемьдесят второй день задержания мы все с нетерпением ждем каждую новость.

Уже ранее упоминавшийся проф. Кюнер сообщает в том же своем труде о Тибете, что тибетцы называют все прочие народы «дикими». Вспомним две неожиданных к этому параллели. Когда в 1904 г. английская военная экспедиция уже находилась в Лхасе, то тибетское правительство предлагало ей выйти вон под угрозой, что оно не может сдержать порыв сорока тысяч отборных к'амских воинов, подступающих к Лхасе. Британцы, однако, этой лжи не поверили, остались на месте и, конечно, ни одного обещанного воина вообще не появилось. Даже в 1911 г., когда китайцы открыли пулеметный огонь по тибетцам, те приняли это за новогоднюю хлопушку, и только вид убитых вернул «просвещенных» тибетцев к действительности, и они, конечно, поспешили обратиться к тому действию, которое им так свойственно, т.е. к бегству. В Африке некогда было одно племя, которое всех, не имеющих зоба, считало уродами. По тому же невежественному рецепту и тибетцы считают всех

дикими. Поистине Тибет — музейная редкость невежества! Н.К. замечает: «Обратите внимание, насколько лучше монгольские ламы, выше тибетских, не говоря уже о просвещенных буддистах Японии и Бирмы».

27/XII. Жестокий мороз. Вредная чура. Приход майора.

С утра жестокий мороз; сильно зябнут ноги и руки. Все время ходим на солнце, чтобы согреться — бараньи шубы плохо греют, мал подшерсток у этого меха, для европейцев здесь они мало пригодны. Ждем майора, но он не торопится, хотя уже 12ч. дня, а монастырь, где он живет, всего в двух минутах ходьбы от наших палаток у скал. Животных кормим теперь распаренным ячменем, даем около пяти-шести фунтов, и прибавляем фунт чуры, т.е. местного сушеного порошкообразного творога. Последний грязен, содержит много бактерий и бродильных грибков, а потому животные страдают метеоризмом — пучит живот.

3ч. дня, но майора все еще нет, несмотря на посланного за ним человека, но зато мы узнали, что вчера первым его распоряжением был строгий выговор оставленному солдату и населению за продажу нам того небольшого количества пищи, которое мы покупали в аилах. Как видно, тибетские власти ревниво оберегают интересы своего кармана. Значит, и та возможность добывания небольшого количества продуктов, которая была у нас во время отсутствия майора, теперь кончилась. Солдаты уверяют, что майор им ничего не говорит о результатах своей поездки — более, чем странно!

В 4ч. дня пришел, наконец, майор и сделал ряд сообщений. По его словам, губернаторы, обидевшись на Хорчичаба, ничего вообще в Лхасу не сообщали и наших писем не посылали. Переданные майору для отправки телеграммы возвращены обратно; губернаторы будто бы обещают посылать наши телеграммы и письма лишь после того, как лично увидятся с посольством.

30/XII. Трудность добывания продовольствия.

Тибетцы считают свою страну самой большой.

Запрет майора под угрозой казни продавать нам припасы.

Морозы продолжают. По какому-то странному тибетскому поверью вчера и сегодня должны быть ветреные дни. С приездом майора прекратилась поставка молока под влиянием его запрещения, и без того весьма ничтожная, не более чашки в день. Сегодня утром категорически

потребовали поставлять нам ежедневно молоко по небольшой жестянке, причем вызванный солдат жаловался на то, что местные старшины не оказывают содействия.

Любопытно отметить, то тибетцы считают свою страну самой большой и сообщению о численности населения Америки в сто десять миллионов вообще не верят, так как, хотя в рудиментарном тибетском языке и имеется выражение для обозначения такой цифры, но существование такого количества населения кажется им невозможным.

Возвратившийся из сегодняшней поездки по аилам за продовольствием лама Ламаджай сообщил, что везде у аилов, по распоряжению майора и старшин, поставлен сторожевой хор. Продавать что-либо отказываются, ссылаясь на запрет майора и угрозу его отрубить головы; близко к аилам не подпускают, издали крича: «Уходи, уходи скорее!» Действительно, Тибет дик и негостеприимен!

Вспоминаем, что уже после войны 1904 года, приблизительно в 1906-1907 гг., власти Гиангце, желая прекратить велосипедную езду английского торгового агента в этом городе капитана О'Коннора, затопили водой улицы города, чтобы «пелинг не мог ездить на мерзкой машинке».

Выяснилось, что старшины отказались окончательно продавать нам какие-либо продукты, а ячменя у них осталось якобы всего девять мешков. Завтра должен прийти майор со старшинами для выяснения положения. Сейчас послали письмо генералу, в котором сообщаем ему об отказе старшин снабжать нас продовольствием и еще раз предупреждаем его, что задержка нас здесь будет грозить Тибету серьезными осложнениями. Так с каждым днем все выясняется истинный лик Тибета, если только слово «лик» к нему применимо!

Погиб еще один лучший верблюд из шести оставшихся. Вчера уволен лама Ринзин за проделку с верблюдами, которые поручены майором наблюдению милицейского поста в Цомра. Оставлены они нами пока там ввиду полученных сведений об имеющемся в Цомра небольшом запасе травы, у нас же корма не хватило бы.

*1/1. 1928. «Страна дураков». Понятие деловой
срочности тибетцам неизвестно. Новый год на Чантанге.
Голоки идут в Лхасу.*

Сегодня утром спросили ламу К., может ли быть еще другая страна, кроме Тибета, где бы посольству, пришедшему с дарами и приветом к Владыке страны, в продолжение многих месяцев не давали никакого

ответа, держа его в самых губительных условиях, и потом заявление о желании уйти из страны после нескольких месяцев тщетного ожидания точно так же оставляли бы без ответа? Лама, подумав, ответил: «Это страна дураков». Именно сама истина говорит устами ламы!

Н.К. возмущался ложью губернаторов Нагчу, назначивших срок приезда и не исполнивших своего обещания. К этому Ю.Н. припомнил из книги сэра Чарльза Бэлла, что сами тибетцы считают высшим оскорблением, если их связывают каким-либо сроком, точно назначая время. У Е.И. в последние два дня появились нервные боли в левой подлопаточной области и в двух пальцах стопы. Ю.Н. поставил на вид тибетцам, что мы вынуждены были встретить наш Новый год в таких отвратительных условиях. Солдаты отнеслись к этому очень сочувственно, ибо новый год празднуется здесь особо торжественно, и праздничные обряды и гульба продолжаются более месяца. Это соображение о праздновании Нового года особенно неожиданно для Е.И. и Н.К., которые никогда его не праздновали. Снова сегодня появились слухи о приезде завтра губернаторов. Помещение для них приготовлено в Чунаргене. В крайнем случае, по сообщению майора, приедут послезавтра, так как обещали быть здесь не позднее 11-го числа по тибетскому счислению, а сегодня 10-е. От предполагавшейся посылки Кончока в Нагчу пока воздержались. Сегодня восемьдесят восьмой день тибетской пытки. К счастью для нас, солнце начинает днем пригревать до +20° R.

4/1. Н.К. заготавливает пятнадцать пунктов для разговора с губернаторами. Смерть жены майора. Злорадство населения.

Морозное утро. О губернаторах слышно, что едут медленно, вчера были еще только в Цомра, т.е. отъехали от Нагчу всего десять верст. В первый раз сегодня увидели над нами на гранитной скале двух снежных грифов с белым оперением; лишь крылья по краям черные.

Заготовили для разговора с губернаторами пятнадцать пунктов, характеризующих цель нашей Миссии в Тибете и оказанную нам здесь встречу. Привожу здесь эти положения:

1. Мы пришли в Тибет из великой Америки с самыми священными целями установления очищения истинного Учения Благословенного Будды под главенством тибетского Далай Ламы, но мы были приняты, как разбойники.

2. Мы принесли Далай Ламе Грамоту, которую должны были прочесть до 24 ноября минувшего года. Мы принесли Далай Ламе

дары и имели поручение от Америки, в случае достойного приема, внести на дела веры и монастырей пятьсот тысяч нарсангов, но мы были встречены, как разбойники, и брошены на высотах при лютых морозах на три месяца в холодных палатках.

3. Мы давно уже через Цайдам, Синин и Пекин трижды извещали тибетское правительство через доньера в Урге о нашем прибытии, но мы были встречены, как разбойники.

4. Мы имели паспорт от доньера из Урги и его письмо к Далай Ламе, переданные нам доньером в присутствии особых представителей Америки, отобранные у нас пограничными постами и доньером из Нагчу, и все-таки были встречены, как разбойники.

5. Мы много раз извещали все власти, что у нас кончились необходимые нам лекарства и деньги, которые можно получить только в Индии. Мы сообщали о наших болезнях, в силу тяжелых условий жизни на морозных высотах, но над нами смеялись в лицо и поступали, как с разбойниками.

6. Мы всеми мерами пытались выяснить серьезные последствия такого к нам отношения и предупреждали о всей возникающей из этого для тибетского правительства ответственности, но эти речи называли детскими и лишали нас свободы передвижения, как разбойников.

7. Мы указывали, что не только западные буддисты, но и девять учреждений Америки будут возмущены и встанут на нашу защиту, но над нами смеялись и поступали с нами, как с разбойниками.

8. Мы пытались посылать письма и телеграммы в Америку и английским властям, стремясь выйти из нашего тяжелого положения, но письма и телеграммы возвращались нам обратно, а пакеты, адресованные губернаторам Нагчу, даже не распечатывались ими, как поступают только с разбойниками.

9. Письменно мы трижды обращались к Далай Ламе и к правительству Тибета, но и эти обращения были возвращены нам — именно так поступают с тяжкими преступниками, ибо в таких гибельных условиях, в каких держали нас, не держат в нашей стране даже самых тяжких государственных преступников.

10. Я проехал двадцать четыре страны и всюду встречал достойное моему мировому положению отношение. Можете ли вы, губернаторы Нагчу, указать страну, где бы с дружественным посольством обращались так бесчеловечно, как обращаются с нами здесь?

11. Как мы вам сообщали, после 24 ноября все наши полномочия кончились, и сейчас мы имеем необходимость неотлагательно пройти

через Гиангзе на индийскую границу, и вы не имеете никакого права, хотя бы на кратчайший срок, задерживать далее нас здесь. И состояние здоровья нашего, и необходимость получения в Индии денег, и все то преступное отношение, которому мы подвергались здесь, заставляют нас немедленно покинуть пределы этой человеконенавистнической страны.

12. На флаге великой Америки сорок восемь звезд; из них каждая обозначает государство, равное, а иногда и превосходящее по размеру и числу жителей Тибет. На изображениях вы видите наши многоэтажные дома, в которых мы живем со всеми удобствами лучшей жизни, и никто не допускает возможности жизни в черных яковых палатках. В таком прекрасном высоком доме будет помещаться в Америке храм в честь Благословенного Будды и Шамбалы, а Посольство, сообщающее эту радостную весть Тибету, принимается здесь, как разбойники. Где же справедливость и где же заветы Благословенного Будды?

13. В Дарджилинге мы жили в потанге, где пребывал Далай-Лама. В Сиккиме, когда мы посещали монастыри, нас встречали торжественными процессиями с трубами. Махараджа Сиккима лично выразил нам привет и благодарность за денежную помощь монастырям его страны. В Ладаке из уважения к нам король Ладака предоставил в наше пользование свой дворец в Ле. В Урге будет строиться особый храм для изображения Владыки Шамбалы, подаренного мною Монголии. Нами выстроены и храмы буддийские, и чортены. Все эти факты известны многим тибетцам, и тем не менее, Тибет встретил нас, как разбойников, лишив нас свободы.

14. Теперь взвесьте принятую на себя Тибетом ответственность за все наши расходы, за погубленный наш караван, за подорванное наше здоровье. Мы же должны всемерно спешить на Гиангзе в Индию. Таким образом, первое дружественное буддийское Посольство было встречено Тибетом так, как встречают разбойников. Скажите, губернаторы, какое посольство, даже в Тибете, встретило такой оскорбительный прием? Этим самым Тибет отмежевал себя от дружественных сношений с прочими буддийскими странами. Да исполнятся пророчества!

15. Когда будут предоставлены животные для транспорта? Мы должны, хотя бы завтра, выступить в дальнейший путь!

Как мы и ожидали, вечером сегодня умерла жена майора. Боги монастыря бон-по оказались, по словам хоров, к ней немилостивы. При

переезде майора в монастырь ламы и хоры старались угадать, как примут этот переезд боги, покровители монастыря, так как у населения майор не в почете, и все что-либо против него имеют. Вспомним, что он смеялся болезни Е.И. и говорил, что Тибет жесток и с болезнями не считается.

5/1. Ожидание приезда губернаторов. Население пытается сбить тибетские деньги. Новые слухи о монгольском посольстве. Клятва тремя жемчужинами. Цена винтовки. Дополнительные пункты декларации. Яки едят падаль. Сказание о Гэсэр-хане.

Сегодня в монастыре ждут близнецов-губернаторов, которые въедут при таком, по тибетским понятиям, недобром знаке, как покойница. Г. уехал за продовольствием по айлам, откуда вчера приходили два хора с сообщением об имеющихся двух мешках зерна, причем просили обменять им тибетские медные шо на китайское серебро, говоря, что с серебром они могут всюду поехать, тибетских же денег никто не берет. Кончок, приходивший из монастыря за курениями, сообщил невероятную новость, что губернаторы повернули из Цомра обратно в Нагчу. Официально это сведение не сообщается, но через местных старшин доходит слух, что причиной тому какие-то особые выступления монгольского посольства, которое будто бы еще не вышло из Нагчу. Н.К. подчеркивает: «Если бы губернаторы, вопреки их собственному извещению, к нам не приехали, мы должны рассматривать эту лживость как особо тяжкое оскорбление нашего достоинства».

Пришедший среди дня старшина на наш вопрос о губернаторах утверждал, что они едут, что подтвердил и явившийся затем солдат, который клялся «тремя жемчужинами», т.е. Буддой, Учением и Общиной. После такой самой высшей клятвы мы, конечно, должны официально ему верить, но частная версия Кончока очень правдоподобна. Старшина хотел купить у нас две винтовки, предлагая по двести нарсангов за винтовку со ста патронами. Платить предполагал медными шо, которые, как мы испытали, они сами не берут. Никаких других денег, кроме медяков, у местных жителей не имеется.

Н.К. вспомнил еще о двух пунктах, которые следует включить в декларацию губернаторам: «Мы из любезности везли на пяти наших верблюдах специальный груз, принадлежащий Далай-Ламе, но Тибет не только не оценил доброжелательный жест, но принял нас, как разбойников». И далее: «Мы имели намерение пригласить для буддийского храма

в Нью-Йорке ученого геше из Тибета, но это дружеское намерение должно отпасть, ибо нас встретили, как разбойников».

Так мы справедливо пополняем эти пункты, которые, как неоспоримый документ, разойдутся впоследствии по всему буддийскому миру. Н.К. опять повторяет: «Да исполнятся пророчества!» — Конечно, он имеет в виду не идеологическую сторону их, а, по обыкновению, что-то вполне реальное.

На днях Н.В. серьезно предложил и даже начертил проект памятника нашей Миссии для постановки в Нью-Йорке перед зданием Музея, но все лишь улыбались этой идее как несвоевременной, ибо никто еще из участников не собирался умирать. Сегодня Н.В. указывал на сходство хорских мечей с древнеготскими. Отмечаю это, но вывода не делаю. П.К. окончательно утвердился на мысли ехать в Австралию. В 4ч. дня прибыл гонец с бубенцом, признаком казенной надобности, и сообщил, что завтра губернаторы приедут в монастырь. Конечно, я понимаю, что получается «слоеный пирог» из сведений, но ведь ими-то мы и живем.

Много раз мы наблюдали, что отдельные яки зачем-то останавливаются у трупов нашей павшей лошади Красавчика, причем глодающие труп собаки особенно яростно, как бы негодуя, лают. Сегодня с несомненностью установили, что большой черный як обгладывал труп лошади. Мулы очень неразборчивы в пище; на наших глазах съедали куски веревок, тряпки, кошмы, но мяса ни сырого, ни вареного не ели. Только один тибетский серый мул с большим аппетитом ест вареное и жареное мясо в любом количестве.

Вечером коллекция наших сведений пополнилась известием, что едет только один гражданский губернатор, а духовный был вызван в Нагчу. При почти полной луне хоры плясали около наших палаток, причем их движения как нельзя более напоминали известную картину Н.К. «Каменный век», находящуюся теперь в Музее в Нью-Йорке. Один из хоров исполнил довольно музыкально намтар (сказание) о Гэсэр-хане, в котором описывал его походы, вооружение героя и его войско. Н.К. задумчиво заметил: «И здесь имя Гэсэр-хана сопутствует нам». Певец пояснил, что он исполнил эту песнь, как добрый знак для нас по случаю приезда губернатора. Характерно, что хоры и жители К'ама отличают себя от тибетцев — опасливо поглядывая на монастырь, где были майор и солдаты, шептали: «Только бы тибетцы не услышали».

*6/1. Ночные приготовления. Приезд губернатора.
Знамя Майтрейи и американский флаг. Приход губернаторов и
неприятное их поведение. «Надо вообще выкинуть из ума Тибет».
Изыскание приемлемого пути.*

В половине двенадцатого ночи были разбужены громким лаем собак и криками хоров, продолжавшимися почти до утра. Оказывается, у хоров взяли палатки и перенесли их к монастырю, чтобы приготовить все к приему губернатора.

В 12ч. дня прибыли сначала два повара губернатора, а вслед за ними около 1ч. дня духовный губернатор в красном ламском одеянии. Палатка Н.К. украшена знаменем с изображением Майтрейи и американским флагом. Внутри палатки танка, изображающая Майтрейю. Внутренняя стена обеденной палатки убрана большим шерстяным американским флагом. Спешно приходил Кончок и особенно просил в разговоре с губернаторами подчеркнуть, что у нас были не только паспорт из Урги, но и заблаговременно переданное нам разрешение из Лхасы на въезд, полученное через доньера в Пекине путем срочных телеграфных сношений. Конечно, без этих документов и фактических заверений Н.К., всегда осторожный в своих действиях, не пустился бы в столь дальний и опасный путь. В начале второго прибыл и гражданский губернатор. Итак, произошло совершенно необычное для экспедиций и миссий событие — сами губернаторы выехали в конце концов нам навстречу.

В 2ч. дня со стороны монастыря появились пешком оба губернатора в сопровождении нескольких солдат, офицера и хоров, несших мешки с зерном, мукой, чаем, горохом и цампой. Оба были в китайских одеяниях и, конечно, в больших круглых очках. Духовный губернатор — бойкий в темно-малиновой одежде, в тибетской лисьей желтой ламской шапке, черных очках. Другой, видимо, старше годами, с большим лицом, изрытым морщинами, в китайской мандаринской шапке и желтом халате. Разговор сразу принял довольно неприятный оттенок из-за их усмешек, наглой развязности и категоричному заявлению, что можно идти или на Синин, или через Джекунда, или через Ладакх на Симлу, но ни в каком случае ни на Шигацзе, ни на Гиангцзе. Основанием для запрета маршрута через два последних пункта выставлялось отсутствие договора между Тибетом и Америкой. В случае пропуска нас на Гиангцзе или Шигацзе в Тибет, по их словам, могли бы проникнуть англичане, китайцы и русские, которые воспользовались бы этим прецедентом.

Про Тибет сановники сказали: «Надо вообще выкинуть из ума эту маленькую страну. Тибет — это бедная страна религиозных людей». Ургинский доньер не имел, по их заявлению, полномочий выдавать паспорта и хлопотать о согласии на въезд. Несомненные факты прохождения Тибета через южные границы генералом Перейрой и французенкой Дэвид-Ниль губернаторами нагло отрицались. Разговоры прервались до завтра. Мы же начали готовить какой-либо приемлемый для нас выход. Так как путь на Китай для нас исключается, а путь в Симлу через высоты Рудоки и Ладакха необычайно длинен и труден, нам приходится изобрести какое-то обходное Лхасской области движение на Сикким или к границам Непала.

Из разговоров выяснилось, то в Тибете произошли какие-то события, крайне враждебные всем иностранцам, что англичане покинули Гиангце и генерал Ладенла убит. Вместе с тем узнали также, что благожелательный нам Доринг-Кушо теперь в фаворе у Далай Ламы. Между прочим, губернаторы сказали: «Поверьте, мы знаем настоящее положение Тибета и советуем вам, хотя и иностранцам, но одной с нами веры, лучший исход». О монгольском посольстве они выразились так: «Сначала мы думали, что это религиозные люди, но потом они начали другие разговоры, и мы решили их выслать». Видно по всему, что Тибет теперь в радужном, боевом настроении и упивается какими-то призрачными «лаврами», торжествует, что разделался со всеми иностранцами. Но поживем-увидим результаты этого, обратную сторону медали.

7/1. Путь на Сикким через Непал. Губернатор знает лишь девять стран. Наши телеграммы опять не приняты. «Телеграф излишен для Тибета». Телеграмма консулу Соединенных Штатов.

Ночью сильный ветер и снег, погода мягкая. Вчера при разговоре с губернаторами выяснилось, что письмо ургинского доньера Далай Ламе, отобранное у нас на одном из милицейских постов, так и не было доставлено губернаторами по назначению. Сегодня с утра ведем переговоры через Кончока о маршруте. Длинными, мучительными переговорами и записками выясняется, что губернаторы будто бы согласны на наше желание пройти на Сикким, но для этого нам предлагается сделать нелепый крюк через Тенгри-нор к границам Непала, чтобы повернуть через Кампа-цзонг и Лачен на Гангток. Это угроза лишних по крайней мере двух недель пути, но компенсируется близостью Эвереста и Канченджанги. Смеемся рассказу Кончока о соображении духовного

губернатора, который сегодня проснулся с таким государственным заявлением: «Так как Америка — Верховный Комиссар (чичаб) над всеми странами, то, пропустив американцев обычным путем, Тибет должен будет пропустить этим же путем все остальные страны (губернатор знает лишь девять стран). С другой стороны, нельзя обидеть и Америку, а потому вместо длинного пути на Ладакх надо дать другой, обходной путь». Губернаторы заявляют, что англичане удалены из Гиангцзе, Пари и Чумби, поэтому в эти места и нельзя заходить. Англичане, по их выражению, плохой народ, так как поставили им скверные ружья, а инструктора их плохо обучали солдат.

Около 1ч. дня явились губернаторы в сопровождении майора, офицера, Кончока и старшины. Духовный губернатор, как старший из двух по положению, начал свою речь с заявления, что правительство Тибета пропустило бы нас через Лхасу, зная, что это единоверцы и много помогали Тибету, но за нами пойдут тогда и другие. А потому нам разрешается обходной путь в Сикким, минуя Шигацзе и Гиангцзе, на Сага-цзонг, откуда несколько дорог ведут в Сикким и Непал. По их предположению, дней через десять мы сможем двинуться в путь. Обещают дать троих провожатых, животных, выписать продовольствие из Лхасы и снабдить письмами к губернаторам цзонгов. Заготовленные нами телеграммы в Америку, резиденту Сиккима и американскому консулу в Калькутте не взяли, говоря, что телеграф теперь в Лхасе разрушен, так как в нем нет уже надобности. Раньше, по их словам, он был необходим для сношения с англичанами, когда на Тибет оказывали давление китайцы. Теперь же китайцы Тибет не трогают, а с англичанами тибетцы в дурных отношениях. По дошедшим до нас сведениям, теперь в Тибете одержала верх партия старого ламства, т.е. наиболее реакционная и косная из всех. Конечно, телеграф разрушен, и все нововведения отменены, а такие лица, как молодой генерал Кап-шо-па, не пользуются в Лхасе никаким влиянием. Губернаторы выпросили фотографию Н.К. для посылки Далай-Ламе и, как истые дикари, вероятно, думали, что сегодня они наговорили нам столько приятных вещей, что вполне ублажили нас. Можно вообразить себе их искреннее изумление, когда Америка предъявит им иск за наше насильственное и такое преступно-продолжительное, со всеми губительными последствиями, задержание. Губернаторы предлагали продать им наши винтовки со ста патронами по триста нарсангов каждую и немецкие карабины по двести нарсангов. Конечно, такие губернаторы представляют уже отжившей тип китайских властей и для строительства страны,

кроме вреда, ничего принести не могут. Самый облик их напоминает героев фарса доброго старого времени. Ю.Н. несколько сожалеет, что мы отказались идти на Лхасу, так как из происходящих разговоров нам ясна возможность оборота дела и в эту сторону. Н.К., напротив, радуется, что не придется вдохнуть затхлость этого города, потерявшего основы буддизма.

Так как губернаторы вручили нам вчера свои продовольственные подарки, сегодня мы, не желая остаться в долгу, вынуждены послать им также со своей стороны: духовному — серебряный монгольский прибор, а гражданскому — большой бинокль. Возвращенные нам сегодня телеграммы в Америку и Бэйли были приблизительно уже известного, повторного содержания, седьмые по счету, о содействии нашему проходу в Индию. Телеграмма же генеральному консулу Соединенных Штатов в Калькутте следующего содержания: «Американская экспедиция Рериха задержана тибетскими властями три месяца в двух днях севернее Нагчу. Чрезвычайно критические условия. Телеграфируйте полковнику Бэйли, британскому резиденту Сиккима, помочь экспедиции перейти границу Сиккима. Детали об экспедиции можно получить у Луиса Хорша, Юнитар, Нью-Йорк. Привет».

9/1. Губернаторы о британцах и монголах — политика самоубийства. В Тибете нет буддизма. Предосторожности и приготовление к отъезду в Нагчу. Н.К. задумывает новую картину. Кто Глава Западных Буддистов?

Ночью опять был ветер и снег. Утром Н.К. высказал следующее: «Решительно отказываюсь понимать, каким образом такие крупные чиновники Тибета, как губернаторы, решаются высказываться иностранцам при официальных разговорах со свидетелями так плохо об англичанах. Ведь с Великобританией у Тибета имеются мирные договоры. В том же разговоре губернаторы поносят и монгольское посольство — это уже какая-то политика самоубийства. Не думаете ли Вы, что, помимо политического безумия, именно в Тибете остался наименьший потенциал истинного буддизма сравнительно со всеми странами, где почитается имя Учителя Будды? Как прискорбна механизация религии — механические, приводимые в действие ветром или водой молитвенные колеса, черное колдовство низших степеней извращенного тантризма, священные четки, на которых производятся коммерческие расчеты, потерявшее смысл бормотанье непонятных для невежественных лам слов, языческие гадания, ложь, пороки и лицемерие и все те же отвратительные особенности,

свидетелями которых мы сделались, вопиют о том, что высокое имя Учителя Будды не может быть далее унижаемо низкими суевериями и невежественным кощунством, явленными перед нашими глазами. Учение Благословенного Будды должно быть восстановлено и вознесено во всей его красоте и мудрости. К счастью, изучение первоисточников дает возможность снять всю пыль веков и лицемерия.

В то же время я вспоминаю многое хорошее, что я знаю о Таши Ламе, вспоминаю умный, пронизательный облик настоятеля из Чумби, вспоминаю прекрасное лицо настоятеля Спитуга в Ладакхе и трогательную фигуру старика-настоятеля в Ташидинге в Сиккиме. Не забываю и хороших монахов-живописцев из Таши-Лумпо, писавших у нас в доме картину Шамбалы, Будду Всепобеждающего и прочие священные изображения. Еще в моей памяти проходит несколько прекрасных обликов гелонгов и монахов. Знаю просвещенных ученых-буддистов Японии, Китая и Бирмы, встречал чутких лам в Монголии и Бурятии. Знаю прекрасных образованнейших буддистов Англии, Германии и Франции, преданнейших буддистов Америки. Но ведь Япония, Китай, Бирма, Монголия, Бурятия, Англия, Германия, Франция и Америка — не Тибет, а Таши Лама, настоятель из Чумби и монахи из Таши-Лумпо — это теперь политические эмигранты, дух которых возмущен против вспышки невежества Тибета последнего времени. Сами тибетцы шепчут, что лучшие ламы уехали. По собственным тибетским пророчествам, близится время Шамбалы и Майтрейи — время обновления духа. Перед восстановлением истинного Учения Будды показывается уродливая гримаса особого безумия и невежества». «Под камнем Гума, — задумался Н.К., — лежит пророчество Великой Шамбалы... А теперь нам нужно спешить в Нагчу на новый бой с губернаторами. Состояние здоровья участников Миссии не позволяет мне согласиться на предлагаемый ими глупый обходной путь по высотам Чантанга и опасным перевалам. Если бы не вопрос здоровья, то можно бы с большим интересом пройти по всем указанным нам пограничным цзонгам. Опять политическое безумие — вести иностранцев по длинному малоизвестному пути, касаясь северной границы Непала, через все убогие укрепления, вместо того, чтобы провести их общеизвестной всей европейской литературе кратчайшей дорогой через Гиангзе — Чумби. Но без всяких преувеличений — наши лекарства кончились, и мы должны выйти из тибетского плена».

Сегодня Н.К. отдал распоряжение о том, чтобы Кончок и Г. закупили в эти дни возможно большее количество всякого продовольствия — не исключено, что губернаторы в Нагчу станут стеснять нас в

доставке продуктов. Кроме двух уже проданных губернаторам карабинов-маузеров, Н.К. воспротивился продавать тибетцам что бы то ни было из оружия. Он говорит: «Вокруг дома, приготовленного нам в Нагчу, как говорят, есть стена, а стена без винтовки за нею немного стоит». Как видите, мы готовы ко всяким выпадам со стороны тибетцев. Сегодня размещали по четырем ящикам остатки китайского серебра, причем обращали на себя внимание синьцзянские доллары с античной фигурой Минервы, окруженной классическим греческим орнаментом и с английской надписью — один доллар.

Н.К. вспоминает губернатора Синьцзяна, пресловутого Янь Дуту, и говорит, что «никогда не могло произойти большего несоответствия, как сочетание классической Минервы с пресловутым мздоимцем-утеснителем Янем. Такова ирония жизни!» Н.К. соприкасался со столькими деятелями Азии, что для него они сошли со страниц литературы в явь жизни.

Вспоминая о настоятеле монастыря Ташидинг, Н.К. рассказывает о своей задуманной картине: «Старик-настоятель описывал нам недавно бывшее с ним замечательное событие — старик всегда спал в большом дуканге (храме) монастыря. Здание было уже ветхо. Однажды среди глубокой ночи две женщины в тибетских одеяниях вошли в храм, несмотря на запертые двери. Они разбудили глубоко спавшего настоятеля и вывели его из храма. Вслед за ними рухнула боковая стена, и ложе настоятеля оказалось разбитым тяжелыми обломками. Старик поясняет — две Тары пришли спасти меня. Это было в 1924 году. Разве это не дает прекрасный сюжет картины, как две благие Тары спасают достойного настоятеля от гибели? И разве этот сюжет не характерен для современного Тибета, когда ветхие, потерявшие устои стены рушатся, и лишь немногие, действительно достойные люди могут быть спасены от гибели. В моих заметках о Сиккиме я упоминал об этом настоятеле, который и сейчас стоит передо мной как характерное изваяние XV века. Он обладает частичным ясновидением и яснослышанием. Я очень благодарен подобным немногим положительным типам людей, встреченным около Тибета — они дают мне возможность высказать осуждение современному Тибету по справедливости».

Итак, даже здесь, среди повседневных забот и губительных условий жизни, Н.К. мыслит о реальных делах будущего. Кто же избран в Америке 24 ноября минувшего 1927 года Главой Западных Буддистов? Не есть ли это Н.К.? Задуманная Н.К. картина, выражающая судьбу Тибета, вызывает в памяти другую картину, «Вестник», находящуюся в Мадрасе, так близко связанную с судьбами Индии.

*10/1. Места, упоминаемые Великими Махатмами.
Идеал Карма-йоги.*

Последние дни становятся теплее, на гранитной скале воркуют голуби, бегают суслики и зайцы, где-то по утрам кричит горная курочка, и на вершинах противоположных гор появились антилопы. Н.К., вспоминая предложенный нам путь по северу Непала, говорит: «Ведь по этим самым местам проезжали Великие Махатмы. Значительно вспомнить, что в их собственных рукописях встречаются упоминания окрестных мест. Упоминаются места на север от Шигацзе. Говорится о их остановках в Кампа-цзонге. Упоминаются ашрамы в Сиккиме. Упоминается пребывание в Дарджилинге, Ладакхе и в Кашмире, не говоря уже о разных местах собственно Индии. Но нигде, решительно нигде не упоминается Лхаса, и даже нет намека, чтобы кто-либо из Махатм когда-либо бывал там. Если там и были, как говорят, какие-то подземные ходы, то они давно уже засыпались. И не только Великие Махатмы, но даже и наиболее развитые монахи не остаются в Лхасе, но идут туда, где чистая прана способствует развитию сиддхи. «Как замечательно, — вспоминает Н.К., — описание ашрама, временно бывшего в Сиккиме — какая простота и какая неожиданность среди зарослей старинных лесов». Я спросил Н.К.: «Как Вы думаете, когда мы с Вами расстанемся?» — «Теперь уже осталось недолго, и для каждого начнется новый период его работы...»

Из этих рассказов Н.К. становится ясным, что Лхаса остается совершенно вне тех ценностей, которые составили истинное сокровище, известное лишь очень немногим. Е.И. опять читает «Идеал Карма-Йоги», и опять в словах Веданты звучит призыв к новому и близкому, все к тому же, что готовится прийти в мир.

12/1. Н.К. о методах Востока.

*Тайное сообщение о подкупности губернаторов. Болезни в лагере.
Губернаторы скрыли письмо доньера, адресованное Далай Ламе.*

Утро сильно морозное с порывами ветра. К середине дня ветер обычно усиливается. Н.К. вспоминает о восточных методах, с помощью которых могут быть видимы прежние воплощения: «Садятся в спокойную позу, с прямым положением позвоночника и под известным углом устанавливают глаза. Лицо, на которое смотрят, находится также в неподвижном положении в расстоянии 5-6 шагов. Если прочие условия удачны — нет шума или других поражающих случайностей, то явление

может начаться через 10-15 минут. Рассматриваемое лицо окружается как бы светящимся туманом, цвет его бывает разнообразен, затем замечается как бы изламывание черт лица. Некоторое время оно пребывает в хаосе новых линий и комбинаций, а затем, если ничто внешнее не помешает, неожиданно начинают устанавливаться новые формы иногда одного лишь лица, а иногда и всей фигуры. Часто это изображение бывает настолько непохоже на сидящего, что никакие аналогии не могли бы объяснить происходящее превращение. Если силы не истощены и по-прежнему ничто не мешает, то через некоторое время опять появляется туман иного цвета, заволакивает фигуру, и начинается опять тот же процесс новой перестройки. При удаче можно наблюдать до 3-5 преобразований. Свет для этого явления, по-видимому, лучше искусственный, довольно спокойный, рассеянный».

Для объяснения чисто внешней стороны всех вышеприведенных Н.К. явлений достаточно, конечно, знать оптические физические законы, и все станет внешне объяснимо, но, чтобы привести в действие эти законы, надо учесть самое краеугольное понятие, а именно — участие психической энергии. «История и археология помогают потом научно установить детали и поражающе точное историческое основание появляющихся образов», — замечает Н.К.

А через минуту Н.К. уже совершенно практично хлопчет о том, как нам скорее достать караван яков. Получено тайное сообщение, что за кусок парчи лама-губернатор согласен устроить желательный нам краткий проход вместо нелепого обходного пути. Таковы нравы — увидим по приезде в Нагчу! Майор говорит, что действительно все вышло для тибетцев так нехорошо — тут были и болезни, и смерть, и всякие неприятности. Мы же добавляем, что всякое вопиющее несправедливое отношение и вызывает такие последствия. О характере отношений между начальством и населением можно судить из того факта, что на требование майора дать нам одного яка за плату население отказало исполнить это. Ю.Н., приоткрыв палатку П.К., показал солдату спящего с распухшим и повязанным лицом. Солдат ужаснулся, а когда Ю.Н. сказал, что вследствие поступков тибетского правительства нам придется потребовать несколько носилок (дэнди) по двенадцати человек на каждые, то по лицу солдата прошла даже судорога.

Сегодня все больны. Н.В. лежит с острым расстройством кишечника, у Н.К. пульс слабого наполнения, 120 ударов, у меня сильная сердечная слабость и головная боль. Пришлось и нам с Н.К. принять дигиталис и прилечь. П.К. лежит с цингой и периоститом верхней

челюсти. Среди людей каравана простуда. Ожидаем каравана яков не ранее 16-го числа, так как послали старшин за более сильными животными за Тан-Ла и в К'ам за пять дней. Кончок говорит, что гораздо большее значение имеет для нас не паспорт, выданный доньером в Урге, а его письмо, которое было адресовано Далай-Ламе и самовольно задержано нагчускими губернаторами. Этот грубый акт произвола не должен быть забыт. Не в нем ли кроется одна из главных причин всего происшедшего?

Любопытно отметить, что губернаторы не скрывали и при свидетелях, что это письмо было ими получено, но не отправлено Далай-Ламе. Для всех конфиденциальных разговоров с нами губернаторы избрали Кончока, бывшего ранее ламой в одном из тибетских монастырей вместе с духовным губернатором. Однокашники! Поучительно испытать степень подкупности сановников Тибета, к тому же духовных.

*16/1. День сборов. Основная цель Миссии.
Н.К. о Бульвер-Литтоне.*

Сегодня день сборов, мелких расчетов между тибетцами и нашими монголами за аргал и разных хозяйственных путевых соображений и заготовок. Основная цель нашей Миссии — изучение буддизма и собирание художественных и археологических материалов — привела к настоящим наблюдениям и выводам о ламаизме в Тибете. Насколько мне ясно из заключений Н.К., понятие буддизма в мире укрепляется, ламаизм же более не входит в эволюцию. Где же те человеческие, трогательные проявления, которые бы встретились нам на тибетской территории в течение четырех месяцев? Даже из монастыря перестали приносить нам книги не потому, что мы иностранцы, а потому, что признали в нас буддистов. И потом эта явная рознь между народами, старшинами и властями и эти бесстыдные наговоры нам, иностранцам, друг на друга! С утра ветер. Ночью было тихо, лишь под утро кричал пугач: «Пугу, пугу», да взвизгивали собаки.

На днях получено известие, что Кунг Кушо Доринг умер, а при Далай-Ламе находится сын его, которому и попадет наше письмо. По поводу существующей молвы о смерти Доринга, знакомого Н.К. еще по Дарджилингу, Н.К. вспоминает о посещении его составом Эверестской Экспедиции, а также семьей лорда Литтона, бенгальского губернатора, замещавшего потом вице-короля Индии. Об этой семье Н.К. отзывается с большой симпатией, вспоминая знаменитого предка — Бульвер-Литтона,

оставившего столько глубоко значительных произведений. «Положительно, — добавляет Н.К., — Бульвер-Литтон обладал рядом несомненных сведений из высоких источников. Какие интересные лица соприкасались с периодом королевы Виктории».

19/1. Выступление в Нагчу. Соседство голоков и панагов.

Н.К. о Рае — путешественнице по Азии.

Начали вставать с 6ч. утра, до рассвета. В 8ч. хоры принялись разбирать грузы по якам. Вышли в 10ч. утра по ущелью, вдоль реки Чунарген. Н.В. после трехмесячного добровольного лежания в постели и небольшой простуды очень слаб. Шло всего 130 яков под грузом и хорами до 1ч. дня. Прошли не более 12 верст. Остановились в неожиданном соседстве одного лагеря голоков и другого панагов, идущих в Лхасу. Хоры уверяют, что в этой местности ни голоки, ни панаги никаких агрессивных действий не проявят.

Н.К. смотрит на меньшего члена каравана Раю, храбро глядящую на эти страны, и вспоминает, что тринадцатилетняя путешественница через всю Азию поплакала во время пути только два раза — один раз в Шарагольчжи во время потока и второй раз во время бурного вечера после Нейчжи, когда внезапно умер лама и ожидалось нападение панагов. «Но, — добавляет Н.К., — сущность этих двух эпизодов является вполне достаточным оправданием для слез тринадцатилетней путешественницы».

20/1. Снежный вихрь. Глубокий снег в пути.

Век «Матери Мира».

С половины вчерашнего дня и в особенности ночью свирепствовал снежный вихрь, гудевший и сотрясавший палатки. Вышли в 9ч. 30м. утра, так как предстоит перейти перевал нагчуских гор — Тасанг-ла. Трудная дорога по кочкам, покрытым сплошной снежной пеленой. Даже сильные, рослые яки шли иногда по брюхо в снегу и, устав, останавливались или ложились. Лошади также вязли в снегу, оступаясь и скользя по кочкам. Н.К. по поводу удручающего однообразия плоскогорья заметил, что оно может напоминать разве только зимний Такламакан.

Тибетское правительство, державшее нас на остановке под надзором солдат, в дорогу совершенно не дало никакой охраны, и потому мы сегодня прошли бок о бок с настоящими голоками в характерных высоких

шапках, с лицами, не внушающими доверия. Стан панагов остался влево. Панаги везут с собой большое количество товаров, преимущественно чай. Наши хоры смотрели на них очень подозрительно. В 2ч. дня остановились на снежном холме — ни травы, ни аргала, старшина хоров куда-то уехал.

Сегодня Людмила встала в 5ч. утра и спрашивала, не будить ли монголов? По этому случаю Н.К. замечает: «Истинно, настал век Матери Мира».

IX. НАГЧУ ЦЗОНГ

23/I. Резкий мороз более -40°R. Отроги Трансгималаев на горизонте. Нагчу-цзонг. Дом, отведенный нам в Нагчу. Лама-торговец. Любознательность духовного губернатора.

Настоящее арктическое бедствие — мороз более -40°R, даже замерз коньяк «Мартель», все аппараты и винтовочные затворы. Ничего подобного этому холоду никто из нас не переживал. В палатках все небывало заиндевело и замерзло — подушки, одеяла и вещи обледенели. Вышли из спальных мешков лишь с восходом солнца, но и то в палатках было ниже -20°R. Это еще раз нам доказало, что предложенный губернаторами путь в направлении Ладакха по Чантангу на цзонги севернее Тенгри-нора надо рассматривать как новую тибетскую бесчеловечность! Оказалось, что сведения, данные нам тибетцами о расстоянии до Нагчу, по обыкновению неверны. Оставшийся путь мы прошли менее, чем за час. На горизонте заметили первые отроги Трансгималаев. Вдали показался Нагчу-цзонг — груды незамысловатых серых глинобитных квадратов, увешанных грязными изодранными тряпочками, растянутыми в виде паутины. Направо на горе отдельно стоит женский монастырь. По склонности тибетцев ко лжи, хвастовству и преувеличению, название Нагчу цзонгом оказалось не только неверным, но и невероятно преувеличенным. Никакой крепости в Нагчу, конечно, не оказалось — духовный губернатор живет в мужском монастыре, другой — где-то в китайской фанзе. Строения, разбросанные в полном беспорядке, оказались обычными китайскими фанзами, окруженными глинобитными стенами — вот и вся крепость Нагчу. Дом амдосских купцов, отведенный для нас, по видимому, лучший здесь, имеет четыре прескверных помещения, которые нельзя назвать даже комнатами. Печей, разумеется, нет. Окна китайские, заклеенные бумагой или затянутые частью далембой (бумажная

материя); двери не затворяются. И это в такой ужасающий мороз! Ю.Н. и П.К. предпочли поселиться на дворе в летних палатках.

Пол в помещениях глинобитный, стены из глины и камня — сырость и холод. Ходили в две здешних лавочки. Хозяин первой — лама; лавочка — небольшая комнатка в фанзе во дворе с застекленным окном, имеется чугунная печка, тепло. Хозяин сидит на низенькой постели у окна, пьет тибетский чай, не обращая внимания на покупателей. Продают товар его сын или родственник и женщина. Направо от входа у стены автоматический молитвенный барабан, в шкафике за стеклом статуи Тар, на стене танки Шамбалы, которые он наотрез отказался продать. (Н.К. считает эту версию Шамбалы необычной. Изображен Владыка Шамбалы — Ригден-Джапо, окруженный своими соратниками.) Товар мелкого торговца — бусы, четки, пудра, вазелин в баночках, монпасье, изюм, китайские макароны и тибетские или китайские хлопчатобумажные ткани резких, кричащих тонов. В другой лавке — толстая старая женщина-тибетка, но танок здесь нет, они заменены современными этикетками от конфетных коробок. Товар такой же, но значительно дешевле, приблизительно на треть. Лама оценивает свой торговый труд дороже.

Жить в Нагчу можно, несмотря на холод помещения, лишь в зимнее время, когда все нечистоты вокруг стен фанз скованы морозом. Великое счастье, что мы не стояли здесь, а идем теперь только проходом, рассчитываем пробыть здесь не более трех недель. Ю.Н. был сегодня у духовного губернатора, ответ из Лхасы ожидается через десять дней. Н.К. сравнивает наш дом лишь с худшими китайскими фанзами, говоря, что сартские дома, а тем более ладакхских крестьян ни в коем случае не могут даже сравниваться с отведенным нам плохим помещением. Сегодня приходил тибетец справляться, нет ли среди нас тантрика, который мог бы уничтожить снег; а губернатор справлялся, нет ли у нас с собой такого аппарата, которым «можно было бы видеть все города». Интересно бы узнать, какова была при этом затаенная мысль этого губернатора. Здесь говорят, что такого снега, как в эту зиму, не было уже сто лет. Народ опять-таки приписывает это поступку Тибета с Миссией.

25/1. У губернатора. Сведения о военных действиях между Китаем и Тибетом. Духовный губернатор о дикости лам в Тибете. Пророчество Азары о судьбах Тибета.

С утра были у губернатора в монастыре — обстановка чрезвычайно грязная и бедная. В разговоре о кратчайшем пути через Гиангце на

Индию выяснилось, что разрешается идти лишь со стороны Индии до Гиангцзе, и то лишь англичанам. Пройти на юго-восток через К'ам на Чашдо сейчас невозможно. Губернатор неожиданно открыл нам сведения о военных действиях между Тибетом и Сычуанем, причем выяснилось, что еще недавно принадлежавшие Тибету города Литанг и Батанг отошли к Китаю. Принимая во внимание низкий военный уровень китайцев, можно себе представить, каковы были тибетские защитники. Одно осталось невыясненным, находится ли Сычуань в союзе с Чжан Цзолингом или Фенгом.

Ответа из Лхасы губернатор ждет не ранее чем через семь или десять дней, причем указывает, что по причине глубокого снега сейчас идти на Лхасу все равно было бы невозможно. По его словам, снег лежит еще за четыре дня пути после Нагчу до Роденга, чего еще не бывало. После всяких подробностей о печах, о здоровье и о том, что «Сага-цзонг лежит на границах Сиккима», разговор закончился характерным эпизодом.

Н.К. выразил желание посетить местный монастырь. Губернатор задумался и сказал, что переговорит сначала с настоятелем, так как часть монахов может встретить буддистов-иностранцев благожелательно, другая же часть диких и непокорных монахов может побить камнями. Ю.Н. на это пояснил, с каким почетом были встречены Е.И. и Н.К. в Сиккиме, Ладакхе и Монголии. На это губернатор лишь подтвердил, что в названных странах монахи более осведомлены, но в самом Тибете они дики. Предоставили духовному губернатору, бывшему настоятелю монастыря, лучше нас знать тибетских монахов. Мысленно спросили его, где же в этой «священной буддийской» стране, столь кичащейся какой-то своей религиозностью, заветы Будды, где же знание и просвещение, заповеданные этим Великим Учителем? Высоко! Азара сказал: «Будет время бедствий Тибета, когда не признают голос Шамбалы, когда опустеют монастыри и Учение обрстет шерстью невежества, белый покров горя покроет землю. Где же наставники народа? Знаю преданного старого ламу в Роденге, трех полезных в Морулинге одного в Миндолинге и около пятнадцати в Рудоке и К'аме в отшельничестве. Кончается учение лам, чтобы открыть свет Будды. Можно признать наступление времени обещанного Майтрейи. Наступает год Шамбалы».

*26/1. Письмо военному министру Царонг-Шапэ.
Подарок губернатора. Верховный комиссар над всеми
«тибетцами Азии». Посещение монастыря в Нагчу.*

Ю.Н. послал сегодня письмо тибетскому военному министру Царонг-Шапэ о кратчайшем пути. До этого времени Царонг был также и главнокомандующим тибетской армии, но был отстранен от второй должности по настоянию монастырей за введение «большевистских, пролетарских обычаев» среди солдат, что выражалось, среди прочего, в запрещении высовывать ради почтения, по тибетскому обычаю, язык, и в приказе об отдавании обычной воинской чести, а может быть, и в европеизации обмундировки. Отрешенный от должности главнокомандующего, он был оставлен в более почетной здесь должности военного министра.

Сегодня мы получили от губернатора подарок — три луковицы и блюдо сахара. Это масштабы страны, но за лук мы чрезвычайно ему благодарны, так как никаких овощей здесь сейчас нет. Письмо военному министру послано духовным губернатором тайно и не с гонцом, а с торговцем, спешащим в Лхасу. Это объясняется желанием губернатора избежать военного министерства, которое, по его убеждению, не доставило бы письма по назначению. Таковы нравы административного Тибета.

Между прочим, губернатор попросил сегодня фотографическую карточку Н.К. в европейском костюме, чтобы повесить ее в своем помещении. При этом губернатор выразил желание иметь такую же карточку в военном костюме. Очевидно, он принимает Н.К. за военного. После полудня Ю.Н. был вызван к губернаторам, где ему были показаны заготовленные письма о нас в Лхасу, причем Н.К. был назван в них «верховным комиссаром над всеми тибетцами, проживающими в Азии». Разрешение на посещение монастырей получено, ввиду чего мы неотлагательно и посетили храмы мужского монастыря. Предварительно все мы были приглашены к губернаторам, где нам показали все внушительные пакеты писем о нас в Лхасу.

Большой храм отличается старинной, более двухсот лет, живописью, причем обращает на себя внимание по исполнению изображение Авалокитешвары. Архитектура храма гораздо беднее, чем в Ладакхе и даже в Монголии. Затем нам был предложен чай от монастыря и показан небольшой храм, посвященный Майтрейе и бодхисатвам. Изображение Майтрейи, поставленное около тридцати лет тому назад, сделано наподобие изображения в Бодхгайя в Индии. Впечатление от этого храма

гораздо лучше, и мы провели там несколько хороших минут. Губернаторы сообщили нам, что они знают, что мы «два дня сражались с панагами и неделю стояли в боевой позиции против китайского тунг-се».

29/1. Голодный и холодный Тибет.

*Посещение Ю.Н. гражданского губернатора. Секреты сановников.
Похвала гражданского губернатора знанию Ю.Н. тибетского языка.*

«Как прекрасна наша страна!» — пел по утрам в Чу-наргене молодой хор. И как ужасна она, голодная, холодная и невежественная, в действительности! Люди рады чуре и цампе, едят сырое мороженное мясо; яки не брезгают падалью, а собаки, кроме того, и экскрементами; козы с жадностью едят замерзший ячий аргал; мулы же едят здесь решительно все, что им удастся разжевать. Вчера и третьего дня с утра была ростепель, и это тотчас же дало повод монахам сказать, что «с неба получено письмо, что через три дня снега не будет». Вчера вечером подул резкий холодный ветер; с утра сегодня морозно. Нет, до тепла еще, видимо, далеко, будут еще февральские морозы или только утренние и ночные заморозки.

Сегодня Ю.Н. посетил второго губернатора по совету духовного губернатора. Прежде всего выяснилось, что оба «сановника» имеют друг от друга секреты, и таким образом Ю.Н. был законспирирован с двух сторон. Из намеков губернатора выяснилось, что ценой ружей и еще каких-то предметов делается возможным выпрямить дорогу еще до получения ответа из Лхасы. Так, например, направление на Харцзе-цзонг, раньше отрицавшееся, сегодня уже делается возможным. Во время разговоров была приведена собака, которую губернатор не прочь продать. О всех материальных переговорах гражданский губернатор просил не говорить духовному. Такая техника, напоминающая Древний Китай или древнюю мусульманскую политику, кажется особенно странной в наши дни. О путешественнике Трейчмане губернатор сообщил, что у него в седельных сумках находились «скорострельные пушки большой силы».

При вчерашнем визите к духовному губернатору последний предъявил Ю.Н. несколько карточек тибетских деятелей, желая узнать, знакомы ли эти лица Ю.Н., называвшему ранее их имена. Сегодня приблизительно та же процедура была проделана гражданским губернатором относительно английских деятелей. В конце разговора губернатор поздравил Ю.Н. с умением говорить с тибетскими чиновниками, а по знанию языка ставил его вторым после лучшего из европейцев знатока тибетского

языка сэра Чарльза Бэлла, прожившего 18 лет в Тибете. О Бэйли он сказал, что это третий из европейцев по знанию языка, с которым он встречался.

*2/II. Опасения за своевременный выход из Нагчу.
Нам Тар Гэсэр-хана. Вивекананда о королеве Виктории.
Губернатор эксплуатирует и тайно допрашивает наших лам.*

Главная сейчас наша забота и опасение, как и откуда будут добыты животные для транспорта и как они обойдутся без травы при снегах до перевала Дам-ла в области Трансгималаев. Другое опасение — не задержаться до наступления тибетского нового года, то есть до 22 февраля, так как этот праздник продолжается в Китае и Тибете иногда не менее месяца, и таким образом мы попали бы в южные долины во время апрельской жары.

Вчера губернатор лицемерно сказал Ю.Н., что правительство «не получило писем Хорчичаба и очень беспокоится о гибели нашего каравана». Опять губернатор говорил об отношениях тибетцев и англичан: «Прежде у нас были хорошие отношения, а теперь стали много хуже». Интересно, с какой целью губернатор неоднократно возвращается именно к этой теме?

Вчера Ю.Н. принесли показать книгу «Нам Тар о Гэсэр-хане»; книгу эту не продали, но Ю.Н. заказал ее переписать. При этом мы узнали, что в К'аме имеется Гэсэр-цзонг — старый замок, связанный с именем Гэсэр-хана, где перекладыны потолка сделаны из мечей.

Сейчас мы слушали чтение Е.И. отрывков из книги «Знаки Агни-Йоги». Теперь от самого высокого к самому низкому. Пришел лама Бухаев и просил принять его обратно, описывая ужасное житье на кухне губернатора в аргальном дыму за плату один янчан в сутки без еды. Принесших полное раскаяние Н.К. принимает обратно. Из дальнейших их рассказов выяснилась характерная для тибетских чиновников проделка майора. Оказывается, майор, взяв с Бухаева тридцать пять янчан в виде штрафа для передачи их по нашему желанию монастырю, удержал их у себя, представив подложную расписку монастыря в Нагчу. Теперь майор предлагает Бухаеву возратить последнему эти 35 янчан в случае, если Бухаев отдаст ему какие-то очки Малонова. Сегодня нам принесли полушо и четверть шо, причем полушо было менее шо, а четверть — такого же размера и качества меди, как и шо. Вероятно, это первая страна, где четверть

величины равняется полной и где четверть более половины. Интересно для математиков.

Е.И. читает письма Вивекананды. Н.К. подчеркивает три пункта письма из Альмоды от 14 июня 1897 г., которые Вивекананда предлагает особенно подчеркнуть в адресе королеве Виктории: 1) что во время ее правления все религии были покровительствуемы и учение Веданты свободно проповедовалось как в Индии, так и в Англии; 2) ее милосердие по отношению к бедным в Индии, выразившееся в ее личном примере по объединению английской благотворительности во время голода; и 3) молитву за ее долгую жизнь и постоянный рост счастья и благосостояния народов ее владений. Такой отзыв Вивекананды заставляет вспомнить о многом из прошлого.

Бухаеву разрешили поселиться у нас на дворе в майханэ вместе с нашими ламами Кейдубом и Ламаджаном, но оказывается, что нерва* губернатора его не отпускает. Узнав о такой беззастенчивой эксплуатации, лама Кейдуб воскликнул: «Губернатор — самый жулик!» Доньер губернатора продал-таки нам собаку по имени Каду из породы лаек. Пришло еще сведение, что духовный губернатор келейно допрашивал Бухаева и Кейдуба, что мы за люди, и высказал свое мнение, что мы «русское посольство» и что названные ламы ему правды не говорят.

7/II. Ответ получен. Мы идем на Сикким, делая никем еще не пройденный путь с севера на юг. Губернатор оправдывает тибетское правительство в нашем задержании. Мотивы задержания.

Утро морозное — в помещении -3°R . В 9ч. утра к Кончоку пришел доньер (чиновник). Ю.Н. встретил его вопросом, что нового. На это доньер определенно ответил, что ничего нового нет, и завел пустяковый разговор о собаке. В начале 11-го часа утра Кончок сообщил по поручению духовного губернатора, что ответ действительно получен и пакет сейчас будет распечатан в присутствии гражданского губернатора и доньеров, а потом произойдет обсуждение ответа. После этого будут приглашены Н.К. и Ю.Н., которые, по секретному совету губернатора, должны говорить в этом собрании настойчиво. Действительно, в 11ч. пришел доньер с приглашением на совещание. Происшедшее там представляется мне так: от девашунга получен ответ, что обычно дорога указывается на Цайдам обратно или на Ладак, но, принимая во внимание, что Посол — великий человек, и мы — люди великой страны

* Нерва — управляющий хозяйством.

и буддисты, правительство не имеет ничего против, если мы изберем путь на Сикким. Ни одного дня нас губернаторы не задержат, как только получат сведения от населения о проходимости путей.

Переговоры были пересыпаны характерными эпизодами. Так, например, духовный губернатор заговорил с Ю.Н. по-монгольски о каких-то деталях пути, а затем, обращаясь к гражданскому губернатору и майору, не знающим монгольского языка, сказал по-тибетски: «Если мы не пропустим их на Сикким, то двое из них (Ю.Н. и Н.В.) немедленно поедут на Лхасу, и как мы сможем их остановить?» Гражданский губернатор и майор согласились с духовным губернатором. Затем духовный губернатор неоднократно прерывал Ю.Н. по-монгольски, говоря, что он уже понял, в чем дело. Так или иначе, но сегодня произошло первое в истории обстоятельство, что Миссия может пройти весь Тибет с севера на юг, сделав никем еще не пройденный путь.

Еще не так давно нам было разъяснено, что мы не можем писать писем ни Далай Ламе, ни девашунгу, но теперь сам губернатор предложил нам написать письмо девашунгу о том, чтобы при нас оставили слугу-тибетца Кончока, которого в противном случае майор и гражданский губернатор грозилась, как упомянутого выше, отослать в Лхасу. Он же желает пройти на Индию. Получается, что по вопросам буддизма Н.К. не мог сноситься с Далай-Ламой, а по частному совершенно делу слугителя Кончока разрешено это сделать!

В течение уже долгого времени мне приходится наблюдать, как вокруг Н.К. начинают группироваться и наслаиваться обстоятельства, запутываясь наконец в какой-то гордиев узел, и в конце концов все дело разрешается благополучно в какую-то совершенно новую, неиспользованную комбинацию.

Сегодня предложено было послать телеграммы на английском языке с точным тибетским переводом и письма в Америку о том лишь, что мы здоровы. И это после того, как почти в течение четырех месяцев мы тщетно посылали о себе телеграммы и письма и в Америку, и английским властям в Сиккиме, и американскому консулу, но все это возвращали нам обратно. У нас имеется расписка губернаторов о приеме нашей первой телеграммы в Америку и резиденту Сиккима в ноябре, но ввиду отсутствия последствий, очевидно, эта телеграмма не послана. Можем ли мы верить в искренность намерений губернатора теперь, тем более что губернатор упоминал о разрушении телеграфа? Не забудем, что именно в течение четырех месяцев нам воспрещалось всякое сношение с внешним миром.

Вечером Ю.Н. был снова приглашен к духовному губернатору. Главной темой разговора была попытка оправдания губернатором тибетского правительства в нашем задержании. Главной причиной, по словам губернатора, было поведение недавно высланного монгольского посольства, которое ложно назвалось верующими буддистами, приехавшими просить нового Богдо-Гегена для Монголии. Все это в Лхасе оказалось неправдой. Вторым обстоятельством, смущавшим правительство, были какие-то слухи, что Фенг, теснимый Чжан Цзолином, будет отступать на Тибет. Характерно также сообщение губернаторов о том, что официальный союзник Фенга сининский амбань известил Тибет, что он ничего общего с Фенгом не имеет и лишь под давлением вооруженной силы давал ему некоторое снабжение. Дорога нам указывается по северному берегу Тенгри-нора на Санджа-цзонг и затем на юг через Трансгималаи, вероятно, через перевал, пройденный Свенгом Гедином, задержанным около Шигацзе.

*9/II. Точного маршрута нам все еще не указано.
Н.К. об области Шамбалы и Большом Каньоне в Аризоне.*

Сегодня уже 126-й день нашего сидения. Уже треть года, как мы задержаны, и все еще без определенного ответа о точном пути. До такой наглости тибетское правительство еще до сих пор не доходило. Но все же по некоторым намекам губернаторов нам ясно, что какое-то соображение об ответственности за все происшедшее у них возникло.

Ночью опять вихрь и снег. Утром опять завывали дармоеды из монастыря, созывая народ расчищать крыши. Мучаемся все время с неточностями карт и совершенным несоответствием названий: так, например, называемый губернаторами Намру-цзонг на картах обозначен Лангма-цзонг; также невозможно точно установить место Сага-цзонга и других.

У Е.И. сегодня болит горло, требуется молоко, которого здесь достать нельзя. Н.К. говорит, что до сих пор не может привыкнуть к тому, что тибетцы с такой наглой беззастенчивостью высказывают свое невежество и дикость. У некоторых малокультурных народов сохранился по крайней мере инстинкт оговориться в своей темноте и невежестве, но здесь это самодовольно выставляется на вид и подчеркивается в полной уверенности своего превосходства. Сегодня говорили о том, насколько несообразным может показаться, что Гималайское Братство — Община Мудрых, Шамбала, местопребывание Махатм, находится в такой неприглядной стране, как Тибет. К этому Н.К. за

обедом вспомнил о посещении им Большого Каньона в Аризоне, когда после живописной пустыни поезд устремляется по безжизненной плоскости, поросшей мелким кустарником и чахлыми деревьями. Ничто не предвещает приближения к чуду природы, и, только подойдя к самой балюстраде обрыва, вы неожиданно переноситесь в другой мир. Эта аналогия очень поучительна.

Губернатор обещает нашим троим ламам — торгоуту из Астрахани Кейдубу и двум бурятам Бухаеву из Иркутска и Ламаджану, что они пойдут в Лхасу на днях с обратным караваном, который по приходе сюда простоит лишь сутки. Что касается других лам из Цайдама, китайских подданных, то им говорят, что они пойдут только после нашего выступления. Почему такое преимущество бурятам перед монголами? Не под парчовым ли покровом оно совершается, так как лама Кейдуб передал губернатору три аршина новой парчи, купленной торгоутом по 25 рублей аршин, то есть около 40 нарсангов за аршин; губернатору парча уступлена почти по себестоимости — по 45 нарсангов.

11/II. Мучительное нездоровье Е.И. Светлые воспоминания Н.К. о Сиккиме. В Непале заповедан был Буддой Грядущий Майтрейя. Параллель между Сиккимом, Непалом, Монголией, Ладакхом и невежественным Тибетом. Далай-Лама — неудачливый правитель.

С утра день теплее; будем надеяться, что снеготаяние продолжится. Н.К. волнуется нездоровьем Е.И. Он говорит, что «воспламенение открытых центров может легко угрожать всякими опасностями, и обычные жаропонижающие и прочие средства здесь мало приносят пользы». Затем Н.К. вспоминает, что в 1924 году, как раз в это время, он и Е.И. выезжали из Талай-Потанга в Сикким. Было чудесное светлое утро, и заманчиво виднелись по вершинам гор сиккимские монастыри. Сикким не обманул их ожиданий. Целый ряд незабываемых ценных впечатлений был укреплен Сиккимом, а набожные жители его оставили самое приятное воспоминание.

В то же время, в феврале месяце, Н.К. и Е.И. ехали в 1925 году к границам Непала; случился туман по горам, и опять наслаивались самые лучшие и полезные впечатления. Запоминается несколько типов гуркхов, отличающихся сознанием воинского духа и преданностью; вспоминалось, что первое изображение Будды в Тибет пришло именно из Непала, который может гордиться тем, что в его областях трудился сам Благословенный. Там же был заповедан и Грядущий Майтрейя. И сколько

Махатм и буддийских подвижников следовало путями Сиккима и Непала! Все это так значительно и так привлекает к этим местностям. Здесь же, в Тибете, мы видим одно бесчеловечие и дикость, не совместимые ни с каким учением. Вот уже 128-й день, и мы все-таки не знаем, когда нас выпустят отсюда. В то же время Н.К. вспоминает с большой симпатией о Монголии и ее большом потенциале возможностей, оставленных ее славным прошлым. Вспоминает и о Ладакхе, месте, связанном с именем Великого Гэсэр-хана, овеянном героическими развалинами и монастырями, где хранятся такие ценные реликвии, где ступали ноги и Христа, и Будды — этот Ладакх является для Н.К. источником многих вдохновений. Какая разница всех этих стран с невежественно-кичливым Тибетом!

Сегодня Кончок сообщил Н.К., что к нему просит разрешения явиться с приношением какой-то тибетский лама, направляющийся в Ургу. Оказалось, что лама желает получить от Н.К. рекомендательное письмо, по которому его пропустили бы в Ургу. Н.К. ответил, что, во-первых, он незнакомым людям писем не дает, а во-вторых, в Урге тюрьма очень холодная, и еще неизвестно, в каких настроениях отсюда уехало монгольское посольство. Отличный пример тибетского самомнения и наглости.

В соседнюю лавку только что прибыл караван из Лхасы, который за два дня отсюда обогнал наш продовольственный караван, оказавшийся брошенным в пути ввиду того, что правительственные яки околели. Спрашивается, если из Лхасы, бесснежного места с сеном, соломой и горохом, нельзя получить годных 50 яков, то откуда же губернаторы наберут нам необходимых 140 выносливых животных? Ясно одно, что там, где беспрепятственно проходят частные караваны, яки Его Святейшества Далай-Ламы дохнут. Какой незадачливый правитель! Отличный пример негодности тибетского правительственного аппарата.

Час от часа сведения о Тибете становятся уродливее. Ю.Н. говорил доньеру губернатора о болезни Е.И., указывая на вредность зараженного нечистотами воздуха Нагчу. На это доньер — тибетский чиновник — ответил: «Если здесь Вам кажется грязным, то что же Вы стали бы делать в Лхасе, где потоки питьевой воды часто сливаются с потоками нечистот?» Остается только благодарить небо, что мы не в Лхасе и туда не собираемся, чтобы пить эти благорастворенные воды. Даже сам Далай-Лама не может перенести лхасского «благоустройства» и живет в Норбулинге. Цыбиков в своей книге о Тибете говорит, что воздух в Потале сперт и чрезвычайно труден для дыхания. Тот же тибетский чиновник дал нам совершенно противоположные сведения о намеченной для нас дороге. Где же конец этому издевательству и лжи?!

*19/II. Снова сильный мороз. Административная «слойка» Тибета.
Ламы-буряты идут пешком в Лхасу.*

Ночью сильный мороз. Утром столбик спирта комнатного градусника совершенно ушел вниз. Можно считать не менее -35°C . Северо-восточный ветер. Лошади сильно дрожат от холода. Днем на солнце в Нагчу бывало до $+40^{\circ}\text{C}$. Таким образом, разница иногда превышала 70° . Недаром Свен Гедин считал свое третье путешествие из Ладакха в Тибет наиболее тяжелым. Выясняется со слов «губернаторов», что пограничные области Тибета представляют собой какой-то «слоеный пирог». Например, Нагчу находится в ведении «губернаторов», полоса Чу-наргена под властью генерала, ближайшая за Чу-наргеном местность Шингди опять в ведении «губернаторов», а кому принадлежат дальнейшие местности, понять вообще невозможно. Таким же образом местность Джекундо находится под властью сининского амбана, а область севернее ее опять входит в состав Тибета. Сегодня совершенно не удастся писать чернилами — замерзают на кончике пера.

Н.К. и Ю.Н. возвратились с совещания у «губернаторов», где был назначен «точный» срок выступления нашего — 27 февраля — и обещаны тибетские паспорта и все путевые бумаги до Сиккима. Пользуясь отсутствием на совещании майора, «губернаторы» усиленно сваливали вину за наше задержание на Харчичаба. Видимо, они боятся ответственности и потому заранее желают наметить ответчика. Но нам совершенно безразлично, кто виноват из чиновников. Ответить будет перед американскими организациями тибетское правительство, а не Харчичаб или нагчуские «губернаторы».

Уходят пешком в Лхасу трое лам-бурят, о которых «губернаторы» на днях еще отзывались, что это «скверные» люди. Ясно, что в Тибете скверным людям всегда предпочтение.

*22/II. Новый год «Земного Дракона».
140-й день нашего плена. Цены на корм растут.
Жалоба старшин. «Пусть Земной Дракон осудит Тибет».
Новогодний визит и прием у духовного «губернатора».*

Первый день тибетского нового года «Земного Дракона». С раннего утра на дворе духовного «губернатора» толпы народа — раздают праздничное угощение — куски мяса и прочее.

Ночь на новый год справляли, очевидно, не столько люди, сколько бродячие собаки — был оглушительный лай и вой в течение всей ночи. Если б не гибель нашего каравана, мы, конечно, не встречали бы в Тибете этот «оглушительный» новый год в конце февраля-месяца на 140-й день нашего пленения. По этому случаю вспоминаем, как майор по приказу генерала воспретил нам продавать во время стоянки в Чу-наргене наших верблюдов, мулов и лошадей. Тогда именно были покупатели — проходившие монгольские караваны.

Вспоминаю предложение Н.К. вскоре же по приходе в Чу-нарген, где обнаружился недостаток корма, послать часть животных на продажу в Нагчу, чему майор резко воспротивился, говоря, что в Нагчу покупателей нет. Между тем в это время в Нагчу было много караванов, нуждавшихся в животных, и даже теперь, когда мы здесь, мы немедленно были встречены вопросом, нет ли у нас животных на продажу. Из всего этого можно видеть, какие давались коварные советы и принимались меры, чтобы лишить нас средств передвижения, так как теперь мы убедились, что они были совершенно бессильны воспрепятствовать нашему продвижению.

Н.К. добавляет: «Пусть Земной Дракон в этот день и осудит Тибет!» Жалоба, поданная на нас правительству, тем более возмутительна, что мы никакого дела непосредственно со старшинами в Чу-наргене не имели — все поставляло нам правительство через майора и по его распоряжению, и расчеты были произведены через него же: все деньги передавались майору на руки или командированным майором лицам. Рассчитывался ли и как майор со старшинами и хорами, нас это совершенно не касается, так как мы обязаны были доверять должностному лицу, приставленному к нам Хорчичабом.

Ставили сегодня граммофонные пластинки вагнеровских опер «Валькирия» и «Парсифаль». По этому поводу Н.К. вспоминает, как один петербургский художник говорил Н.К. о вагнеровских абонементных операх, что, по его мнению, они чрезвычайно скучны, и Н.К., вероятно, только по положению своему должен посещать их. Один из лучших немецких художественных критиков Риттер сравнивал творчество Н.К. с творчеством Вагнера, подчеркивая, что, как Вагнер в своих композициях восходил до «Парсифаля», так и Н.К. в своем творчестве восходил до высоких образов.

*24/II. В Тибете нет радости и песни.
«Губернатор» едет с процессией на гору. Предания об «Иссе».
Подлинность существования Христа.*

Несмотря на праздники, никакого оживления не видно, а главное, что в Тибете совершенно нет радости и песни. Н.К. говорит, что народ, который перестал петь, уже несет в себе разложение. При этом Н.К. вспоминает звонкие песни Ладакха и Сиккима, которые поются не по обязанности, не для заработка, но выражают душевное настроение.

Около 11ч. духовный «губернатор» отправился с процессией на гору к субурганам. Лошади своей он не имеет и потому принужден был просить у нас, случайных прохожих, одолжить ему лошадей, причем лошадь для него требовалась с необрезанными хвостом и гривой. Таковая у нас нашлась в образе Серого. Четверо наших лам сегодня отправляются в Лхасу на восьми мулах за плату 135 янчан. Все-таки те люди, о которых «губернатор» говорил, что это «худые люди», отправляются первыми.

Сегодня говорили, насколько распространены по всей Азии среди буддистов и мусульман предания об «Иссе», в особенности в Ладакхе, как месте пребывания и проповеди Его, согласно местным преданиям. Указывают на Ле (Лех), и пруд там около базарной площади, где под деревом Он проповедовал после возвращения из Братства, перед отправлением в Палестину. Та рукопись, о которой впервые упоминал Нотович, и теперь хранится в монастыре Хеми, в 50 милях от Ле в Ладакхе. Рукопись эта на тибетском языке и основана на существующих местных преданиях. Конечно, известная часть миссионеров приходит в ярость при упоминании об этих преданиях, хотя в них не содержится ничего умаляющего Христа или кощунственного, но просто им одиозна мысль о какой-то связи Иисуса с Учением Будды и буддийскими странами. Известная часть миссионеров легче мирится с безвестным пребыванием Христа, возвращая Его после диспута во Храме Иерусалимском обратно в Египет и отнюдь не допуская мысли о пребывании Его в Индии и Гималаях, куда, по существующим преданиям, Он в юности отправился с караваном купцов через Аравию. Между тем, даже те же миссионеры охотно мирятся с пребыванием апостола Фомы в Индии и с путешествием Аполлония Тианского туда же, описанным учеником его Дамидом.

Вспоминаю, каким клерикальным нападкам подвергся Н.К., говоря в своих записках о тех же фактах. Тем же, кто утверждает мифичность самого существования Христа, можно, кроме ссылки на Иосифа Флавия,

напомнить о находке плиты в Сирии с эдиктом римского правительства о преследовании последователей Иисуса.

*28/II. «Губернаторы» хотят, чтобы мы шли в Лхасу.
Мучительные заседания и неизвестность положения.*

Вчера вечером пришло всего 32 яка. «Губернаторы» известили лхасское правительство, что, если до 1-го нашего марта майор не доставит яков, то мы идем на Лхасу. Конечно, этот путь ближе, и «губернаторы», видимо, очень хотят этого, так как думают, что все тогда будет улажено нами с лхасским правительством, и они останутся в стороне. Но опасаемся по прибытии в Лхасу какой-либо дальнейшей задержки и потери времени. «Губернаторы» почему-то уже давно поторопились оповестить всех, что мы едем теперь на Лхасу. Гражданский спрашивал, почему мы не подошли к генералу в К'аме в Биру-гомпа, чтобы сохранить наших животных? Мы ответили, что хотели идти к генералу, писали ему об этом, но ответа не получили; просили об этом и майора, но он нас не пустил, также как и не разрешил продать животных.

Среди дня зашел пьяный майор, опять ругал «губернаторов» и на вопрос о животных категорически заявил, что он «не может их достать из своего желудка», при этом майор отказался идти с нами к «губернаторам».

Вечером имели мучительное заседание у «духовного», который опять бесстыдно увиливал от своих прежних заявлений, сваливая всю вину на генерала и майора. Ни точного направления пути, ни возможности выхода пока не указывается. При этом было назначено заседание на завтра утром для окончательного решения, причем нам было предложено послать специального человека к «гражданскому», чтобы он, по обыкновению, утром не опоздал. В довершение всего «духовный» неожиданно быстро спросил: «А будете Вы еще ружья продавать?». Уничтожив наши транспортные средства, им хочется, видимо, уничтожить и все наши средства защиты. Разумеется, они «покупают» все по своей особо дешевой цене, как бы берут взятку. Например, они «купили» кусок драгоценной старинной парчи, ими же самими оцененной в тысячу нарсангов, за предложенную Н.К. цену в одну маленькую золотую тибетскую монету, на что они тут же с радостью согласились, забрали парчу, но более о монете даже и не упоминают.

Н.К. безмерно огорчен наглой и постоянной ложью тибетских чиновников. Ничему здесь нельзя верить.

*2/III. Яки подходят. Торг о стоимости транспорта.
Тибетский счет. Выявляются новые черты характеристики Тибета.*

Утро начинается с обычных хлопот об аргале и ячмене, которые доставляют неаккуратно и после всяких препирательств. Получив вчера деньги полностью, тибетцы уверяли сегодня, что денег они не получали, но стоит вам возразить им энергично, как отрицаемая истина восстанавливается. Сейчас пришло сведение, что часть яков подошла, а остальные идут вслед, причем три солдата, посланные на место, не могли об этом уведомить, а мы узнали от приехавшей «жены» Кончока, приездом которой он был чрезвычайно огорчен.

Около 2ч. дня возвратился Н.К. от «губернаторов». Майору по-прежнему не подали руки при встрече и прощании. «Губернаторы» объявили, что можно выйти завтра, на что Н.К. немедленно дал согласие. Поставляют до Намру 140 яков по три нарсанга и 10 лошадей по семь нарсангов. Конечно, о цене животных происходил торг. Пользуясь выходом майора из комнаты, «духовный» просил для начала с ним торга предложить за яка по 1,5 нарсанга, а за лошадь по три нарсанга. Когда возвратился майор и ему была сообщена эта цена, он начал что-то говорить, но «духовный» сказал, что прибавят. После этого по тибетскому обычаю о торге произошел между «духовным» и «гражданским» таинственный обмен на пальцах из рукава в рукав, а затем «гражданского» с майором. Пришли к соглашению о трех и семи нарсангах. Сейчас на дворе идет деятельная укладка вещей. Таким образом, только одно ознакомление с внутренней жизнью тибетцев потребовало не менее пяти месяцев, ибо мы выступаем на 150-й день нашего задержания. Тибет, конечно, по справедливости показался нам без всяких прикрас в своей повседневной жизни таким, какой он есть на самом деле.

Около 3ч. дня пришли оба «губернатора» и майор проститься. Оказалось, что мы якобы недоплатили еще за 10 мешков ячменя, хотя расчет был произведен полностью и точно по записи. Для проверки счетов был принесен одним из доньеров «гражданского» кожаный мешок, на земле разостлана наша клеенка и на нее высыпали содержимое мешка. Там были косточки от абрикосов, бобы, палочки, дощечки, черепки фарфоровых чашек, половинки абрикосовых косточек, финиковые косточки и две черных игральные кости. «Гражданский» присел на корточки, и начался счет нараспев отпущенного ячменя. О долге Н.К. маленькой золотой тибетской монетки за кусок старинной парчи ни звука. Расчеты, очевидно, не дали желаемых результатов для тибетцев, так как количе-

ство отпущенных мешков ячменя и вес оказались правильными. Тогда они с пронырливой изворотливостью заявили, что при одном расчете мы будто дали им вместо 400 нарсангов 300. При этом наш служащий-тибетец Кончок, принимающий во всех этих проделках явное участие, отозвал Г. за ворота, сказав ему: «Пойдем поговорим». В конце концов выяснилось, что мы заплатили правильно, но «губернаторы» «ошиблись» в счетах и предъявили якобы меньшую сумму — пришлось заплатить еще несколько янчан.

Думали, что на этом дело и кончится, но тибетцы, видимо, решили до последней минуты выявлять нам все стороны своего характера. Вечером Ю.Н. и Н.К. отправились к духовному «губернатору» предложить ему ряд вопросов, необходимых для отчета перед американскими организациями. «Губернатор» начал с вопроса, сколько мы дали патронов его доньярам к подаренному «губернатору» нагану. Оказалось, что доньяры принесли только 45 патронов вместо данных 68, а остальные утаили. «Губернатор» признался, что его люди осрамялись и что он знает, с кого взыскивать. На предложенные вопросы «губернатор», не смущаясь, ответил, что, конечно, с нами вышло нехорошо, так как Далай-Лама должен был выслать нам навстречу по крайней мере своего министра для переговоров, а во всем он считает виновником Хорчичаба, указывая полностью его имя и адрес. Но и все, нами слышанное, не исчерпывает еще разнообразия тибетских особенностей.

Х. ОТ НАГЧУ ДО БРАХМАПУТРЫ

*4/III. Отъезд. Опять «тундры» Чантанга.
Доньяры не знают дороги. Ученый лама.*

Встали в 6ч. утра, спешно грузимся. Яки, лошади и мулы доставлены в необходимом количестве. Мне достался караковый тибетский мул. В самую последнюю минуту выезда от майора пришел солдат Дава и заявил, что мы недоплатили якобы за привезенное теперь из Чу-наргена молоко. Это, конечно, новое вымогательство, так как вчера об этом ни слова не было сказано. На молоко было дано 15 янчан, более чем достаточно сравнительно с тем небольшим количеством его, которое было нам вчера доставлено. Деньги без лишних разговоров были уплачены. Несколько минут спустя майор прислал нам обратно запечатанное письмо, которое мы вручили ему накануне для передачи Хорчичабу с вложением второго медицинского свидетельства. Очевидно, майор предполагал, что мы

сообщим Хорчичабу о его поступках, а потому и возвратил нам письмо. В 8ч. 30м. наконец выехали из Нагчу. Ни один из «губернаторов» не проводил нас; только у ворот «духовного» стояла его жена с сыном. Прошли мы большим караваном с развернутым американским флагом на пике.

Идут с грузом 140 яков, 10 запасных, 5 верблюдов, наши мулы и лошади и мы верхом. Пришлось переходить по льду реки, причем мой мул упал и зашиб мне колено. Опять поднялись на Чантанг и слева увидели живописно раскинувшуюся цепь Трансгималайских гор со снежными пиками, частью обнаженными, утопавшими в фиолетовой дымке. А затем та же «высочайшая тундра» Чантанга и голые холмы продуктов древнего разложения гор, источенные сусликовыми норами. Ни птиц, ни зверей, ни других животных. Снег в этом северо-западном направлении, вероятно, был велик, так как и теперь в лощинах по колено лошади. Иногда черными пятнами вырезались на снегу палатки айлов и яки.

Конечно, данные нам два доньера оказались не знающими дороги и заставили нас значительно отдалиться от правильного пути. Пришлось возвращаться на стоянку обратно по глубокому промерзшему снегу. Остановились около 4ч. дня, а последние яки пришли в 7ч. вечера, проплутав, таким образом, одиннадцать часов — ведь большая дорога Нагчу — Намру никаких внешних признаков дороги не имеет. В аиле живет ученый красный лама, который сказал нам, что до Намру можно дойти за семь дней, до следующего Санджа-цзонга (Шенцза) — в один месяц, а до Индии в пять месяцев. Мы ему не противоречили, ибо он лама, то есть учитель и ученый. Очевидно, Тибет так велик в его представлении, или и тут проявляется общая всем тибетцам склонность к преувеличениям. Кончок оштрафован за пьянство, игру в карты и неявку на службу.

8/III. Остановка у подножья горы Чжунг. Жена Кончока не имеет имени. Дикость и невежество кочевников-тибетцев.

Вчера целый день стояли. Встали сегодня в 6ч. утра, но вышли только в 8ч., так как долго не могли собрать верховых лошадей. Сегодня идет 139 яков, в том числе 15 вновь взятых в урочище Парта. Из 139 яков шестнадцать идут негруженными. Сегодня шли в направлении шатра-горы Чжунг, остановившись через три с половиной часа в аиле у подножия горы. Травы мало, воды нет. Местные северные тибетцы показывают расстояние до Намру от трех до восьми дней, мы же считаем еще пять дней пути.

Пришли сегодня на стоянку в 11ч. 40м. утра. Последняя группа яков пришла в начале второго часа пополудни. Странно, что некоторые тибетцы не имеют имен — с нами едет жена Кончока без тибетского имени. Сам он называет ее «Муся», но ей это не нравится. Людмила же и Рая зовут ее «Шурой», на что она отзывается.

По-прежнему на Чантанге безлюдье и ни одного каравана. Даже в Нагчу на большой проезжей дороге на Лхасу за 45 дней стоянки мы не видели ни одного торгового каравана, кроме нескольких групп местных паломников и местных торговцев. При таком отсутствии оборота не может существовать никакая страна. А единственная возможность вывоза Тибета — минеральные богатства — не разрабатываются по суеверным соображениям. Итак, идем, совершенно не зная стоянок и продолжительности пути. Словам тибетцев не верим, ибо привыкли уже к скрытой в них лжи.

Во время пути сегодня Е.И. уронила небольшое боа из куницы. Тибетец долго боялся поднять его, пока не убедился, что оно не двигается. Карманное зеркальце, наведенное на толпу женщин и детей, вызвало испуг и обратило их в бегство. Взрослые хоры и тибетцы-кочевники также испуганно поглядывали на зеркало, и только двое из них, уже привыкшие к нам, одному из коих я уже показывал зеркало, протянули за ним руки и улыбались при этом, показывая тем самым знание и бесстрашие. В испуг привел женщин и детей не только, по видимому, незнакомый им предмет в руках чужеземца, но и световой «зайчик», который они увидели на своих одеждах и почувствовали на лицах. Кончок сообщает, что здешние кочевники далее трех дней отсюда не бывали, а потому вообще не знают, где находится Намру. «Может ли соответствовать какой-либо степени буддизма подобная дикость?» — замечает Н.К. Благодаря хорошему знанию Ю.Н. тибетского языка нам удастся выяснить многое такое, что для других путешественников оставалось в пределах необъяснимой этнографической странности.

12/III. Тяжелый переход под ледяным ветром.

*Ламаисты Тибета лишь прикрываются именем Будды
и эксплуатируют близость Шамбалы. Озеро Чаг-цо.*

Неглубокий «Океан Знания». Настоятель Сакья и ведьмы.

Утром в палатке -8°R. Встали, как обычно теперь, в 6ч. утра. Вышли в 7ч. 45м. Дорога унылая своим однообразием и безжизненностью. Аилы здесь редки. Говорят, что до Намру еще три перехода, то есть

придем на двенадцатый день. Условия перехода тяжелые. Сегодня опять шли под холодным, пронизывающим, резким ветром спереди, в лицо. Нужны хорошее здоровье или привычка, чтобы на высоте выносить эти ледяные вихри и тяжело не простудиться. Такой тяжелый и опасный путь выбрали для нас Далай-Лама и его правительство, и это в отношении тех людей, которые шли к нему доброжелательно и с богатыми приношениями. В какой стране, кроме дикого и темного Тибета, это возможно?

Тьма невежества и суеверий запорошила глаза Тибету, называющему себя «священной страной», где народ и правительство якобы «религиозные» люди. Если тибетцы-ламаисты и слышали об Учителе Будде, то это еще не дает им права называть свою страну «священной», а себя именовать «религиозными» людьми. Будда и Учение его в Тибете не популярны. Гораздо более чтят здесь ламаисты «идамов», олицетворяющих силы природы. Чем рогатее, страшнее и безобразнее «идам», тем более он возбуждает благоговение и почет у ламаистов-суеверов. Надо категорически и раз и навсегда усвоить, что ламаизм Тибета лишь прикрывается именем Будды, нагло обманывая народ обрядностями, ничего общего с Учением Будды не имеющими. В то же время Тибет с давних времен уже эксплуатирует священное для буддистов понятие Шамбалы, пользуясь близостью ее территории. Но опять-таки надо твердо сказать и усвоить, что Мудрецы Шамбалы или Гималайское Братство ничего общего ни с Далай-Ламой, ни с ламами или ламаизмом, ни с Тибетом как таковым не имеют. Здесь существует только лишь случайная территориальная близость. В этом и заключалась тайна Тибета. Но ни Далай-Лама, ни чиновники его и вообще никто без зова и разрешения в Шамбалу показаться не может и точного пути туда и ее месторасположения не знает. Это прежде всего самой природой хорошо скрытое и защищенное место, к тому же научно и надлежащим образом охраняемое.

Местные северные тибетцы ничем от хоров по внешнему виду не отличаются — такая же обувь, шубы на голом теле с паукообразными спинами, мечи за поясом, на голове коса и косички. Изредка в мороз или при резком холодном ветре на голову надевают меховой капюшон. Очень любят темные очки, защищающие глаза их от пыли, ветра и света. За неимением стеклянных очков часто плетут их в виде сетки на глаза из черного ячьего волоса. Доньер «духовного» надевает маску с отверстиями для глаз и рта и пришитым носом с ноздрями. Маска эта из двойной плотной материи, чуть ли не на шерсти (ваты здесь нет) и закрывает все лицо, лоб, шею и затылок. Хоры и северные тибетцы низкорослы и

слабосильны — двое несут трехпудовый мешок зерна. Трав в этом районе значительно меньше, почва солончаковая, сильно минерализованная.

Во время пути слева у гор виднелось озеро Чаг-цо с белыми над ним испарениями. В этой местности пасут преимущественно стада баранов, как менее прихотливых и более выносливых даже сравнительно с яками. Но все это в пастушеской жизни хоров и северных тибетцев так примитивно и ничтожно по размерам, что не может быть названо скотоводством. Это попросту маленькое и темное существование горных пастухов, перед которыми даже жизнь цайдамских монголов является завидным делом.

К характеристике высшего круга тибетцев можно привести следующий случай. Однажды представитель Великобритании сэр Чарльз Бэлл хотел показать тибетским министрам зоологический сад в Калькутте, но это предложение было ими отклонено по той же причине, что тогда министры будут знать большее количество животных, чем сам Далай-Лама, называемый, как и всегда здесь чрезмерно преувеличенно, «Океаном Знания». Но, видимо, океан этот знания очень неглубок и ограничен, если не вмещает даже имен и видов животных калькуттского зоологического сада.

Ветер объясняют здесь наваждением ведьм, настоятелю монастыря Сакья приписывают какую-то даже как бы родственную связь с ним, ибо по существующему поверью каждый раз, как он приезжает в Лхасу, там поднимается сильный ветер и «появляется много ведьм». Справа от нашей остановки, верстах в десяти, заметили в бинокль скалу с широкой трещиной посередине в вертикальном направлении, как бы входом.

*18/III. Тяжелый путь. Обморок Ю.Н.
«Спасайте заветы Будды».*

Утром яков не оказалось, несмотря на обещание «губернатора», что будут рано утром все в сборе, иначе мы должны будем назвать его «лжецом». Только в 8ч. прибыла лишь первая партия. Вышли в 11ч. 10м. утра. Шли невероятной дорогой дантовского ада, через камни и кочки, поднимаясь все выше и выше.

Ю.Н. вдруг почувствовал слабость, ноги «одеревенели», руки задрожали, и только после двадцати капель дигиталиса все явления расстройства кровообращения прошли. Доньеры попробовали было перед самым уходом, по почину доньера «гражданского», сорвать с нас плату за

якобы переменных по дороге в аиле четырех яков, но это была плохая и неверная игра, и она не удалась.

День теплый, безветренный, но на высотах нас встретил туман и снег. Дошли до остановки у аила в 2ч. 30м. пополудни. Здесь меняют яков — идем «уртонами», и завтра у нас будут свежие яки и лошади. Данный нам в путь доньер оказался услужливым, смысленным и расторопным — уверяет, что пути до Шенца-цзонга десять дней. Возможно, что уртонами мы и дойдем в этот срок. Пастбища здесь очень плохи — редкая щетинистая болотная трава на высотах до 16.000 футов. Н.К. замечает, что каково было бы удивление тибетцев, если бы они увидели травы на Алтае, закрывающие всадника на коне, или травы альпийских лугов. Он радуется, что мы вышли из второго «разбойничьего гнезда», и теперь перед нами осталось еще четыре-пять гнезд. Он часто повторяет: «Спасайте заветы великого Учителя Жизни Будды из темных и лживых рук». «Как хорошо, — говорит Н.К., — сознавать, что в Бирме, Непале, Индии, Китае и на Западе есть целый ряд ученых буддистов, к которым это великое понятие применимо в истинном его значении».

19/III. «Дикие псы» Чантанга.

Малые переходы — лень тибетцев. Перевал Пангонг-цзо-ча.

Встали до 6ч. утра. Ночь и утро холодные — в палатке -10°R . Долго ожидали сбора яков и лошадей. Доньер и старшина, по-видимому, бессильны, хотя первому и дано право подвергать население телесным наказаниям в виде порки. Уртонная система путешествий оказалась хуже найма сквозного каравана от места до места. Назначенный нам старшиной проводник отказался идти, несмотря на угрозы старшины. Послали с нами другого. Народ здесь более дикий, чем хоры, и благообразные человеческие лица редки. Это — «дикие псы» Чантанга на путях района Шамбалы. Единственная связь их с человечеством и буддийским миром — это ожидание «Грядущего» — Майтрейи, но какими качествами наделяют они Его, сомнительно.

Шли опять крутыми каменистыми дорогами через горы и большой перевал. В первый раз после Чу-наргена и горы, и небо были необычайно красочны и вызывали радость Н.К. Переходы так малы, что мы, выйдя в 8ч. 45м. утра, пришли на остановку в 11ч. 35м. и, конечно, тут играет роль не утомление яков, а обычная леность тибетцев, которые мечтают посидеть подольше за чаем в кругу у горящего аргала. Ночью обычно они долго не ложатся, проводя время за разговорами и чаепитием.

По дороге встречали священные надписи на камнях скал и менданги. При подъеме на перевал Панчанг-цзо-га видели длинный менданг в виде изгороди, который обходят здесь, обращаясь к нему левой стороной, то есть справа, что не соответствует буддийским обычаям. Здесь на стоянке имеется три больших менданга, сложенных из гранита с массой на них священных надписей на каменных досках (плитах), камнях, рогах и лобных костях яков и баранов.

*22/III. Путь бегства Таши-Ламы.
«Оленьи камни» в урочище Доринг.*

Утром мороз -15°R при ветре. Дорога становится все разнообразнее через небольшие перевалы, нагорья и замерзшие речки. От местных жителей узнали, что здесь проходил Таши-Лама. Видимо, он боялся коварства и жестокости своего светского сопровителя и поэтому выбрал этот редко посещаемый путь, где бы он мог тайно пройти. Шли около четырех часов до урочища Доринг («длинный камень»), где имеется памятник глубокой древности, шесть «оленьих» камней, из коих одному придано грубое изображение лика. Установлены они по периферии выложенной камнем площадки, от которой идет двенадцать длинных параллельных рядов острых камней, перед которыми выложена из плоских камней ребрами вверх сложная фигура из усеченного конуса, двух параллельных линий от него и квадрата. Камни эти население до сих пор почитает священными и поливает жиром на «доброе здоровье» больным и «на добрый путь». Конечно, здесь мы имеем дело не с тибетским и даже не с монгольским, а каким-то еще более древним остатком культа. Во всяком случае этот памятник является единственным пока, насколько нам известно, археологическим памятником, отмеченным теперь нами на территории собственно Тибета. Ю.Н. сфотографировал и зарисовал детали этой находки, о чем он впоследствии и сообщит в своей книге о Тибете. По дороге сегодня видели двух серн — мы уже говорили, что на Чантанге дикие животные редки.

*24/III. Бронзовые наконечники стрел. Народы «готл» и «атл».
Озеро Гоманг-цзо. Далай-Лама дарит наконечник стрелы
как амулет для охраны здоровья.*

Шли сегодня четыре часа ровным широким нагорьем при сильном ветре в лицо. Начинают встречаться дикие животные — вчера видели два стада серн и куланов, сегодня попадались и те, и другие. Кое-где

встречается редкая болотная трава в виде сухой, жесткой щетины; горы голы и в стадии разложения. Нагорье Чантанга, то есть северную часть Тибета, никак нельзя назвать скотоводческим районом. Водятся яки и бараны, но травы так мало, что при больших снежных заносах стада чуть не поголовно вымирают. Як дает чрезвычайно мало молока, и потому здесь нельзя купить ни масла, ни молока.

Утром опять любовались дикими и растрепанными фигурами людей, напоминающих доисторического человека каменного века. Некоторые из них носят как украшения древнейшие бронзовые наконечники стрел, находимые ими в почве или древних могилах. Происхождение этих наконечников жители объясняют действием «молнии, ударяющей в землю», так сказать, ее рекордом, причем через десять лет в месте ее удара якобы и находят стрелы. Не забудем, что в доисторические времена область, занимаемая теперь Тибетом, называлась страной «Готл» и была населена народами «готл» и «атл».

По пути встретили гонца, возвращающегося из Шенцза-цзонга обратно в Намру, известившего, что в цзонге нас ожидают и транспорт готов. Ехали по нагорью по левую сторону соленого озера Гоманг-цо. Предыдущая стоянка называется Ретри. Жители красят лицо, как и хоры, кровью. Странно было видеть женщин в русских кокошниках с дикими вымазанными кровью лицами. Одна из этих особ была почетно предоставлена населением на ночь доньеру. Проснулись суслики, выбегают из нор. Появились клушицы. Днем в палатке +3°R.

У одного из наших торгоутов Манчжи имеется древний монгольский наконечник стрелы, но, в отличие от трехгранного бронзового, приобретенного Н.К. здесь, он плоский и из красной меди; тот и другой с желобками по сторонам. Оказывается, это подарок Далай-Ламы матери Манчжи, как амулет для охраны здоровья.

*25/III. Крест и орел. Зоркость Е.И.
Воспоминания Н.К. об археологических раскопках.*

День креста и орла. На недоуздке местной лошади на нижней перекладине оказался определенно выдвинутый цветной крест. При отправлении утром Е.И. усмотрела на кокошнике одной из женщин необычную старинную бронзовую бляшку. Ее купили, и она оказалась примитивным изображением двуглавого орла в круге. По обработке и стилизации она характерна для времен готских переселений. Н.К., любящий прогнозы, говорит: «А что, если «готл» и «атл» — готы и

аланы, вытесненные первоначально из этих мест ледниками, последствия которых мы только что видели на скалах?» При этом Н.К. обратил внимание на ту зоркость, с которой Е.И. усмотрела эту ценную для археологии бляшку, и вспомнил, как ревностно Е.И. находила при раскопках предметы каменного века, когда приходилось иногда работать, согнувшись, чуть ли не по двенадцать часов в сутки. Рабочие говорили: «Теперь мы скажем нашим женам, что господа умеют лучше нас работать».

Хотя ночь была морозная (-10°R) и утром поднялся холодный ветер, днем на ветру термометр показывал до $+10^{\circ}\text{R}$. Вышли в 8ч. 30м. и шли почти пять часов по нагорью, окруженному зубчатыми горами. На юго-западе мелькнул снеговой хребет. Думаем, не принадлежит ли он Трансгималаям?

*27/III. Свирепый вихрь. Жестокость Далай-Ламы. Буран.
Причудливые очертания и расцветка гор.*

Третий уже день теплая погода — утром в палатке -1°R . Вышли в 8ч. 30м. утра при слабом западном ветре. Во время пути ветер настолько усилился, что от одного порыва его покачнулись лошади. Наши заявления Далай-Ламе о болезнях, слабости сердца и истощении медикаментов и денег были отвергнуты. Даже два медицинских свидетельства не были приняты во внимание. Наоборот, в начале марта, когда еще стояли морозы, нас отправили по суровому Чантангу с его холодом и пронизывающими ветрами. Мы указывали также, что с нами находятся три женщины и среди них девочка 13 лет. Ничто не изменило бесчеловечного к нам отношения.

Отныне позор за перенесенные нами страдания да падет на голову бесчеловечно-жестокое «рябого монаха» Далай-Ламы, как презрительно назвал его тибетский народ. Ему все доносилось его правительством, и он должен будет дать ответ за себя и свое правительство. Как мы убедились, происшествия нашей жизни до мельчайших подробностей доносились властям. Нагчуские «губернаторы», например, знали даже, что у Н.В. испортились карманные часы, и это в то время, когда мы были еще в Шаругоне. Знали даже о бывших у нас в Чу-наргене трех курицах.

Шли около пяти часов. На стоянке вскоре поднялся холодный северо-восточный ветер, перешедший в буран, застилая горы тучами песка. Это в первый раз за все путешествие, что мы испытываем северо-восточный ветер. Как ни странно, но почти целый год дул по нашему пути

юго-западный ветер различной силы. Сегодняшний буран по своей силе равнялся бывшему в Юм-бейсе. Нас всех занимает, найдем ли мы завтра в цзонге ответ из Лхасы, ибо, как бы это правительство ни было лениво, оно могло с января-месяца много раз успеть сделать все распоряжения.

По пути собака, купленная у гражданского «губернатора», задавила годовалого домашнего козла, за которого пришлось заплатить, а собаку подвергнуть позорному наказанию — привязать за веревку к ее жертве.

С утра нас поражали горы как своими причудливыми очертаниями, так и своей разнообразной, меняющейся расцветкой. При этом Н.К. неоднократно замечал: «Подумайте, мы едем точно по нескончаемой картинной галерее!» Можно себе представить, насколько Н.К. жалел, что по условиям путешествия и запрещению тибетцев он сейчас лишен возможности запечатлеть эти красоты.

*31/III. Ледяной ураган. Падение с лошади П.К.
«Да исполнятся сроки!» — восклицает Н.К.*

Ночь спокойная, без ветра, но зато с утра начался ветер с востока, перешедший через полчаса в южный. Во время же пути в западном направлении дул настолько сильный и холодный ветер ураганного характера, что лошади иногда отказывались идти и беспомощно ржали. Можно себе представить, как трудно в такой ураган ставить палатки. Местные жители встретили нас с развевающимися волосами, наподобие жителей Огненной Земли.

Сегодня было три падения лошадей. У Е.И. и Н.К. это обошлось благополучно, но лошадь П.К. понесла, свалилась на скаку и потом тащила его по земле. К счастью, подросли караванщики и смогли остановить лошадь. Шли и холмами, и перевалами, еще замерзшими болотами, удивляясь этому огромному пространству бесплодной земли. Остановились, буквально сбиваемые ветром, через пять часов хода, выйдя в 8ч. 20м. утра. Н.К. говорил по поводу данного нам паспорта: «В этом широковещательном документе введен даже пункт о запрещении охоты, хотя еще в октябре правительство знало, что мы животных не убиваем. В то же время в паспорте совершенно игнорируются западные буддисты. Этим самым Далай-Лама еще раз подтверждает отделение буддистов от ламаистов Тибета, зная при этом, что, по завету Будды, Учение Его распространяется по всему миру. Будущее покажет, где будут большие знания и где будут выявлены истинные заветы Благословенного. Да исполнятся сроки!»

2/IV. Перевал Понг-чен-ла.

Озеро Нанзе-цо. Мороз и снежная метель. Будда белой расы.

Ночью мороз. Утром -9°R . Встали в 7ч. 50м., прошли за день восемь часов при сменных яках и лошадях. Шли сначала по равнине, а затем через перевал Понг-чен-ла высотой 17.470 футов до озера Нанзе-цо. Дважды была сильная снежная метель с колющим вихрем в лицо. В 4ч. вечера небо, обложенное тяжелыми снеговыми тучами, прояснилось, и ветер несколько утих. Все соседние горы покрылись снегом, как глубокой зимой. У Е.И., кроме перебоев сердца, начавшихся еще с Нагчу, дважды были значительные отеки рук, последний раз сегодня. Ю.Н. также чувствовал судороги в ногах и руках и недомогание; должен был принять дигиталис. Н.К. переносил и высоты, и леденящие ветры без всякого утомления.

Н.К. дорогой во время вихря говорил о Будде белой расы, который определенно изображается на старинных танках среди бывших будд. Таким образом, то, против чего восстает официальная церковь, само вошло в обиход жизни. С одной стороны, на буддийских танках Будда белой расы, с другой, — на христианских иконах царевич Иоасаф, то есть Будда, жизнеописание которого ясно поймете в перетолковании «Четы-Миней». «Как человеческая рука ни старается разрубить единое древо, корень его все-таки един», — замечает Н.К.

*11/IV. Н.К. готовит телеграмму президенту США
и письмо буддийскому центру в Нью-Йорке.*

Опять морозные на высотах ночь и утро. В палатке -14°R , и жаркий солнечный день до $+34^{\circ}\text{R}$. Переход сегодня небольшой — до ближайшего перевала. Выходим в 9ч. утра, чтобы через 3ч. 20м. остановиться у аила и ручья. Ручьи и речки в Тибете часты, в Монголии совершенно иначе — часто на большом протяжении по два-три дня можно идти и не найти воды.

Н.К. уже теперь резюмирует впечатления Тибета и заготавливает телеграмму президенту Североамериканских Соединенных Штатов и письмо буддийскому центру в Нью-Йорке. О своих планах на будущее он умалчивает, но чувствуется, что вскоре наше путешествие закончится, и Н.К. и Е.И. пойдут особым путем, каравану же придется вернуться разными путями домой. Где это случится, не знаю, но во всяком случае поворот их пути может произойти не раньше Брахмапутры.

Жители здешние, видимо, никогда не видели иностранцев. Сейчас мы заметили у костра целую группу совершенных дикарей с уродливо-вырожденческими лицами. Путь, по которому мы теперь идем, по-видимому, вовсе не посещался путешественниками. Это сказывается и на картах, где, если и встречаются названия некоторых местностей, то положение их не соответствует действительности.

Вчера вечером приходил местный старшина и просил позволения вырвать три волоска из бороды верблюда. По его признанию, они обладают большой магической силой, и он будет носить их на груди в священной ладанке. Но мы уже так привыкли к суеверию тибетцев, что ничто более не удивляет.

*Телеграмма
Президенту Хоршу в Нью-Йорк для сообщения
Президенту Соединенных Штатов Северной Америки*

Прошу сообщить Президенту Соединенных Штатов. Американская экспедиция Рериха после многих трудностей достигла области Гималаев, заканчивая четырехлетний большой центральноазиатский круг. Много художественных и научных результатов. Много уже послано серий картин в Нью-Йорк. Надеюсь, последняя посылка из Монголии дошла сохранно.

Много наблюдений по буддизму, проблеме переселения народов, единству материка Древней Азии с Америкой и прочим научным данным. Экспедиция в 1924 г. начала работу в Сиккиме, затем следовала через Пенджаб, Кашмир, Ладакх, Каракорум, Хотан, Кашгар, Карашар, Калмыцкую область, Урумчи, Иртыш, Алтайскую область, Ойротскую, Бурятскую и Монгольскую области, Центральную Гоби, Кан-су, Цайдам и Тибет.

Мирный американский флаг завершил необычный круг по Центральной Азии, всюду горячо приветствуемый, кроме Хотана и лхасского правительства. Дальнейшему продвижению из Хотана способствовал британский консул в Кашгаре. На тибетской территории мы были атакованы вооруженными панагами, но превосходство нашего оружия предотвратило кровопролитие.

Несмотря на наличие тибетского паспорта, 6 октября минувшего года экспедиция была задержана тибетскими властями в двух днях севернее Нагчу. С нечеловеческой жестокостью экспедиция была оставлена в течение пяти месяцев на высоте 15.000 футов в летних палатках при жестоких морозах свыше -40°C , испытывая недостаток пищи, топлива, и

подвергалась опасным заболеваниям. За все время умерло пять человек — монголов, бурят и тибетцев — и погибло 85 животных каравана.

По приказу властей все письма и телеграммы экспедиции лхасскому правительству, американскому консулу в Калькутте и британским властям останавливались и возвращались обратно. Было пресечено общение с проходившими караванами и запрещена покупка продовольствия у населения. Деньги и лекарства кончились, но ничто не было принято во внимание, так же, как присутствие трех женщин в экспедиции и медицинское свидетельство о болезнях. С величайшими трудностями лишь 4 марта удалось двинуться для окончания дальнейшего пути. Весь состав экспедиции благополучен и стойко перенес опасности жестокой зимы и заболеваний. Сообщите то же самое Новому Синдикату и всем нашим учреждениям. *Николай Рерих.*

14/IV. Остановка на высоте свыше 18.000 ф. Дорога, по которой «никто не ходил». Деятельность Н.К. и Е.И. в пути.

Идем сегодня в самый центр Трансгималаев, поднимаясь с высоты на высоту, думаем, не менее 18.000 футов, судя по снегу близлежащих снеговых вершин, высота которых около 20.000 футов, в полной арктической оголенности.

Вопреки общечеловеческим обычаям, тибетцы так распределяют ночевки, что мы, пройдя 5ч. 45м., должны были остановиться на высоте свыше 18.000 футов, почти на перевале, без аргала и корма. Н.К. и Е.И. вспоминают, насколько толковее и добросовестнее проводили их по перевалам ладакхцы. Здесь же тибетская ложь и легкомыслие лишают возможности предпринять какие-либо разумные меры. О завтрашнем перевале один из местных жителей, сам не бывавший там, рассказывает, что снег будет выше брюха лошади. Другой же, тоже не бывавший, говорит, что снег может быть не больше одной четверти. Один из живущих у перевала говорит, что подъем очень крутой, а другой — что он почти незаметен. Но даже и местные жители высказывают удивление, что правительство послало нас такой дорогой, «которой никто не ходил». Но мы этому не удивляемся, так как возможно, что правительство сделало это по полной своей невежественности. Ведь это то самое правительство, которое даже на своих ничтожных медных монетках шо выбивает самохвальный титул: «Благословенный дворец, победоносный во всех направлениях», что, однако, не мешало главе Тибета бегать тоже во всех направлениях.

Идем после Нагчу уже 42-й день, иногда в чрезвычайно тяжелых условиях, однако Н.К. и Е.И. чувствуют себя превосходно, несмотря на то, что другие спутники, более, казалось бы, здоровые и молодые, жалуются на утомление и одышку на высотах. Единственное, чем страдает Е.И., — это появляющимися временами после стоянки в Нагчу перебоями сердца. Однако эти перебои появились в Нагчу после отравления дымом аргала, дающего при сгорании синильную кислоту. В пути они возобновлялись совершенно неожиданно и не прекращались при приеме сердечных средств, а иногда как бы при этом усиливались.

По-прежнему Е.И. неустанно пишет, много сообщает нам и беседует по поводу своих записей. Н.К. всегда деятелен в пути и мудро руководит нами во всех затруднительных случаях, разбираясь в иногда почти неуловимой психологии тибетцев. Итак, завтра пересечем высшую точку тибетских гор нашего пути. Небо затянуто тяжелыми снеговыми тучами, поднялся холодный ветер, идет снег.

15/IV. Проход Сангмо-Бертик, 19.090 ф. Шатровые горы.

Местный старшина отказался прибыть на стоянку, и мы уговорили жителей аила и людей, везших уже на яках наши вещи от предыдущей стоянки, доставить нас далее. По мере приближения к внутреннему району Тибета мы все более и более убеждаемся в бессилии власти и полном игнорировании жителями распоряжений правительства. Даже имя властителя Тибета Далай-Ламы не производит никакого впечатления.

Через три часа после выхода достигли перевала через Трансгималаи, вернее, горного прохода Сангмо-Бертик высотой 19.090 футов. Дорога была чрезвычайно неприятная, усыпанная большими острыми камнями и покрытая скользкой обледенелой кочковатой тундрой. Местами во впадинах лежал снег, доходивший по брюхо лошадям. После перевала открылась долина, окруженная снеговыми горами. На востоке снеговые вершины эти имеют вид ряда шатров. Шли семь часов до ближайшего аила в долине. Не надо думать, что аил здесь что-то вроде населенного пункта, местечка или даже деревни. Нет, обычно это одна, две, три или четыре палатки, рассеянные в долине, где живет двое, трое и до двадцати человек, пасущих стада баранов и яков.

Конечно, и здесь яки вовремя не были собраны, старшина не приехал, и местные люди в количестве четырех человек отказались дать нам своих животных для нашего транспорта. Тотчас же послали людей

известить старшину. По пути к перевалу встретили куланов и большое стадо диких яков.

*20/IV. Опять задержаны в пути. «Почитание религии» в Сага.
Развенчанный Тибет. Мольбище.*

Итак, сегодня опять мы задержаны. Желаем или нет, а стоим на месте в Сага, ибо сегодня нам заявили, что, хотя Далай-Ламский указ здесь и получен, но это все равно, так как яки будут только послезавтра. На наши указания, что цзонгу придется заплатить за задержание не менее ста тысяч нарсангов, отвечают, что это им тоже безразлично, так как денег у них нет. В общем, полное безразличие и крайнее убожество власти, во всеоружии, однако всей неизмеримой тибетской наглости. Вид при всем этом самый разбойный и дерзкий.

Это уже центральный район, и тибетец здесь самый настоящий, ничем не приукрашенный. В этом пограничном с Непалом цзонге не имеется даже храма, стоит лишь одно молитвенное колесо. Какое же это «почитание религии», на которое так любят ссылаться тибетцы? Осматривали менданг в цзонге. Здесь это «почитание» выражено еще ярче. Лежит дохлая высохшая черная собака, прикрытая священной плитой, и в двух местах на плитах со священными надписями человеческие экскременты многократного происхождения, не говоря уже об изобилии ячьего аргала.

Такова «религиозность» истинных тибетцев, говорящих: «Мы люди религиозные». Недоступный своими снегами, морозами, голодом, дикими и пустынными местностями, высочайшими горами и перевалами, Тибет, отдельные местности которого не посещались даже самими тибетцами, не обладающими большой подвижностью, раскрылся перед нами во всем своем невежестве, косности, мерзости запустения и предрассудков, жалком ничтожестве, потрясающей лжи и наглости. Воистину это отныне развенчанный Тибет, на который совсем другими глазами должны взглянуть народы Азии, Европы и Америки. Вековой мрак предрассудков и узурпированный ореол «священной страны» должны, наконец, развеяться. Ложь, прикрытая до сих пор недоступностью страны, должна навсегда исчезнуть.

Странно видеть, что из Монголии направляются в Тибет паломники, не отдающие себе до сих пор отчета, что потенциал возможностей Монголии гораздо выше современного Тибета. Недаром же монголы трижды победоносно проходили Тибет, а значение лам из Монголии

очень заметно в Тибете. А что, если существующая злостная обособленность Тибета поведет к неожиданному для него решению правительств трех соседних стран — Индии, Китая и Монголии — закрыть свои границы для тибетцев, тем более, что вывозимые из Тибета ничтожные количества шерсти и соли совершенно неинтересны для правительств больших стран, а как потребляющий рынок Тибет ничтожен. И теперь это уже заметно ввиду полного отсутствия караванов. Это или уже умирающая, или еще не родившаяся страна. Впрочем, какое же может быть собственное возрождение страны, народ которой в настоящее время так глубоко духовно и физически дегенерировал?

Вот и еще показание до сих пор существующего в Тибете фетишизма. Вчера при выходе со стоянки мы видели еще одно «мольбище», уставленное острыми камнями, с возвышением из крупных камней, обращенным на запад. Сегодня 48-й день, как мы вышли из Нагчу 4 марта с.г., и все идем бесплодными, голыми горами и равнинами. Какие-либо припасы мы сможем достать только в Тингри, через семь дней после выхода отсюда. Остались плохой рис, масло, соль и на три дня бурого цвета порам, раздражающий только кишечник.

24/IV. Выходим дальше. Мольбище, учрежденное лхасским правительством и посвященное Оракулу. «Властитель Саги».

Большие строительные планы Н.К.

Замечательное световое явление у Е.И.

Прекрасный день для перехода, солнечный и со свежим ветерком. Встали рано, однако тибетцы не торопились, и ни одного животного на месте еще не было. Заведующему транспортом П.К. пришлось пойти к цзонгу и растолкать лентяев. Только после этого мы увидели, что он сам гонит первую партию яков. В самую последнюю минуту явился и доньер. Нерва цзонга так и не показался, ссылаясь на то, что мы «пелинги»; к тибетским же чиновникам он явился бы первый, но к «пелингам» не пойдет.

Не успели выйти из Сага, как получили разгадку, почему на менданг кидаются дохлые собаки. Недалеко, на север от дороги, мы увидели опять мольбище с высоким камнем посередине, уставленное вокруг свежими кучками белых камней. Средний камень носил на себе явные следы недавнего мазанья жиром. Как оказалось со слов местных жителей, это мольбище учреждено правительством и посвящено правительственному Оракулу. Таким образом, не дикие племена, а само

лхасское правительство устанавливает фетишизм, не имеющий ничего общего даже с шаманизмом, не говоря уже о буддизме.

Не успели мы пройти и трех часов по гладкой тропинке нагорья и посмотреть на красивые ледяные вершины «Властителя Саги», как перед нами выросла белая палатка доньера и нам предложили остановиться. Начались ссылки доньера на крестьян, не желающих везти далее и не признающих правительственных указов. Доньер заявил, что по выходе из своего района он может требовать, но что свои крестьяне района Сага его не слушаются — такова цена тибетской власти.

Вместо маленьких мешков зерна в 39 фунтов принесли два мешка по 23 с половиной фунта, пополам с глиной и камнями, за двенадцать нарсангов оба. Цены с приближением к земледельческому району становятся все дороже, и с каждым днем увеличиваются рассказы о сопротивлении местных жителей правительству. Бросается в глаза, что одежды населения становятся все грязнее и беднее, а лица все вызывающее.

По пути мы встречаем уже шестое языческое мольбище. Непонятно, почему в сочинениях о Тибете эти официально существующие места совершения низших языческих обрядов совсем не отмечены. Здесь говорят, что плохие крестьянские лошади, которых нам поставляют, еще хороши, но что на правительственных уртонных вообще никуда уехать нельзя. Да, здесь правительство не пользуется ни доверием населения, ни тем более его любовью. Везде видишь по отношению к власти или полное равнодушие, или неуважение, или явное сопротивление. Приходится пускаться в ход и угрозы, и взятки, и подачки, чтобы только двигаться дальше.

Вчера украли в Сага большую серого сукна попону. Этим как бы открылся район, где возможны кражи, о которых нас предупреждали. Н.К. все время пользуется отличным здоровьем, и единственное, чего бы он хотел, — это удлинить переходы, потому что всякая потеря времени для него является наибольшей неприятностью. Он уже настолько вошел в планы будущего, и ему настолько уже ясна картина Тибета, что прохождение по нагорьям, кроме отдельных особо красивых мест, для него уже является ненужным. В число ближайших его задач входят большие строительные планы, наряду с которыми растут проекты новых картин. Когда и как мы услышим об осуществлении этих планов? Ведь и о созданном в Америке мы узнали как-то совершенно неожиданно, без подготовительных сведений и сообщений. Откуда эта неисчерпаемая энергия? За все время пути мы не слышали от него ни слова об усталости, ни упоминания о голоде или холоде. А между тем, трудности зимнего

пути превышали, по словам участников войны, все тяготы зимних военных походов.

Сегодня ночью у Е.И. было замечательное световое явление, продолжавшееся около сорока минут. В направлении от лица к груди и обратно двигалось нежгучее пламя серебристо-золотистого цвета величинной сначала в четверть, а затем в половину, с необычайным ощущением «кольца» в области шишковидной железы (*glandula pinealis*). Сегодня ночью Н.К. и Е.И. получены замечательные сведения.

*25/IV. Перевал Джа-ля. Брахмапутра.
Расставание с Н.К. и Е.И., как руководителей.
Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их?
«Устремление — ладья Архатов».*

С утра не обошлось без приключения. Двух лучших наемных лошадей не оказалось. Тибетцы угнали их обратно. Предстоит небольшой перевал Джа-ла. Выходим в 8ч. 30м. утра. Погода благоприятствует. С вечера был сильный ветер, и небо было покрыто тяжелыми облаками. Теперь же яркое солнце на безоблачном небе. Слева вершины горной группы около «Властителя Саги» блестят на солнце, как глазурованная сахаром поверхность.

Идем сначала долиной на восток, а затем начинаем подниматься на ближайшую возвышенность направо к югу. Это начало перевала Джа-ла, который в дальнейшем чрезвычайно красиво идет по карнизу горы, во многих местах ниже карниза и в складках по склонам, покрытым низкорослыми густыми кустиками туи. Местами соседние горы покрыты этими зарослями туи, как бы темными издали пятнами.

С перевала, от обычного на нем обо с развевающимися разноцветными молитвенными лоскутками, открылся чарующий вид на далекие снеговые вершины Гималаев, на темные, покрытые местами снегом, отроги Трансгималаев и широкую долину Брахмапутры (Цзанг-по), где она течет обильными водами в многочисленных и широких рукавах и извивах. Спускались опять карнизами, имея перед собой красивые виды гор и долин.

Долина оказалась песчаной, покрытой местами галькой, в восточной части которой находится полувывсохшее теперь озеро с изобилием на нем гусей, турпанов, чаек и других водяных птиц, оглашающих воздух криками, плавающих и ныряющих. Впереди показались выветривающиеся желтые песчаниковые горы, покрытые кустиками шелковистой желтой

травы, особенно любимой животными. Повернули опять на юг через песчаные холмы в долину с хорошими пастбищами, которая спускалась к Цзанг-по. Наконец, перед нами блеснули воды Брахмапутры, теперь обмелевшей, но достаточно широкой, чтобы рискнуть переходить ее на лошадях вброд без опасения выкупаться в холодной пока воде в каком-нибудь неожиданном обрыве на дне. По всей широкой долине следы разлива большой реки во время снеготаяния и муссонов. Действительно, это мощная река, которую питают и вечные снега высочайших в мире гор, и обильные муссоны в течение нескольких месяцев в году.

Эта величайшая и могучая река — та грань, у которой все мы, европейцы, сопровождающие Н.К. и Е.И., должны с ними расстаться, как с руководителями, ибо дальнейшего их пути не должны знать. Они оба полны энергии. Не вестник ли из Шамбалы будет сопровождать их? При расставании я горячо благодарил Н.К. и Е.И. за всю их заботу в пути, руководство, советы и доброе отношение. Не мог удержаться и спросил Н.К.: «Была ли проблема переоценки Тибета для Вас неожиданной? Ведь по некоторым данным можно было думать, что Вы шли в Тибет хотя и благожелательно, но с полным внутренним сознанием его тяжелой действительности?» Н.К. как-то задумчиво улыбнулся, смотря вдаль, и ответил: «Устремление — ладья Архатов». Встретимся ли мы с Н.К.? Где и когда? Вот вопрос, который я задаю себе и теперь, при расставании, как и много лет тому назад. А может быть, увидимся и вскоре...

ПРИЛОЖЕНИЕ:

«РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ТИБЕТ»

Письмо Н.К.Рериха Буддийскому центру в Нью-Йорке

Для ознакомления с положением Учения Буддизма в продолжение четырех с половиной лет мы посетили целый ряд буддийских стран. Мы прошли Индию со священными местами личных трудов Благословенного Будды; Цейлон; Сикким, наполненный многими реликвиями; Кашмир со следами последователей Ашоки; Ладакх со многими замечательными документами, а также преданиями о Гэсэр-хане, отождествляемом с Владыкой Шамбалы, и с замечательными изображениями Майтрейи; Хотан с древними ступами, соединенными в предании с веком Майтрейи; Кашгар с остатками пещер и развалинами древнейшей ступы; Кучары,

бывшую столицу уйгуров с замечательными пещерными монастырями; Карашахр, где после Пешавара временно хранилась чаша Будды; калмыцкие земли с кочевыми монастырями в юртах в предгорье Небесных гор; Алтай, освященный преданием о посещении самого Будды; Ойротию, где ждут прихода Белого Бурхана; Бурятию, обе Монголии, где очень много замечательного; там были проверены легенды об Эрдени-Дзо на Орхоне и о монастыре Нарабанчи. Легенды оказались правильными. В Улан-Батор-Хото предполагается построение дуканга, посвященного Шамбале, для помещения там моей картины «Владыка Шамбалы», подаренной мной монгольскому правительству; Ганьсу с пещерными храмами в характере Туи-Хуана; Цайдам, где построен нами субурган Шамбалы; и Тибет.

Кроме того, были получены значительные сведения о состоянии буддизма в Бирме, Бутане, Китае и Японии, где группы просвещенных людей преданно изучают и проводят в жизнь заветы Благословенного. О частностях положения буддизма в перечисленных областях я сообщу вам особо, но теперь, в порядке неотложности, я должен рассказать вам о том, в каком состоянии сейчас находится «буддизм» в Тибете. В том самом Тибете, который еще недавно связывался с высоким понятием Учения Будды.

В 1923 году, как знаете, из Тибета принужден был уехать Таши-Лама. Этот небывалый отъезд выявил многое, о чем мы могли лишь догадываться. Духовный вождь не мог долее вынести печальной действительности Тибета. С тремястами всадников достойный Таши-Лама бежал через дикий и суровый Чантанг, преследуемый военными отрядами, как преступник. Целый ряд уважаемых настоятелей монастырей и лам последовал за высоким беглецом. Подробности этого исхода достойных не лишены героизма. Знаменитый Таши-люмпо, монастырь-резиденция Таши-Ламы, опустел неизвестно, и лишенный своего духовного вождя Тибет подпал под происки ламских партий. Своим отъездом Таши-Лама проявил глубокую проницательность по отношению к текущему моменту Тибета. В разных местах Тибета население с трепетом спрашивает, вернется ли Таши-Лама. Трудно без духовного вождя.

Что же мы видели, проходя области Тибета и знакомясь с людьми различного положения, начиная от высоких чинов, любимцев Далай-Ламы, и кончая темными дикарями-кочевниками?

Тибет был облечен званием страны религиозных заветов, но не будем бояться правды — всмотритесь, где теперь здесь буддизм и где шаманский ламаизм?! Не будем бояться называть вещи их собственными

именами. Вместо прежнего служения духовной общине, вместо давнишних серьезных изучений литературы Учения и овладения силами природы можно видеть механическое заучивание и первоначальные проявления гипнотизма, иногда ясновидения и материализации, левитации или свечения, но все это не в высоких степенях и проявляется главным образом для устрашения темных, суеверных людей. Конечно, вы понимаете, что то высокое Учение, о котором вы знаете, проходит совершенно вне лхасских стен, ничего общего с Тибетом не имеет. Вот вам несколько современных картин тибетской действительности.

Вот высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты, поглощенные своей наживой. Заповедано ли Буддой такое употребление священных предметов или это лежит в истоках шаманского безверия?

Или водяные и ветряные мельницы и часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая ленивых богомольцев от какой бы то ни было затраты энергии. Может ли быть это кощунство отнесено к заветам Будды?

Или ламы — «учителя народа» — за плату гадают на бараньих лопатках, на игральных костях и на прочих святотатственных предметах. И по книгам лхасского издания отгадывают будущее и удачу.

Что общего здесь с именем Будды, ибо это есть низшая форма грубого шаманства?

Или ламы, под видом изучения тантры, пользуются низшим видом волевых воздействий и пугают невежественный народ своей игрой на человеческих костях и визгливыми взываниями — то же самое проделывают и шаманы. Разве не из шаманского источника почерпнуты все рогатые обожествленные изображения? Что общего они имеют со светлым Учением Будды?

Ламы ружейными выстрелами отгоняют злых существ и сжигают их изображения, конечно, за соответственную плату, не желая помнить определенных об этом заветов Благословенного. Разве не делает то же самое низший, увешанный костями шаман?

Недалеко от правительственного цзонга стоит новейшее языческое мольбище — высокий камень, обмазанный жиром и обставленный кучками белых камней. Оказывается, не дикие племена, но само лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного Оракула. Правительство установило языческий культ. Куда же идти дальше?

Ламы лицемерно запрещают убивать животных, тогда как кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков, убитых для потребности монахов.

Но чтобы внести еще больший элемент лицемерия, это убийство обставляется иногда особо изобретательно, и животных загоняют на скалу, чтобы они, сбросившись, убились сами. Так следуют заветам Будды.

Замечается, что часто лучшее значение во многих монастырях имеют ламы-монголы, тибетцы же любят уклоняться от чрезмерного изучения. Если вы предложите ламе-тибетцу духовный спор по какому-либо высокому предмету метафизики, то не будет редкостью, если лама уклонится, сказав: «Не может же человек все прочитать». Странно видеть, что монголы до сих пор совершают паломничество в Тибет, не отдавая себе отчета, что сейчас их духовный потенциал стоит гораздо выше тибетского. И даже число торговых караванов в Тибет становится ничтожным.

С видом средневекового колдуна тантрик предлагает остановить снежные тучи и растопить снег. Такие метеорологические феномены предлагаются за сходную плату — всего за два амдоллара, в чем дается широковещательная расписка, которую мы сохраняем. Нужды нет, что снег продолжает идти, но тантрик над своей палаткой ставит какие-то бумажные мельницы и завывает на дудках из человеческих костей.

В углу лавочки сидит хозяин-лама и крутит молитвенное колесо, на стене висят изображения Шамбалы и Цзон-ка-па, но тут же стоят корчаги с большим количеством местного вина, выделанного тем же самым ламой для спаивания народа. Жестоко пьют и миряне, и ламы, и дети даже требуют деньги «на водку»; можно думать, что пьянство заповедано «буддизмом».

Ламы, взявшиеся везти груз, бросают его на пути. Такие же недоброкачественные ламы утверждают, что Будда запретил земледелие и вскрытие недр земли. Возводится клевета на самого Будду, который посылал своих учеников на полевые работы в помощь поселянам. Как указано, в руках даже Бодхисаттвы должно быть какое-либо мастерство. Так возвеличивался труд Учителями, и так труд и знание поносятся заросшими грязью пьяными ламами.

Заслуженный офицер тибетской армии, гнавшийся за Гаши Ламой в 1923 году, уверяет иностранцев, что восточные буддисты и пьют, и курят. Он же принимает для передачи в монастырь 35 долларов, из которых, как после оказывается, он, считая себя истинным ламаистом, передает монастырю всего лишь десять, утаивая для себя остальные 25.

Заслуживший особое доверие Далай Ламы лама-дипломат приходит в ярость, узнав, что мы пожертвовали монастырю 100 нарсангов на масло для лампад перед изображениями, и говорит: «Наши монахи

присвоят эти деньги и не зажгут лампад. Вы должны были купить это масло у меня».

Лама настоятельного ранга говорит: «У нас монахи дикие, это не то, что в Сиккиме или Ладакхе».

Подходит лама и под ухом колотит в барабан, пока вы не даете ему пригоршню шо. Но через десять минут ему кажется, что вы уже забыли его наружность, и снова с тем же бесстыдством он опять не дает вам покоя, так же, как ваши шо не дают покоя его благочестию.

Откуда эти ламы, требующие «бакшиш» и не стыдящиеся этого торгашеского базарного слова? Кто же заповедал попрошайничество? И откуда эта бездна бездельников и лентяев?

Ламы даже желтой секты женятся, но если их «заслуги» перед Далай Ламой велики, то Его Святейшество охотно признает бывший брак небывшим и дает большие назначения.

Народ называет своего правителя «рябым монахом» и прибавляет еще одну легенду о внутренней жизни. Один ученый лама даже воспользовался случаем и чувствительно толкнул «рябого монаха».

В храмах вонь и грязь, и бормотанье, а за стенами ламские торгашеские сделки и подкупность. Как одиноки достойные фигуры среди этого невежественного базара.

Сколько монастырей лежат в развалинах. Сколько находятся в запустении. И насколько каждая развалина старого Тибета внушительнее и красивее и по размерам, и по местоположению, нежели жалкая бутафория новейших построек разлагающегося Тибета! И вы чувствуете, что строили эти древние монастыри и замки люди, не похожие на нынешних тибетцев. Бывшие короли Тибета и великий Далай Лама V отличались большой энергией, о чем свидетельствует и Потала, единственное здание всего Тибета.

Благочестивый служащий Далай Ламы заболел в пути и из сострадания был взят в караван. С большими заботами и тратой незаменимых лекарств он был доставлен на территорию Тибета, но здесь немедленно обособился и с тем же «благочестием» занялся предательством. Какой устав ламаизма заповедал предательство?

Тибетский генерал княжеского рода приглашает вас к себе в ставку. Присылает за вами своих офицеров, принимает подарок, прикладывается к священным предметам и ревностно перебирает четки. Но затем сообщает правительству, что вы приехали к нему самовольно, помимо его приглашения. Где же граница лжи? Старшина просит нашего разрешения выдернуть три волоска из бороды верблюда — они обладают большой

магической силой, и он зашьет их в свою «ламайскую» ладанку на груди. За мертвую голову верблюда в Тибете платят до 20 нарсангов, так как этот предмет нужен при гадании лам для отвращения града.

Лама, полный таинственности, предлагает купить чудодейственные пилюли. Когда же вы сомневаетесь в надобности этой покупки, то лама, в виде высшей меры убедительности, сообщает вам, что в состав этих пилюль входят экскременты Его Святейшества или какого-либо высокого ламы.

Или благочестивого вида лхасец, состоящий при высокой особе, приносит вам на продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуязвимости от огнестрельного оружия за цену в 300 рупий. Объясняет, что амулет заговорен и благословлен очень высоким ламой. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание на нем самом, но верующий лхасец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять в полной силе амулета. Когда же вы на «козла отпущения» не соглашаетесь, то лхасец уходит весьма возмущенный.

В монастырях даже желтой секты очень часто не имеется изображения Майтрейи, о чем совершенно спокойно рассказывают и власти, и ламы. И нигде, кроме Тибета, мы не встречали таких безобразно угольно-черных от грязи лам. Неужели есть наглость утверждать, что Будда или Цзон-ка-па заповедали эту беспросветную грязь?

Около священного менданга полуприкрытая плитами с надписями валяется дохлая собака, и те же священные надписи покрыты человеческими испражнениями. Ни в Сиккиме, ни в Ладакхе мы не видели осквернения ступ и мендангов. Этим заняты «религиозные» тибетцы. Священные надписи на камнях брошены на полях, и распалось много ступ и мендангов.

Около Лхасы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих трупных остатках принято кататься в голом виде «для сохранения здоровья». Бурят Цыбиков в своей книге о Тибете уверяет, что Его Святейшество Далай-Лама выполнил этот нелепый ритуал, уподобляясь некоторым животным.

Вспоминаю, как Елена Ивановна спросила знатную тибетку-герцогиню о постановке женского образования в Лхасе, но кроме недоумения ничего из этого вопроса не получилось.

Таких картинок из действительности можно было бы привести множество, и все они относятся к так называемой лучшей секте желтоша-

почников, последователей Цзон-ка-па. Но не забудем, что значительная часть населения Тибета принадлежит к секте бон-по, к черной вере, которая вообще отрицает Будду, измыслив себе совершенно особого покровителя и руководителя. Они признают Далай Ламу лишь как светского правителя и руководителя. Почитателей Будды они прямо называют своими врагами и не пускают в свои храмы. Они почитают богов свастики. Подобно черной мессе, ламаистские обряды совершают наоборот, не считают себя тибетцами и держатся совершенно обособленно. Среди них чудовищно проявляется низший вид шаманства, колдовства и темных вызываний, против которых не борется власть Лхасы. Кроме этой многочисленной секты, существует целый ряд племен дикарей с особыми наречиями, кочевников и лесных обитателей, которые находятся на низшей степени фетишизма — мажут маслом жертвенные камни, с ведома лхасского правительства, как мы сами видели, верят в громовые стрелы и почитают самые нелепые амулеты. Степень невежественности их прямо поразительна.

Кроме этого, также очень многочисленного элемента, имеется, как вы знаете, целый ряд разновидностей красных сект, занимающих крупные районы Тибета, совершенно искаживших первоначальный вид Учения Падма Самбхавы.

Понятий буддизма здесь тоже не следует искать, так же, как и в средних кадрах ламаистов желтой секты гелюг-па. Не забудем, что все только что приведенные картины лжи и суеверия, к сожалению, относятся именно к последователям этой секты Цзон-ка-па, почитаемой за лучшую. Так, постепенно отбрасывая все враждебные, вредные и невежественные наслоения, мы увидим, что сознательное почитание буддизма в Тибете будет принадлежать поражающе ничтожному числу людей, из которых добрая часть будет в далеком отшельничестве, не будучи в состоянии вынести официальное проявление ламаизма Лхасы. Во имя высокого учения Будды, во имя Цзон-ка-па необходимо очистить Учение в Тибете, необходимо подвергать лам гораздо более серьезному государственному экзамену, извергая из монастырей невежд и лентяев. Только тогда может восстановиться понятие ламы — учителя народа. Делал ли Далай Лама во время своего необычно долгого правления какие-либо попытки очистить засоренное невежеством Учение, пытался ли восстановить первоначальную строгую монастырскую винаю (устав), поднять понятие труда и искоренять суеверие? Нет, не пытался. Но и сделать что-либо Далай Ламе нелегко. Если вы думаете, что указ Далай Ламы многого стоит, то вы ошибаетесь. У нас был широковещательный паспорт далай-ламского

правительства, и на наших глазах народ отказывался исполнять указы своего правителя. «Мы девашунг не знаем», — говорит старшина. А чиновники только измышляют, как можно по-своему истолковать текст бумаги в зависимости от щедрости «подарка», на который намекают без всякого стыда.

Мы слышали, как исчезают на пути гонцы к Далай Ламе. Мы видим, в каком изорванном виде бросаются на дороге письма на имя Его Святейшества.

Посылаю вам портрет Далай Ламы, написанный местным художником с натуры.

В самое последнее время лхасское правительство выбросило на рынок священные предметы, принадлежавшие Таши Ламе. Пошли в руки торговцев редкие древние танки и другие священные изображения. Об этом варварском акте с болью рассказывал мне махараджа Сиккима.

К упадку дела Тибета пришли. В подобном положении, как сейчас, Тибет существовать не может.

Непостижимо странно представить себе, в какие суеверные условности вылились в Тибете так ясно данные заветы Будды и Его ближайших замечательных последователей. Вспомним замечательные труды Асвагоши, Нагарчжугли, гимны отшельника Миларепы, а затем канон Аттиши и великого амдосца Цзон-ка-па. Разве эти ревнители Учения допустили бы хотя одно из только что приведенных оскорбительных религиозно-бытовых явлений? Разве они могли бы примириться с той необычайной ложью, коварством и суеверием, которые пронизали все слои народа и особенно его правящий класс?

После английской экспедиции в Лхасу в 1904 г. Уоддель сообщил в своей книге, что тибетское правительство устрашало англичан тем, что будто бы сорок тысяч воинов из К'ама рвутся в бой и правительство не в силах их удержать, но ни один из этих «воинов» так и не появился. Эта беззастенчиво-хвастливая ложь представляется очень характерной в устах тибетских властей.

Сэр Чарльз Бэлл в своем тибетском словаре указывает фразы: «Не лгите», «Опять не лгите», «Не лгите, иначе вас высекут». Не случайно. Коренной тибетец, житель берегов Брахмапутры, говорит: «Пелинги (иностранцы) тем лучше, что не лгут, а наши все лгут».

Ложь и ложь! Как прискорбно каждому сообщению власти предпосылать, что это ложь или по коварству, или по глубочайшей невежественности. И при том всегда лицемерно прибавляется: «Мы религиозные люди» и следуют высшие клятвы тремя жемчужинами. А преувеличение

доходит до той степени, что образованный лама утверждает, что Тибет никогда не был под властью Китая, а, наоборот, был покровителем его.

Жалкая глинобитка называется в документе тибетскими чиновниками «величественным снежным дворцом». Титул лхасского правительства, выбитый даже на плохих медных монетках шо, самохвально объявляет: «Благословенный дворец, победоносный во всех направлениях». И в основе этого самохвальства лежит невежественность вследствие отчужденности от всего мира. Буддисты Ладакха, Сиккима и Монголии, соприкоснувшись с внешними элементами, проявляют гораздо более совершенный образ мысли. Невежество порождает хвастовство, а самохвальство — непомерную ложь, которая поражает в Тибете. Положительно, тибетский шаман не может более застрашивать народы своими страшными масками и самодельными атрибутами. Вблизи таких истинно священных мест, как Капилавасту, Кушинагар, Бодхгайя, Сарнатх, где протекала жизнь самого Благословенного, вблизи Индии с великой Ведантой, не могут жить остатки темного шаманизма. Те почтенные ламы, которые своей просвещенной трудовой жизнью следуют заветам Благословенного, конечно, не примут на себя все сказанное. Оно относится к невежественным и вредным поддельвателям. Они вместе с нами скажут во имя истинного Учения: «Сгинь, шаман! Ты не вошел в эволюцию! Восстань, светлый ученик заветов Великого Учителя жизни Будды, ибо только ты можешь называться ламой — учителем народа. Ты осознаешь, что такое знание, правда, бесстрашие и сострадание».

Замечайте: даже среди подавленного сознания, среди поражающей нищеты и грязи народа, нередко питающегося падалью, ясно восстает картина разложения Тибета. Послушайте рассказы о чрезмерных поборах. Всему приходят сроки. То, что еще в недавнем прошлом могло под прикрытием таинственности просуществовать, в сегодняшнем восходе уже оказывается неприемлемым.

Райдер, Уоддель, Дезидери, Дегоден и многие другие, посетившие Тибет, отрывочно называли шаманистские атрибуты старым хламом. Теперь это отрывочное заключение должно превратиться в утверждение, от которого зависит *справедливое и ясное отграничение буддизма от шаманского ламаизма*.

Мы видели отрывки испорченных магических ритуалов, потерявших свой первоначальный смысл; видели магические кинжалы и остря. Узнавали остатки ритуала магических зеркал. Вспоминали бросание зерен демонам стихий, замыкание круга, курения и жертвы — какие-то

осколки старой церемониальной магии, противоестественно связанной с именем и изображением Благословенного.

Я не делаю никогда общих выводов и всегда с особенной радостью вспоминаю о тех добрых явлениях, которые встречались на пути.

Знаем многое хорошее о Таши Ламе, вспоминаю умный лик настоятеля из Чумби, бежавшего вслед за духовным вождем Тибета. Вспоминаются привлекательные облики настоятеля Спитуга в Ладаке, настоятеля из Ташидинга в Сиккиме, монгольского ламы, занятого переводом алгебры, настоятеля монастыря Гум, гелонгов и прекрасных живописцев из Таши-люмпо. Но все эти лица находятся далеко от Лхасы или уже оставили пределы Тибета, как политические эмигранты. С ними мы по-прежнему встретились бы доверчиво и дружественно и поговорили бы в тиши гор о высоких предметах. Несение высоких заветов Будды накладывает и высокую ответственность. Предвидение светлого Майтрейи устремляет в сознательную эволюцию. Познание великого понятия Шамбалы обязывает к неустанному пополнению знания. Есть ли при этих высоких понятиях место звериному шаманизму и фетишизму?

Бесстрашный Лев неустанно боролся против суеверия и невежества. Он изгнал бы всех лицемеров, набивающих себе карманы за фальшивые требы. Дэвид-Ниль, проведшая ряд лет в Тибете, в своих статьях приводит *тибетское* предсказание о необходимости очищения Лхасы от нечестивых элементов. Мы имели случай убедиться, что подобное верование живет в народных массах, которые отделяют себя от Лхасы. Хоры просят не смешивать их с тибетцами. Амдосцы и жители К'ама всегда подчеркивают свою отделенность от лхасцев, к которым, конечно, себя не причисляют мишими и всякие лесные и дикие народности. Также мы убедились, что по предсказанию, вышедшему из монастыря Тенжелинга, правящий Далай-Лама называется Тринадцатым и последним. Тот же народ тайком спрашивает о судьбе почитаемого им Таши-Ламы и шепчет надежду, а не вернется ли он с китайцами? Настолько тяжел беспросветный, давящий шаманский режим, и даже самое подавленное человеческое сознание понимает, что так продолжаться далее не может. Светлое имя Будды должно быть освобождено от корыстных рук, и невежество должно замениться просвещением. Мрачное средневековье не может более существовать и прикрываться лицемерной маской религиозности.

Знаю, что есть лица, которые мне скажут: «Да ведь нам известно, что никакого буддизма в Тибете нет, что ламаизм и шаманство не могут узурпировать высокое понятие имени Будды». Правильно, но в широких

массах до сих пор в связи с Тибетом употребляется наименование «буддизм», и таким порядком даже черный шаман попадает в разряд людей, к которым прислушиваются.

Наваждение Тибета было настолько велико и в европейских кругах, что даже серьезные лица и кружки заботливо охраняли это ложное понятие. Потому-то все серьезно преданные изучению буддизма имеют прямую обязанность разъяснять широким массам, что великое понятие высокого Учения не имеет ничего общего с колдовством и суеверием, которое ловко подставлялось и застрачивало нетвердые умы.

Подчеркнем: конечно, существуют народцы еще более невежественные и ничтожные, нежели тибетцы. Мы не предъявляем к этим уходящим вырожденцам серьезных требований, ведь они о себе ничего особенного не воображают. Иное дело с Тибетом, который, оставаясь на низкой степени дикости, воображает себя наместником Будды и держателем основ великого Учения. В таком случае принятая ответственность велика. Тибетцы ненавидят китайцев, смотрят свысока на ладакхцев, сиккимцев, бутанцев, боятся англичан и русских, не доверяют и не выпускают японцев, отворачиваются от мусульман, называют бурят быками, грубо обращаются с калмыками, считают монголов своими данниками, презирают Хинаяну Бирмы и Цейлона. Получается уродливый конгломерат человеконенавистничества, противоречащий Учению Будды. Притом, презирая всех вследствие своего глубокого невежества, тибетцы сами не прочь попользоваться выгодой от каждого из перечисленных народов. Население более не выдерживает. Вспыхивают восстания. Литанг и Батанг — одни из самых плодородных мест Восточного Тибета — снова заняты китайцами. Осенью 1927 года были волнения среди северян Хор-па. Сейчас получены сведения о крупном восстании в К'аме, где убит губернатор и пятьсот солдат. Стрела войны — объявление мобилизации в виде стрелы, обернутой красным шелком, следовала несколько дней при нашем караване. Можете себе представить нас в виде носителей стрелы войны. В К'ам двинут даже гарнизон Шигацзе и двести пятьдесят человек с запада от Тингри. Там, где плохо стоит великое Учение, там плохи и внешние дела. По сути путники говорят о налогах, доходящих до 10 долларов в месяц с крестьян. Оскорбительное отношение к соседям и грабительские поборы внутри — ведь это политика самоубийства.

Кроме Лхасы и Гиангцзе (благодаря англичанам), где есть кое-какие продукты третьего сорта из Индии или Китая, вы не найдете в других городах ничего. В больших местечках даже нет ни одной лавки.

Ни масла, ни молока, ни сахара, никаких овощей. Немного ячменя и сухая баранина. К вам приходят в сумерках какие-то люди, прося продать им что-либо, но начать торговлю они явно не решаются, боясь прожорливого начальства. Страшно подумать, что имя Будды смешано с этой грязью физической и духовной.

Подлинность ознакомления с истинным положением религии в Тибете, конечно, зависела от личного знания языка. Через постороннего переводчика вы не подойдете к чувствительному, сложному аппарату религиозных наслоений, но нам посчастливилось в этом отношении. Знание тибетского языка Ю.Н.Рерихом, магистром Гарварда, даже по свидетельству самих тибетцев, остается на втором месте после сэра Чарльза Бэла, которого они считают лучшим практиком языка. Таким путем, не в случайной передаче, но в непосредственном общении мы знакомимся с неприкрашенной жизнью Тибета.

Друзья, мы подходим к Гималаям. Спешно пошлю вам эти строки. Знаю, вы ждете узнать действительность буддизма в Тибете. Вы изучаете Учение Будды, и потому никакое шаманское наваждение не отвлечет мышления вашего в ложном направлении. Вы знаете, что Таши-Лама достойно приветствован в Китае и недавно издал новое обращение к Шамбале; что то высокое, которое вы почитаете, не нуждается в защите Тибета.

В прочих перечисленных странах мы имеем много сотрудников просвещенных и ревностных, для которых имя Будды является действительно подлинной святостью. Знаю, как вы ищете правду и действительность, потому и спешу сообщить вам то, что мы действительно видели.

По счастью, столько подлинного сохранилось и в санскритской, и в китайской, и в японской литературе. Мною уже заказано собрание священных книг Канчжура и Танчжура, которые прошу принять от меня в дар, как первое собрание этих книг для Америки. Вы поместите это собрание в нашем буддийском центре, конечно, сделав его доступным для всех желающих серьезно изучать этот предмет. Вероятно, придется предпочесть издание лхасской печатни, так как я слышал, что старые доски печатни в Шигацзе значительно стерлись. Вы знаете, как разместить это собрание в 333 тома на полках по боковым стенам дуканга Шамбалы.

Друзья, вы знаете, что в моей привычке смотреть на все явления добрым глазом, как вы видели в заметках о Сиккиме и Ладаке (Himalaya, Brentanos, N.Y.), и потому все сказанное не может быть несколько преувеличено, наоборот, многое может быть добавлено. Но

бывает, когда великие понятия умяются, и тогда необходимо сказать слово со всей справедливостью. Предвидя будущее, Будда говорил: «Учение подобно пламени факела, зажигающему бесчисленные огни; огни эти могут способствовать варке пищи или рассеивать тьму, но пламя первого факела остается неизменно сияющим» (Сутра, 42).

И сейчас в Ладаке и Сиккиме достойные ламы воздвигают великие изображения Майтрейи как символ наступления новой эры. Они-то, одинокие, понимают, сколько очищений и восстановлений должно быть совершено неотложно. Эти, одинокие, еще могут возносить обращение: «Да будет жизнь тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орел, и да вечно длится!»

ДОКТОР К.Н.РЯБЕНИН — УЧАСТНИК ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РЕРИХА

А.Г.Топчиев, В.А.Росов

Продолжая публикацию* о судьбе доктора Константина Николаевича Рябинина (1877-1955), участника Миссии Западных буддистов в Тибет, особое внимание мы уделим теперь более подробному рассказу о трагических событиях 30-х годов. Это именно тот нелегкий период в жизни К.Н.Рябинина, когда он стал узником ГУЛАГА.

Радость возвращения в родной Ленинград после Центральноазиатской экспедиции Н.К.Рериха 1926-1928 годов, долгожданная встреча с родными были омрачены настороженным, подозрительным отношением сослуживцев и руководства больницы Водного транспорта, где Рябинин работал до отъезда в экспедицию. Подозрения эти усилились, когда врач оставил свою уютную холостяцкую квартиру, переселился в портовую больницу и начал напряженную литературную работу (совмещая ее с врачебной деятельностью) по написанию книги «Развенчанный Тибет», в основу которой легли дневники Центральноазиатской экспедиции. С первых же дней за Рябининым установилось негласное наблюдение органов ОГПУ. Поток необоснованных, а порой и смехотворных доносов устремился в органы дознания. Один из многочисленных доброхотов-осведомителей писал: «...а живет исключительно на зарплату, получаемую от Водздравотдела в сумме 60-70 рублей в месяц, но зато имеет свободное время для изучения научных работ по медицине и на вопрос, заданный Рябинину поделиться с нами, Рябинин ответил: что вот, когда будет все готово, тогда узнаете» [1].

* Начало см.: Ариаварта. Начальный выпуск. СПб, 1996. С.103-109.

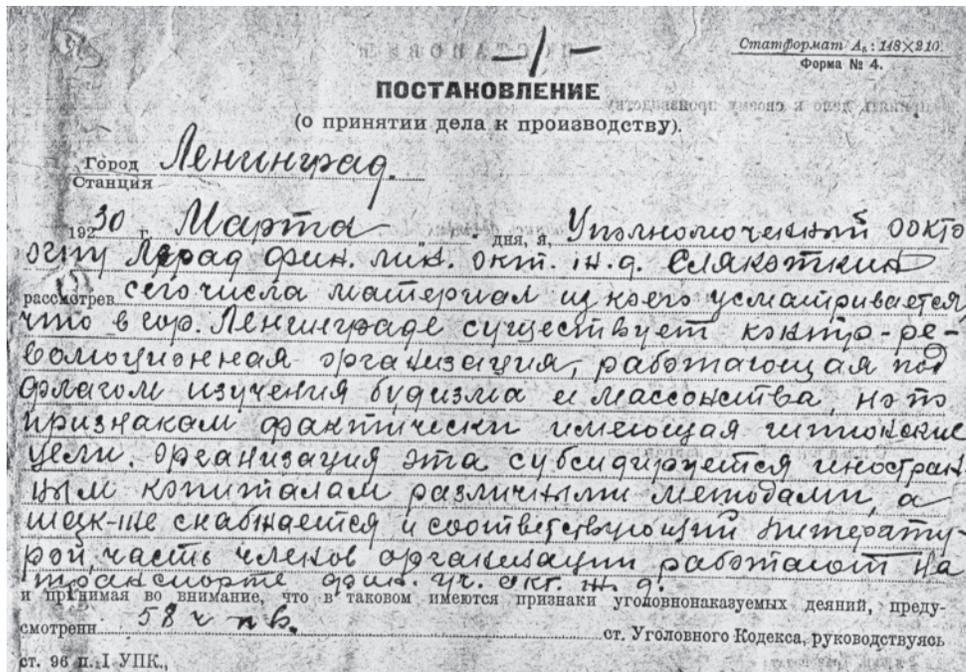
Листая страницы следственного дела, испытываешь почти физическое ощущение бессилия перед четко организованным молохом «правосудия», чувство стыда за своих сограждан, дающих лживые, нелепые показания, продиктованные подчас даже не страхом, а скорее рабской услужливостью и желанием причинить боль ближнему. Сказывается здесь и затаенная зависть к талантливому врачу, и желание снять покров тайны, разоблачить «чародея», как охарактеризовал доктора один из доброхотов.

Конечно, не могли простить Рябинину и его прошлого. До революции он занимал должность Непременного члена и Председателя Вологодской губернской земской управы, был награжден двумя орденами, имел научные труды. В показаниях двух свидетелей, проходящих по «Докторскому делу», упоминается факт успешного лечения Японского престолонаследника, за что Рябинин был удостоен награды императорского двора Японии — несессера в виде золотой черепахи. Мог ли этот человек не вызвать подозрения и зависти?

Впрочем, было бы неверно считать «Докторское дело» сфабрикованным во всех эпизодах, на которых строилось обвинение. Рябинин дал следствию достаточно оснований для вынесения приговора — «заключить в концлагерь сроком на пять (5) лет». При обыске в день ареста Рябинина 21 марта 1930 года в тайнике, искусно сделанном в спинке кровати, были обнаружены валюта, небольшая золотая пластина, монеты царской чеканки, дореволюционные награды. Перед отъездом в экспедицию Рябинину в Москве был выдан револьвер и оформленное в установленном порядке разрешение на его хранение. Однако, во время обыска был изъят еще один незарегистрированный револьвер и патроны к нему. Кроме того, было установлено, что во время рейса в Гамбург в 1921 году судна «Красный профинтерн», на котором Рябинин служил врачом, ему стало известно о скрывавшемся в угольной яме старшем кочегаре, списанном на берег еще в Ленинграде. Рябинин не донес об этом капитану и тем самым допустил нарушение корабельного устава, а по законам того времени стал соучастником преступления.

Казалось бы, улики для возбуждения уголовного дела достаточно. Однако, перед следователями была поставлена задача раскрутить политический процесс по обвинению Рябинина в создании шпионской сети, руководимой академиком Н.К.Рерихом. Поэтому в ходе разработки агентурного дела под названием «Докторское» особо пристально изучались материалы экспедиции, письма и документы, раскрывающие «тибетский период» жизни Рябинина. К участникам группы, действующей «под флагом буддизма и масонства, но по признакам фактически имеющей шпионские цели», были причислены еще семь человек, в том числе брат руководителя экспедиции Б.К.Рерих, который, как выяснилось во время следствия, занимался в Ленинграде «отсылкой отчетов в Америку».

Тем не менее, сам Б.К.Рерих органами ОГПУ не арестовывался и по делу Рябинина в качестве свидетеля не проходил. Этот факт, кстати, говорит о том, что «Докторскому делу» придавалось руководством ОГПУ большое значение и брат «американского разведчика Рериха», возможно, приберегался для более серьезного последующего процесса. В то же время, Б.К.Рерих пользовался некоторым покровительством высших чинов всемогущего ведом-

Постановление на арест К.Н.Рябинина. 1930

ства, так как участвовал в разработке архитектурного проекта нового здания ОГПУ-НКВД на Литейном проспекте в Ленинграде, впоследствии известном в народе как «Большой дом».

Врач Рябинин в глазах окружающих представлял собой достаточно удобную фигуру, чтобы быть втянутым в политические игры власть предержащих. Связь с Н.К.Рерихом, контакты с Америкой, враждебное отношение к Советской власти — все это давало основание считать Рябинина если не «врагом народа» (этого определительного он удостоится позже, при повторном аресте в 1937 году!), то пособником империализма. Вот какой портрет доктора нарисовал один из свидетелей, проходивших по делу, по фамилии Соловьев: «Этот доктор Рябинин имеет звание профессора, владеет свободно всеми европейскими языками, знает несколько восточных языков и посвятил себя изучению Востока; за границей он известен и имеет обширное знакомство. <...> Сам Рябинин был настроен резко враждебно к Сов<етской> власти, но вернувшись из экспедиции его настроение стало более спокойным и уверенным; он говорил, что необходимо терпеливо ждать, так как мы находимся накануне больших перемен и 1930-31 гг. принесут большие перемены в существующий государственный строй» [2].

Разве не очевидно, что даже этих характеристик было с излишком для дела со столь громким названием. К тому же некоторые считали доктора

закоренелым буддистом — «Я знаю Рябинина как убежденного буддиста» [3], — показывал свидетель Д.Д.Базилевич. Выяснились и многие другие детали. Например, то, что «по возвращении из экспедиции Рябинин начал готовиться к новой экспедиции также на Восток». И то, что при обыске у самого Рябинина и свидетелей была изъята «буддийская и другая антисоветская литература». Факту хранения антисоветской литературы придавалось настолько большое значение, что он был внесен, как основной, в обвинительное заключение в отношении не только Рябинина, но и П.П.Жураковского, который проходил соучастником по «Докторскому делу» [4].

Что же это за литература и почему к выяснению этого вопроса было привлечено столь пристальное внимание следственных органов? Ведь подробной характеристике изъятых книг посвящено множество страниц показаний в деле Рябинина... Речь идет о книгах, подаренных врачу Н.К.Рерихом, среди которых — «Чаша Востока», «Основы буддизма», «Община» [5] и др. При этом выявляется, при каких обстоятельствах книги получены, для кого они были напечатаны, в какой ургинской типографии, как брошюровались и т.п. Делается предположение, что часть тиража книг из Урги в Ленинград была доставлена Б.К.Рерихом (!) после отправки экспедиции в Тибет весной 1927 года.

Содержание этих книг, как стало понятно в ходе следствия, имело прямое отношение к Центральноазиатской экспедиции. Не только научно-художественные задачи по сбору и изучению древних рукописей, памятников буддийского искусства и тибетской медицины ставила экспедиция, и даже не Буддийская Миссия в Лхасу, где Рерих предполагал встретиться с Далай-Ламой и остаться там на длительное время (возможно, на многие и многие годы), стала главной идеей руководителя этой Миссии. Посещение Гималайской Твердыни, обители Учителей Востока, — явилось основным и сокровенным назначением столь сложного путешествия на высоты Тибета. Все свидетели по делу говорят об этом в один голос, ссылаясь на слова Рябинина. Только сам доктор оставался немногословен. Хотя изъятые материалы, написанные им дневники экспедиции (16 рукописных тетрадей) покрывали самое изысканное красноречие о Братях человечества. Из показаний свидетеля П.М.Соловьева относительно экспедиции: «По рассказам Рябинина эта экспедиция имела своей целью посещение резиденции Светлого Братства, помещающегося в Тибете, в такой местности, куда непосвященный не в состоянии проникнуть. По рассказам Рябинина весь мир находится сейчас под влиянием двух братств: Братства Тьмы и Светлого Братства. Общины Светлого Братства раскиданы по всему свету, в частности, и у нас в СССР имеются эти общины. Имя Ленина чтится на Востоке, но тактика, которой придерживается в настоящий момент коммунистическая партия, категорически осуждается Светлым Братством и общинами. <...> Можно было понять, что Рябинин добился своей цели и побывал в резиденции Светлого Братства» [6].

Другие, более «несговорчивые» свидетели отрицали факт посещения Гималайского Братства. Да и сам Рябинин, естественно, хранил полное молчание. «Цель экспедиции, — показывал П.П.Жураковский, — поскольку об этом мне сказал Рябинин, была попасть в Гималайское Светлое Братство.

Попасть в это Братство им не удалось, как мне об этом сказал Рябинин. Но он уверен, что Братство это существует. Если я правильно его понял, то Братство это является центром всех религий, куда идут молитвы всех верующих» [7]. Одновременно Н.В.Жураковская, жена свидетеля, дает свои показания — как бы противоположные мужу, положительные сведения о посещениях Гималаев и розыске там Братства. П.П.Жураковский за свою несговорчивость и близость к Рябину так же был признан виновным по статье 58-10 и 121 УК и оказался в концлагере сроком на три года.

Несомненно, цели Центральноазиатской экспедиции Рериха, сформулированные в ходе следствия именно таким образом, не могли остаться вне поля зрения руководящих органов ОГПУ. Дальнейшая судьба Рябинина только подтверждает сложные перипетии «Докторского дела».

27 сентября 1937 года доктора Рябинина, едва оправившегося после Соловецкого лагеря, арестовали второй раз. Новое «Докторское дело» вновь связывается со шпионской деятельностью и причастностью, в этой связи, Рябинина к глобальным планам масона Рериха «опутать сетями» не только Тибет, но и весь мир. В письме, обращенном в Президиум Верховного Совета СССР (аналогичные письма — товарищам Берии и Жданову), Рябинин повествует о деталях следствия, которые имеют принципиальное значение для понимания политической подоплеки очередной волны репрессий: следователи «настойчиво заставляли меня написать, что Рерих, якобы, шпион, что «это нам нужно», что мне эту бумагу возвратят и я ее смогу уничтожить. Но я, не зная за Рерихом никаких фактов в этом направлении, категорически отказался написать это» [8].

В бессилии добыть письменные показания Рябинина, следователи идут на всевозможные уловки. В управлении НКВД пытаются выяснить, не могут ли служить доказательством вины Рябинина несколько дешевых карт, висевших в доме доктора на стенах, дореволюционный групповой портрет членов земской управы и прочее. «...Носили (в управление НКВД — ред.) старый вицфраг, пробковый шлем, привезенный мной из Дарджилинга, монгольскую одежду из красной пурпы, но это было забраковано и возвращено обратно в квартиру» [8].

Обвинение было построено на ряде документов. Главный из них — показания проживавшего в квартире Рябинина его воспитанника Мити Базилевича, больного шизофренией, к которому доктор относился как к сыну, оказывая ему материальную и медицинскую помощь. О том, как были получены эти «показания», Рябинин узнал уже в заключении, на одном из этапов в пересыльной тюрьме, от самого Мити. «Двадцать дней он стоял у следователя Василия Эрастовича, весь отек и почти ничего не ел, потом 4 дня его избивали несколько человек, пока он не подписал на себя и на меня все, что ему диктовали. В исступлении и отчаянии он хотел себе разбить голову о стену. Когда он все подписал, меня арестовали. Со мной так не поступили потому, что после грубой и матерной брани, всяческих угроз и стояния 15 часов на ногах, я, видевший примеры и последствия в общей камере в течение месяца, написал под диктовку и подписал себе обвинение, а также и протокол «допроса», который написал следователь Василий Эрастович. Он грозил мне

К.Н.Рябинин после освобождения

и пыткой, и жестокой мучительной смертью; обещал, зверски крича, если я не подпишу его «протокола» и сам, собственноручно не напишу обвинения, «вывернуть мне кишки без хирургической операции», обещал, что я не выйду живым, грозил арестовать ни в чем не повинных моих братьев» [8].

Документ, в котором Рябинин возводит на себя обвинение, содержит «признание» об организации им «контрреволюционной группы», состоявшей из: Д.Д.Базилевича, В.В.Петрова, П.П.Жураковского, К.П.Дмитриева, Н.Е.Степанова, А.П.Эйснера и Б.К.Рериха [9].

Спустя почти два года после осуждения заключенный Южлага НКВД Рябинин, чувствуя, что силы оставляют его, совершает отчаянный шаг. В письмах, направленных в Верховный Совет СССР и Наркомат внутренних дел, он пытается разоблачить следователей, доказать беспочвенность обвинений, выдвинутых против него и против близких ему людей. «Я категорически отрицаю написанное мною под диктовку и под угрозой и пыткой стояния. Никому и никаких сведений я, конечно, не давал и дать не мог <...>. Никаких групп я не создавал» [8].

Случайно или нет, но десять лет заключения Рябинин провел в Южлаге, на древней буддийской земле Бурятии. Согласно существовавшей в те годы

* * *

В приложении публикуется уникальный документ, относящийся к Центральноазиатской экспедиции Рериха, — показания доктора Рябинина, данные им в следственном изоляторе ОГПУ [10]. Этот документ существенно дополняет наши знания о более чем двухлетнем периоде жизни Рябинина, связанном с его путешествием в Тибет.

Примечания

1. Архивное управление ФСБ РФ по Петербургу и Ленинградской области (АУ ФСБ РФ СПб и Лен. обл.). № 21823. Дело К.Н.Рябинина, № 1815. Показание В.В.Ильичева, л.67.
2. Там же. Показание П.М.Соловьева, лл.96-96об.
3. Там же. Показание Д.Д.Базилевича, л.142.
4. Заключение Военного прокурора Ленинградского военного округа в отношении Жураковского П.П. от 30.04.1991.
5. См.: Чаша Востока. Письма Махатмы. Нью-Йорк—Париж—Рига—Харбин, 1925. Пер. Искандер Ханум. 261 с.; Рокотова Н. Основы буддизма. Урга, 1926; Община. Улан-Батор, 1927. 284 с.
6. АУ ФСБ РФ СПб и Лен. обл. № 21823. Дело К.Н.Рябинина, № 1815. Показание П.М.Соловьева, л.99об.
7. Там же. Показание П.П.Жураковского, л.80-80об.
8. Архивный фонд Службы внешней разведки РФ (Москва). Письмо в Президиум Верховного Совета СССР от заключенного Южлага НКВД Рябинина К.Н. 9.07.1939.
9. Там же. Следственное дело № 25359, П60 456. Письмо Рябинина К.Н. в НКВД Ленинграда. 10.11.1937.
10. АУ ФСБ РФ СПб и Лен. обл. № 21823. Дело К.Н.Рябинина, № 1815. Показания доктора К.Н.Рябинина 23-24 июля 1930 года, лл.251-264.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОКАЗАНИЯ ДОКТОРА К.Н.РЯБИНИНА 23-24 ИЮЛЯ 1930 ГОДА*

Совершенно неожиданно для меня, так как с профессором Н.К.Рерихом я не виделся более 10 лет, я получил приглашение, через его брата Б.К.Рериха, сопровождать профессора, проживавшего с 1926 г. в Урге, в его экспедиции по Монголии и, может быть (это я узнал после), в Тибет к Далай Ламе. После долгих колебаний из-за болезни сердца, непривычки вообще к путешествиям — никогда до того не садился верхом на лошадь, и, наконец, после полного моего отказа по телеграфу я все-таки согласился, так как снова получилась

* © А.Г.Топчиев

телеграмма с приглашением, до и интересно было повидать красочный, как мне думалось, Восток и дикие страны.

13-го марта 1927 г. я был вызван дома к московскому телефону Б.К.Рерихом, который сообщил мне, что приехали из Нью-Йорка друзья проф. Н.К.Рериха в Москву и что я с вечерним поездом должен выехать в Москву, чтобы получить паспорт. После чрезвычайно скоропалительных сборов — я должен был взять белье, одежду, медикаменты и инструменты хирургические и зубные, мы выехали 17-го марта, в четверг, в Ургу по Сибирской железной дороге четвером — М.М.Лихтман (вице-президент Общества друзей Музея Рериха в Нью-Йорке), его супруга Э.Г.Лихтман, Б.К.Рерих и я. Ехал я и всю дорогу страшно тосковал и беспокоился за покинутого мною дома в болезненном состоянии очень любимого мною Митю Базилевича, который жил у меня с 1922 г. почти как мой названный приемный сын — я холост, и у меня нет больше никого, кроме братьев и сестер, которые живут отдельно и своей жизнью.

Приехали мы в Ургу (Улан-Батор-Хото) в двадцатых числах того же марта. Нам с Б.К.Рерихом была уже приготовлена отдельная для двоих комнатка минутах в пяти ходьбы от дома Петрова, где жил профессор Н.К.Рерих с супругой своей и сыном Ю.Н.Рерихом — они занимали очень маленькое помещение из трех комнат. Супругов Лихтман поместили в том же дворе во флигеле. Мы застали полную суету приготовлений к долгому и трудному пути.

Супруга Н.К.Рериха вела общее руководство по хозяйственному снабжению — закупалась провизия, дорожные вещи и одежда для проводников. Мне же приходилось весь день ходить по кооперации и магазинам за покупками дополнительно для себя теплых вещей, одежды, белья и из аптеки недостающих медикаментов и предметов ухода за больными. Виделся я с профессором и его супругой и сыном только кратко в это время за утренним чаем в 9 ч., обедом часа в 3-4 пополудни и вечером часов в 8 за вечерним чаем и легким ужином. Лихтманы по вечерам, а иногда и днем, в комнате супругов Рерих беседовали по накопившимся за долгое время отсутствия профессора Н.К.Рериха из Нью-Йорка, как мне сказали на мой вопрос, делам Музея, а также спрашивая его распоряжений как Почетного президента Музея на все время его долгого путешествия, так как переписка в пути через Монголию, пустыню Гоби и Тибет невозможна. Тут я впервые более определенно услышал, что придется быть в Лхасе у Далай Ламы — Лихтманы привезли ему в подарок ковер из бизонової шкуры стоимостью пятьсот долларов, мексиканское седло с лукой, очень хорошее, серебряные старинные кубки и старинную парчу (что любит Тибет). О целях путешествия пока в Урге говорилось мельком. Но, с одной стороны, я уже тогда предполагал, что имелась в виду какая-то буддийская цель, так как видел из разговоров и окружающих вещей большой интерес к буддийским вещам — были священные изображения на шелку (танки), статуэтки, предметы культа — раковина, чашечки с воском и свечильней, колокольчик и др. Вместе все мы осматривали буддийский дацан (храм) в Урге, молитвенные барабаны на площади. Все это мне было ново и интересно, как быт и этнография. Потом профессор повез нас, с разрешения Церен-Дорджи (Глава Монгольской Народной Республики) показать в его кабинете служебном сзади письменного стола картину,

написанную профессором, Владыки Шамбалы на коне. В это же время я застал брошюровку небольшой книжки о Будде и печатание книжки Община. Если только я не ошибаюсь, несколько экземпляров этих книг предполагалось дать Лихтманам для передачи в Москве членам правительства для ознакомления с ними.

В Урге же я категорически сообщил профессору Н.К.Рериху, что по выполнении своих обязанностей врача в путешествии я немедленно же возвращусь домой обратно, так как дал дома обещание и оставил квартиру на слабые беспомощные и больные руки моего Митюши, что очень мучаюсь за него — хватит ли у него денег, не будет ли его теснить жакт.* На плату я согласился по 250 р. в месяц, как вообще врачи СССР получают в экспедициях Академии Наук. На меня же в дороге было возложено ведение путевых записей журнальных, расплата за поставляемое в пути продовольствие и караван. Все разговоры с властями и местными людьми вел секретарь Миссии (а не экспедиции) сын старший профессора, магистр востоковедения и восточных языков (монгольского, тибетского, китайского и индустани) Юрий Николаевич Рерих. При выезде профессор сказал мне, что в Москве он выхлопотал, наконец, благодаря любезности нашего правительства, советский паспорт, что его чрезвычайно радушно и высокомилоливо встретили и отнеслись к нему, был в восторге от виденного в Москве вообще образцового порядка и, в частности, во время случившихся в то время (кажется, июнь 1926 г.) похорон тов. Дзержинского,** произведших на него огромное впечатление выдержанной стройности и могучего величия скорби и мощности. Присутствовал я и при получении в Урге любезной и сердечной телеграммы от нашего правительства, после которой разрешились все трения с транспортом, который, правда, и по-моему, было очень трудно так быстро и в таком количестве предоставить из Урги — было пять больших дорожных автомобиля. Когда мы выехали из Урги и потом, в дороге, у меня было представление, что на профессора возложено Москвой, с одной стороны, какое-то важное поручение в Тибет, с другой стороны Музеем Рериха или же Обществом друзей этого Музея в Нью-Йорке — был привезен большой американский флаг и был в Урге заготовлен большой танк*** Шамбалы на древке. Было сказано в пути, что по буддийским странам придется идти как буддистам, в Тибете — под знаком Шамбалы, в других же <странах> под американским <флагом>, что советского паспорта нельзя показывать — были от Монгольского Г.В.О.**** выданы монгольские удостоверения. Кроме того, для стран китайского влияния у профессора Н.К.Рериха были из Москвы (вероятно, из китайской миссии) письма Фын-Юй-Сяну (Фенг) и другим властям (какому-то Дао-Таю или Ду-Ту, не знаю, кому), а мне было выдано профессором особое удостоверение от него, как начальника экспедиции, по-английски, для китайских властей, что я — доктор, вхожу в состав его экспедиции или Миссии (оно в делах у Вас, я тщательно всегда хранил все документы, так как

* жилищно-арендное кооперативное товарищество

** Похороны Дзержинского состоялись 22.07.1926, в день отъезда Рерихов из Москвы.

*** то же, что и «танка»

**** Государственная внутренняя охрана, выполнявшая функции тайной политической полиции.

привык к порядку в своей жизни холостяка, привычек домашних своих не изменил и после революции. В этой квартире я с апреля 1916 года).

От пограничного в Северной Монголии (далее идет так называемая Внутренняя Монголия, китайская) монастыря Юм-бейсе мы уже шли на 41 верблюде караваном, так как там начинались пески великой пустыни Гоби, до Шибочена, это остановка у речки того же названия, где имелось несколько монгольских юрт и был китайский старшина монгол Ма-чен. Дальше караванщик не вез, так как начиналась (конец мая) линька верблюдов, они слабеют и не идут. Тут в первый раз в лагере у речки, в небольшой отдельной палатке был устроен в наглядность и назидание, так сказать, местному населению, приезжавшему иногда издалека, с которым приходилось считаться, так как дальше от него зависела помощь, храм Шамбалы со священными изображениями по бокам и как бы престолом, что ли, где стояли священные бронзовые изображения и принадлежности буддийского служения. Иногда там служили, вернее, сидя на корточках, нараспев, однообразно читали священные молитвословия наши караванщики-ламы под управлением ламы Малюнова, который говорил, что он был раньше в Ленинграде в дацане бурятском в Старой Деревне, и что он знает тибетский язык. Здесь мы стояли около месяца, потом нас Ма-чен перебрал за пять дней пути вперед к горам Гумбольдта в Шарогольчи (это пастбище, куда едут монголы ближайšie, когда в Шибочене или других местах высыхает или кончается трава). Здесь был также устроен в палатке храм Шамбалы, и под руководством ламы Малюнова ламами-караванщиками, и мы помогали понемногу, собирая булыжник, устроен был так называемый субурган. Монголы-кочевники стояли далеко от нас за рекой было лишь две юрты в полуверсте от нас. Сюда приезжал Ма-чен со старшинами и духовное лицо, вроде цайдамского благочинного, который и «освятил» субурган. Приезжали также какие-то китайские таможенные власти, которые содрали с нас пошлину за купленных животных каравана. Профессор показывал им вышеупомянутые рекомендательные письма к цайдам. Сюда же являлось и «посольство» мелкого владетельного князька цайдамского, монгола, <из княжества> Курлык-бейсе, зависящего от влияния Сининского амбана (Кукунорской области) и в духовном отношении — от Тибета. Он предлагал, если нужно, свою помощь верблюдами для каравана, но были уже закуплены свои животные, и дело ограничилось обменом взаимных любезностей. Здесь стояли до 19 августа 27 года, подкармливая животных и ожидая окончания линьки их и прекращения муссонов (ливней). Здесь я жестоко тосковал и думал о доме и в третий раз (второй было в Шибочене) решительно отказался долее условленного срока экспедиции, до двух лет, остаться на Востоке, так как в Шарогольчи уже высказывалось ясное намерение семьи профессора поселиться в Лхасе на неопределенное время, предполагалась даже и далее, по указанию слуги — тибетца Кончока, и моя там медицинская практика. Это все послужило, к моему огорчению, к холодному ко мне отношению и недовольству этим со стороны уважаемых мною людей, проявивших в пути много достоинства по отношению ко мне и терпения к моим часто неосновательным претензиям и капризам. Перейдя хребет Гумбольдта и Риттера, в Цайдаме мы встретили тяжело больного чиновника из Лхасы Чимпу, которого взяли на свое попечение, обещая довести до тибетских властей и рассчитывая, при сношениях с ними, на его авторитет

и помощь. По его совету было сделано желтое Далай-ламское знамя с надписью по-тибетски «Великий Держатель Молнии» (один из титулов Далай Ламы), которое следовало впереди.

Первый тибетский пост встретился у озер Олун-нор, из местных жителей (милиции), которые спросили, куда едем, и пропустили с подношениями масла и сыра. Второй военный пост мы случайно из-за бурана не заметили и проехали, оставив его в стороне. Далее, уже в горах Танг-ля (а раньше прошли в Тибете хребты Нейчжи, Марко Поло, Кукушили и Думбуре), перед Шингди, встретили опять милицейский пост и были пропущены до Шингди, где приехали власти от Верховного комиссара народа хор (хор-па) — Хорчицаба, генерала и князя Кап-шо-па, он же Командующий Востоком (т.е. восточной областью Тибета — Кам), Вращающего Колесо Правления (это его титул) — в Тибете все очень цветисто, лживо и преувеличено до небывалых размеров, как у восточных, полудиких народов. На другой, кажется, день потребовали или разрешили приехать к Кап-шо-па профессору и его сыну, где было объяснено ими, что Миссия или экспедиция желает проехать в Лхасу. Было разрешено пока, впредь до распоряжений, переехать ближе к лагерю генерала и остановиться в версте от него у речки Чунарген — в низменной болотистой местности (пастбище).

Тут генерал был, якобы, случайно, выезжал на усмирение каких-то беспорядков среди народа хор; но по всей вероятности, это была военная застава для преграждения пути, так как из дальнейших слухов было видно, что экспедиции предшествовала какая-то молва, что движется чье-то войско или какие-то вооруженные силы. Здесь началась, видимо, обычная в Тибете волокита — было категорически заявлено, что от Далай Ламы имеется указ никого из европейцев далее не пропускать и что если насильно поедем, не послушаемся, то генералам и старшинам отрубят головы. Кап-шо-па, молодой человек 24 лет, бывший Далай-ламский гвардеец, сказал, что сам напишет Далай Ламе письмо, а также уведомит гражданского губернатора в Нагчу дзонге (верст 60 от этого места и в 250 верстах от <Лхасы>, первое от нас как бы укрепленное место и «город», но войска там нет). Разговор вел по-тибетски секретарь Миссии Юрий Николаевич Рерих, переводя профессора и говоря с ним исключительно по-английски, так как было заявлено, что Миссия — американская, и нельзя было во избежание подозрений обнаруживать знание русского языка.

Генерал дважды отдал визит — один раз торжественно, с большой помпой и свитой, другой проще, причем рассматривал палатки и разные дорожные вещи и священные буддийские предметы. Ему было сказано, что экспедиция — это западные буддисты, везущие дары Далай Ламе, к которому имеют поручение от западных буддистов, могущее быть передано только лично Его Святейшеству.

Скорого ответа из Лхасы генерал не получил и вскоре со всем лагерем снялся, оставив нас на попечение, вернее, надзор своего майора и человек десять воинов. Здесь мы пробыли около пяти месяцев в чрезвычайно бедственном положении из-за холода и недостатка продовольствия, все время писали письма и Далай Ламе, и нагчуским губернаторам, и резиденту в Сиккиме. Юрий Николаевич переводил и по-тибетски, и по-английски. В дневнике моем все полностью имеется со всеми датами. Из этого места у речки

Чунаргена пришлось, ожидая, перебраться, так как она выступила из берегов от таяния на солнце снега где-то в окружающих горах, верст за 5-7 к востоку у монастыря бон-по (это противоположная буддизму секта в Тибете, поклонение исключительно разным «темным» силам природы). Сюда, в начале, кажется, января 1928 г. приезжали к профессору оба нагчуские губернаторы, т.е. духовный (что выше в Тибете) и гражданский. После, тем не менее, опять были и письма, и нарочные. После долгого торга было разрешено всем двинуться в Нагчу и там ожидать разрешения из Лхасы. Губернаторы уверяли, что разрешения не дадут и придется обратно ехать на восток через Китай (по Сининской дороге) или через Монголию. Переезд состоялся, в Нагчу, где был отведен «дом» — глинобитная фанза, окруженная глинобитной же стеной, как и все здесь. Началось вымогательство разных «подарков», а между тем время все шло, и в конце концов профессор совершенно отказался от мысли ехать в Лхасу, где бы сначала бесполезно задержали и начисто обобрали, а затем, ввиду наступления теплого времени года, все-таки воротили бы обратно через Китай или Монголию на выбор, т.е. чрезвычайно длинным и тяжким путем, из Тибета же самый ближний путь к цивилизованным странам через Сикким, откуда уже имеется узкоколейная железная дорога до Силигури, а потом и ширококолейная. Было разрешено, наконец, выехать, минуя Лхасу, несмотря, по-видимому, на неудовольствие там Далай Ламы и его правительства — девашунга, по Чантангу, своротив потом во внутренний Тибет, пересекли самую высокую там цепь юго-западных Трансгималаев, параллельно, к юго-западу, сначала большой Непальской дороге (пути) до Сага дзонга, а затем во внутренний и южный Тибет к юго-востоку и к югу через Тингри, Тинкье, Шекар и Кампа дзонг в Сикким через Гималаи (наиболее удобный здесь перевал Сепо-ля и продолжение его Кару-ля). В Шекаре дошли слухи, что приезжал человек от британского резидента из Гангтока (Сикким), который пробыл дней десять и расспрашивал, кто едет, собирал все слухи, на Востоке обычно бегущие вперед в самом несуровом виде.

Первая остановка на территории уже исключительно английского влияния в Сиккиме, хотя это номинально и отдельное (как Непал и Бутан) магараджство с 1924 года, была в бенгало (дом для путешественников) в Танку. Здесь высота еще тысяч 12 футов, далее идет спуск с Гималаев до г. Даржилинга (Дорджи-линг — страна молний), где высота уже менее 7000 футов. В Лачене (небольшое поселение) были уже местные сельские власти, которым сообщено было, что едет из Тибета экспедиция через Гангток в Даржилинг. По приглашению резидента (был выслан навстречу при въезде человек из непальской стражи в национальной одежде, т.е. довольно странной цилиндрической шапке с павлиньим пером, босой и с ножом у пояса), профессор, его супруга и сын проехали прямо в резиденцию, где им были отведены особые комнаты, я же проехал с караваном в дом для остановки — бенгало, где и жил до другого дня, когда мы выехали в Даржилинг. С резидентом Бейли, как сообщил мне профессор, он был знаком по предыдущему его путешествию по Индии и Сиккиму. О путешествии по Сиккиму имеется в его книге «Пути Благословения», которую я читал у Профессора, но в собственность за неимением лишнего экземпляра мне получить не удалось. В пути, уже в Южном Тибете, я узнал, что профессор предполагает остановиться на более или менее продолжительное время в

Даржилинге (это город и в то же время дачное место для жителей Бенгалии в горах, где летом относительно не так жарко) для отдыха и, в особенности, поправки здоровья супруги, и что мне придется вскоре же ехать обратно через Китай, где не спрашивают паспортов, так как при выезде через Европу придется визировать мой советский паспорт во французском и германском консульствах, а оттуда англичане могут узнать, что я советский гражданин, профессор же не хотел давать на себя каких-либо подозрений, в то же время, видимо, опасался интереса англичан моей личностью и каких-либо расспросов. Юрий Николаевич Рерих предупредил меня, что обо мне он сказал, что я приглашен из какого-то местечка или пункта в Монголии, где был профессор, что я русский беженец после революции, давно живу в Монголии, показывал монгольский паспорт и что тут проездом, возвращаясь к себе через Китай.

В Даржилинге остановились в прежней даче, которую раньше занимал профессор, в версте или двух от города. На второй день пребывания я после фруктов заболел тяжелым кровавым поносом, являлся к чаю и к обеду, но ничего почти есть не мог. Через неделю уехал в Китай. За это время происходило омеблирование дачи и приведение комнат в порядок — была запущена, наем необходимой местной прислуги — береров, свипера, чепраси, кока* и т.п. Здесь, в Даржилинге, проявлены были все путевые снимки. Приходившему репортеру какой-то газеты профессором была дана заметка о сделанном путешествии и некоторые наилучшие путевые снимки, которые через день или два появились в газете. Кроме репортера и всяких кули и поставщиков, заходил только давно знакомый профессору лама — настоятель Гумского монастыря. По приезде в Даржилинг профессор тотчас же (на другой день утром) послал телеграмму Президенту Общества друзей Музея Рериха Хоршу в Нью-Йорк, а также сыну своему младшему, художнику же, чрезвычайно даровитому и уже известному в Америке и Европе, где он подолгу живет в Париже и в Италии, Святославу, которого он звал повидаться с собой и матерью, нежно его любящей и давно не выдавшей. Ожидался, кажется, и приезд Э.Г.Лихтман.

Вы спрашивали меня, знаком ли я с Митусовым и Голлербахом. Митусова я видел единственный раз в жизни в течение не более получаса за месяц, приблизительно, до своего отъезда в 27 году в Ургу, вечером у Б.К.Рериха. Сначала даже не знал, кто он, и потому с ним не разговаривал. Потом спросил после его ухода у Б.К. и узнал, что это двоюродный брат Елены Ивановны Рерих, очень, кажется, несчастный в семейной жизни человек или обремененный семейством, рассказывал он Б.К., что обучает музыке, играет ли на рояле или читает, я не помню, в Обществе политкаторжан. С тех пор я его не видел и какая его профессия, до сих пор не знаю. В Шарагольжи я сказал Е.И.Рерих, что встретил ее брата и рассказал о впечатлении его на меня крайней беспомощности, худобы и несчастности. Это был, оказывается, любимый из ее кузенов, сверстник ее детских игр, она очень тепло и сочувственно отзывалась о нем.

Голлербаха я лично совершенно не знаю. Фамилию его слышал; кажется, это художник или художественный критик, публицист. В 1926 г. в

* носильщиков (англ.), уборщика (англ.), курьера (хинди), повара (англ.)

вечерней Красной Газете была его статья* о приезде профессора Н.К.Рериха в Москву. Кроме того, я в дороге в Ургу слышал от Э.Г.Лихтман возмущение по поводу каких-то его статей о профессоре Рерихе и что он не из числа его друзей, очень интересуется его художественными успехами, но завистливо и недоброжелательно, что поэтому профессор Н.К.Рерих особенно любезен и внимателен к нему (в одной из прежних книг профессора была статья «Похвалы врагам моим»).

Об Обществе друзей Музея Рериха я услышал, что такое существует, от Б.К.Рериха в декабре, конце 1926 г., когда ему был переслан от Музея проспект на английском языке об условиях и членских взносах этого Общества. Кажется, наименьший взнос был что-то 10 долларов. Во-первых, как послать отсюда эти деньги, а во-вторых, кто же из русских будет записываться, это возможно только для богатых американцев, поддерживающих средствами Музей. Разговор окончился только моим недоумением; кажется, и Б.К. так же отнесся к этому неожиданному предложению к нему, как брату профессора, имени которого существует собрание картин в Музее.

Не думаю, чтобы здесь где-либо, т.е. в Ленинграде или Москве были, действительно, члены этого официального почетно-благотворительного американского «Общества друзей Музея Рериха», так как нет причины и возможности делать в долларах эти большие взносы, годовичные или полугодовичные. Но несомненно, благодаря приезду профессора Н.К.Рериха и двукратному приезду Лихтмана (вице-президента Общества), хлопотавшего в Москве о концессиях, должны существовать какие-либо неофициальные кружки поклонников гениального мастера, профессора Н.К.Рериха, главным образом, среди художников и в среде художественной молодежи, как наиболее искренне увлекающейся. Возможно, что это немногочисленные кружки среди близко знакомых друг с другом людей.

Здесь, в Ленинграде, я ни от кого не слышал разговоров о Рерихе и вопросов. По всей вероятности здесь его помнили еще и вспоминали его брат Б.К., я и Митусов, но мы совершенно не виделись с Митусовым, а с Б.К. я в довольно индифферентных и прохладных отношениях после его отъезда на Украину в 1919 году и потому редко с ним встречался и вовсе о «Шамбале» и буддизме не говорил.

В Москве, думаю, имеются поклонники в художественной, преимущественно, среде. Тем более есть основание это предполагать, что, как я слышал, во время приезда профессора и его семьи и Лихтманов в Москву в июне 1926 года, приблизительно около месячного его пребывания в Москве (здесь он не был, и туда вызывал только Б.К., брата, и брата супруги, Митусова) у него перебивало большое количество разных людей и молодежи. Москву я совсем не знаю и за 12 лет последних был раза 2 проездом.

К.Рябинин

* Голлербах Э.Ф. Судьба Рериха // Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. 9 сентября.